

СТЕФАНИЯ АУЧИ

Львы Сицилии. Закат империи

Магистраль. Главный тренд

Стефания Аучи

Львы Сицилии. Закат империи

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Аучи С.

Львы Сицилии. Закат империи / С. Аучи — «Эксмо»,
2019 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-196708-6

Масштабная семейная сага о семействе Флорио, чья история охватывает более 150 лет и переплетена со взлетами и падениями Сицилии. Начав с торговли пряностями в небольшой лавке, Флорио основывают свою империю. Им принадлежат винодельни, пароходы, тунцовый промысел, дома, драгоценности, машины. Но недостаточно достичь вершины, на ней еще нужно удержаться. Иньяцио пытается идти по стопам своего отца и дедов, однако его больше прельщают шумные вечеринки, общение с друзьями и девушки, много девушек. Он задаривает свою жену дорогими украшениями после каждой измены, допускает одну ошибку за другой в бизнесе и поначалу не замечает, как от могущественной империи начинают откалываться куски... Это продолжение романа «Львы Сицилии. Сага о Флорио», но благодаря авторской подаче вторую часть можно воспринимать как независимое произведение. Это роман-аллюзия на «Сто лет одиночества» Гарсиа Маркеса. Это роман о любви и ненависти, об эмоциональной зависимости и предательстве. Это роман о семье и о том, как семья может распасться.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-196708-6

© Аучи С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Флорио	7
Море	8
Тоннара	43
Олива	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Стефания Аучи

Львы Сицилии. Закат империи

Stefania Auci

I FLORIO

Stefania Auci © 2019 Casa Editrice Nord s.u.r.l. + Gruppo editoriale Mauri Spagnol

© Боченкова И., перевод на русский язык, 2024

© Симонова Н., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Элеоноре и Федерико, за всю любовь и нежность.
Я очень горжусь вами.*

*Довольно жил я; мой житейский путь
Привел меня к засухе, к желтым листьям;
Но где же спутники преклонных лет:
Почет, любовь, толпа друзей? Увы!
Мне не видать их; вместо них придут
Проклятия, негромкие, глухие,
Дыханье лести... да и в нем бы мне
Отказывали, если б смели...*

Уильям Шекспир¹

¹ Уильям Шекспир. Макбет, акт V, сц. 3. Перевод С. М. Соловьева.

Флорио

1799–1868

Оставив родной город Баньяра-Калабра, братья Паоло и Иньяцио Флорио в 1799 году переезжают в Палермо в надежде разбогатеть. Они ароматарии – торговцы пряностями. Конкуренция жестока, но они упорно идут вперед и вскоре расширяют сферу деятельности: начинают торговать серой, скупают дома и земли у разорившихся дворян Палермо, основывают судоходную компанию... Удача, подпитываемая упрямой решимостью, не покидает дом Флорио, и когда Винченцо, сын Паоло, берет бразды правления в свои руки: в его погребах марсала – вино бедняков – превращается в достойный королевского стола нектар; новаторский метод консервации тунца – в масле и в банках – позволяет увеличить объем сбыта... Весь Палермо наблюдает за успехами Флорио с восхищением, смешанным с презрением и завистью: эти дельцы остаются чужими в этом городе, «босьяками», чья кровь «воняет потом». Однако Флорио амбициозны, их частная и публичная жизнь подчинена горячему стремлению занять высокое положение в обществе. Мужчины в этой семье – личности неординарные, но вместе с тем хрупкие, и хоть они и не признаются в этом, рядом с ними должны быть неординарные женщины, такие как Джузеппина, жена Паоло, которая жертвует всем, даже любовью, ради семьи, или Джулия, молодая миланка, которая вихрем врывается в жизнь Винченцо и становится для него тихой гаванью, надежной опорой.

Винченцо умрет в 1868 году в неполные семьдесят лет, оставив дом Флорио единственному сыну, тридцатилетнему Иньяцио, который двумя годами ранее женился на баронессе Джованне д'Ондес Тригоне, привнеся наконец-то в семью «благородную кровь». Иньяцио вырос в уважении к труду, в убеждении, что Флорио всегда должны смотреть далеко вперед, за горизонт. Ему и предстоит написать новую главу в истории семьи...

Море

Сентябрь 1868 – июнь 1874

Не от радости пташка в клетке поет.

Сицилийская пословица

Семь лет прошло с того момента, как 17 марта 1861 года парламент Сардинии провозгласил рождение Королевства Италия, главой которого стал король Виктор Эммануил II. Первые всеобщие парламентские выборы прошли в январе 1861 года (из более чем 22 миллионов жителей лишь немногим более 400 000 человек имели право голоса), убедительную победу на них одержала «Правая» либерально-консервативная партия, состоящая главным образом из крупных землевладельцев и промышленников и ориентированная на жесткую фискальную политику, так как обедневшая в процессе объединения страны госказна требовала пополнения. Особое недовольство в народе вызвал так называемый налог на помол (1 января 1869 года) зерна и различных круп, который напрямую касался бедняков и привел к яростным протестам. Хотя некоторые политики считали его «пошлиной времен Средневековья, налогом Бурбонов и феодалов», он будет действовать до 1884 года. В 1870 году министр финансов Квинтино Селла введет очередную серию жестких мер с целью установления строжайшей экономии.

Конец Второй империи (1852–1870) и начало Третьей Французской республики (1870–1940) также имели важные последствия для итальянской истории: лишившись поддержки Франции, 20 сентября 1870 года Папская область пала. После трехчасового артобстрела королевские войска с криками «Савойя!» вошли в Рим через пролом в стене у ворот Порта-Пиа. 3 февраля 1871 года Рим официально становится столицей Италии, сменив Турин (1861–1865) и Флоренцию (1865–1871). 21 апреля 1871 года итальянское правительство приняло так называемый Закон о папских гарантиях, призванный обеспечить папе личный суверенитет и свободу в осуществлении духовного служения, но Пий IX, объявив себя «Ватиканским узником», отверг любой компромисс и выразил протест энцикликой *Ubi Nos* (15 мая 1871 года). 10 сентября 1874 года Святой Престол объявляет так называемый *Non Expedit*, предписывающий католикам воздерживаться от участия в политической жизни Италии – запрет, который часто обходили вплоть до его отмены в 1919 году.

Постепенное пополнение казны, завершение важных строек в Италии (от железной дороги Мон-Сени, открытой 15 июня 1868 года, до тоннеля Фрежюс, первого железнодорожного тоннеля через Альпы, открытого 17 сентября 1871 года) и в мире (17 ноября 1869 года открыт Суэцкий канал) и приток иностранного капитала способствовали зарождению итальянской промышленности в 1871–1873 годах. Экономический взлет был прерван финансовым кризисом, поразившим Европу и США; «великая депрессия», вызванная серией спекуляций и рискованных инвестиций, продолжится до 1896 года и, конечно, не поможет преодолению глубокого разрыва между севером и югом Италии. Проблема последнего еще и в том, что значительные инвестиции в строительство железных дорог на севере не находят поддержки на юге страны, где правительство сосредотачивает усилия на развитии флота.

В море нет ни церквей, ни таверн, – говорят старые рыбаки. В море нет мест, где можно укрыться, ведь во всей вселенной нет стихии более величественной и непостоянной. Человеку остается лишь склониться перед его волей.

Сицилийцы всегда понимали: море уважает только тех, кто оказывает ему уважение. Море великодушно: оно дает рыбу, соль, дает парусам кораблей ветер, дает кораллы и жемчуг, чтобы украшать святых и королей. Море непредсказуемо и в любой момент может отобрать эти

дары. Вот почему сицилийцы его чтят и на него равняются: оно закаляет характер, определяет судьбу, помогает, кормит, защищает их.

Море – это граница открытая, подвижная. Вот почему жителям Сицилии не сидится на месте, они ищут другие земли там, за горизонтом, стремятся убежать из дома в поисках того, что, как нередко выясняется к концу жизни, всегда было рядом.

Для сицилийцев море – это отец. Они понимают это, когда оказываются от него далеко и не чувствуют всепроникающего запаха водорослей и соли, разносимого ветром по переулкам.

Для сицилийцев море – это мать. Любимая и ревнивая. Незаменимая. Иногда жестокая.

Для сицилийцев море – это форма и граница их души.

Оковы и свобода.

* * *

Сначала это шепот, шум, принесенный дуновением ветра. Он рождается в сердце виллы, под сенью задернутых гардин, в комнатах, погруженных в полумрак. Ветер подхватывает голос, и он усиливается, смешивается с плачем и причитаниями старой женщины, сжимающей холодную руку.

– Умер... – говорит голос и дрожит, себе не веря. Слово создает реальность, утверждает происшедшее, признает необратимое. Шепот летит в уши слуг, оттуда – к их губам, снова вылетает, вверяется ветру, который несет его через сад, к городу. Переливается из уст в уста, облекается в удивление, плач, страх, испуг, злость.

– Умер! – повторяют жители Палермо, обратив взоры к Оливуцце. Не могут поверить, что Винченцо Флорио мертв. Конечно, он был стар, долго болел, давно передал управление торговым домом сыну, и все же... Винченцо Флорио был титаном, человеком настолько могущественным, что для него не было никаких преград. И вот он умер, апоплексический удар.

Есть и те, кто радуется, у кого в душе давно гнездится зависть, ревность и жажда мести. Пусть себя потешат. Винченцо Флорио тихо отошел в мир иной у себя дома, окруженный любовью и заботой жены и детей. И умер он богатым, благодаря удаче и своей хватке получив все то, что хотел получить. Да и смерть, похоже, была к Винченцо милосердной, а ведь он часто отказывал в милосердии другим.

– Умер!

Весть, наполненная изумлением, печалью, гневом, достигает сердца Палермо, летит над бухтой Кала, рассыпается на узких улочках, окружающих порт. Разносится по виа Матерассай, доставленная запыхавшимся слугой. Напрасная гонка, потому что крик «Умер!» уже проник через двери и окна, покатился по полу, влетел в спальню Иньяцио, где застал жену нового владельца дома Флорио.

Услышав долетевшие с улицы крики и плач, Джованна д'Ондрес Тригона беспокойно поднимает голову, качнув длинной черной косой. Вцепившись в подлокотники кресла, вопросительно смотрит на донну Чиччу, гувернантку, ставшую теперь компаньонкой.

Раздается громкий нетерпеливый стук в дверь. Донна Чичча инстинктивно прикрывает голову младенца, которого держит на руках – Иньяцидду, второго сына Джованны, – и идет открывать. Видит слугу на пороге, сухо спрашивает:

– Что случилось?

– Умер! Дон Винченцо, только что.

Тяжело дыша, слуга ищет глазами Джованну.

– Ваш муж, синьора, прислал сказать. Он велит надеть траур и приготовиться к визитам.

– Умер?... – спрашивает она, и в ее голосе скорее не печаль, а удивление. Ей трудно скорбеть об уходе человека, которого она никогда не любила и в присутствии которого робела настолько, что едва могла вымолвить слово. Да, в последние дни ему стало хуже, поэтому рож-

дение Иньяцидду никто не праздновал, но кто же знал, что все закончится так быстро. Она с трудом поднимается с кресла. Роды были тяжелыми, и ей еще трудно стоять.

– Мой муж там?

– Да, донна Джованна, – кивает слуга.

Донна Чичча заливается краской, поправляет выбившуюся из-под чепца прядь черных волос, поворачивается к Джованне. Та хочет что-то сказать, но не может, а только протягивает руки, берет новорожденного и прижимает его к груди.

Донна Джованна Флорио. Отныне ее будут называть именно так. Не синьора баронесса, как полагается по титулу, который достался ей по праву рождения, титулу, благодаря которому она вошла в этот богатый купеческий дом. Отныне не важно, что она из семейства Тригона, одной из старейших династий Палермо. Отныне в доме Флорио она госпожа и хозяйка.

Донна Чичча забирает у нее ребенка.

– Вам нужно надеть траур, – шепчет она Джованне. – Будут визиты с соболезнованиями.

В голосе донны Чиччи слышатся нотки почтительности, которых Джованна не замечала раньше. Теперь все будет по-другому. Теперь у нее особая роль. И она должна доказать, что ее достойна.

У нее перехватывает дыхание, бледнеет лицо. Она покрепче запахивает полы капота.

– Велите завесить зеркала и оставить приоткрытыми ворота, – говорит она твердым голосом. – Затем помогите мне переодеться.

Джованна идет в гардеробную. Руки дрожат, ее знобит, как от холода. А в голове одна-единственная мысль: *я – донна Джованна Флорио.*

* * *

Дом пуст.

По дому бродят тени.

Длинные тени между шкафов из ореха и красного дерева, за приоткрытыми дверями, в складках тяжелых гардин.

Тишина. Неспкойная. Отсутствие звуков, неподвижность, которая душит, от которой перехватывает дыхание, замирает тело.

Все спят. Все, кроме одного: Иньяцио в домашних туфлях и халате бродит по темным комнатам дома на виа Матерассай. Бессонница, мучившая его в юности, вернулась.

Он не спал три ночи. С тех пор как умер отец.

Подступают слезы, он до боли трет глаза. Плакать нельзя, не положено: слезы – женский удел. Но ему так одиноко, так остро ощущает он покинутость, отчуждение, что, кажется, эти чувства его раздавят. Привкус страдания во рту, он сглатывает его, запирает внутри. Переходит из комнаты в комнату. Останавливается у окна, смотрит на улицу. Виа Матерассай погружена в темноту, разорванную робкими пятнами света от уличных фонарей. Окна других домов – пустые глазницы.

У каждого вздоха есть вес, форма, вкус – он горький. Какой же он горький!

Иньяцио тридцать лет. Отец давно передал ему управление винодельней в Марсале, а незадолго до смерти выдал генеральную доверенность на ведение всех дел. Два года назад Иньяцио женился на Джованне, она подарила ему сыновей Винченцо и Иньяцио, будущее дома Флорио. Он богат, влиятелен, уважаем.

Но ничто не может возместить горечь утраты.

Пустота.

Стены, мебель, предметы – немые свидетели тех дней, когда его семья была целой и невредимой. Когда миропорядок был прочным, а время мерно текло в работе. И вдруг равно-

весие взорвалось, разлетелось тысячей осколков, и он, Иньяцио, оказался в воронке, в самом центре взрыва. А вокруг разруха и опустение.

Он ходит и ходит, идет по коридору, мимо кабинета отца. На мгновение у него возникает желание войти, но он понимает, что не сможет, не сейчас – слишком тяжел груз воспоминаний. Он идет дальше, поднимается по лестнице, входит в небольшую комнату, где отец обычно встречался с компаньонами для дружеских бесед или уединялся для размышлений. Стены здесь обиты деревом, на них висят картины. Иньяцио стоит на пороге, опустив голову. Из открытых окон в комнату льется свет уличных фонарей, освещая кожаное кресло и маленький столик, на котором лежит газета, та самая, которую отец читал в тот день, когда его сразил апоплексический удар. Ни у кого не хватило духу ее выбросить, хотя прошел уже не один месяц. В углу на столике – пенсне и коробочка с нюхательным табаком. Все на месте, как будто отец скоро вернется.

Иньяцио кажется, что он чувствует его запах, его одеколон с нотками шалфея, лимона и морского бриза, слышит его голос – усталое ворчание, и даже его тяжелые шаги. Кажется, он видит, как отец погрузился в чтение писем и документов, легкая улыбка блуждает у него на губах, придавая лицу ироничное выражение: вот он поднимает голову и что-то бормочет, должно быть, комментирует прочитанное.

Иньяцио не находит себе места. Как жить дальше? У него было время, чтобы подумать об этом, подготовиться, но сейчас он не знает, как быть. Ему кажется, что он тонет, как тогда, в детстве, в Аренелле. Отец нырнул и спас его. Он помнит эти ощущения: нечем дышать, морская вода обжигает трахею... как сейчас обжигают лицо слезы, которые он не в силах сдержать. Он справится, он выдержит. Теперь он глава семьи, на его плечах лежит забота о доме Флорио. И о матери – теперь она одна. И, конечно, о Джованне, Винченцо, Иньяцидду...

Он делает глубокий вдох, вытирает глаза. Он боится забыть отца, забыть его руки, его запах. Но об этом никто не должен знать. Нельзя, чтобы кто-то видел боль и страдание в его глазах. Он не сын, потерявший отца. Он – новый хозяин успешного, процветающего торгового дома.

Он помнит об этом и сейчас, в момент мучительного одиночества. Как бы хотелось ему протянуть руку и коснуться руки отца, спросить у него совета, работать рядом с ним, плечом к плечу, в тишине, как прежде.

Теперь Иньяцио и сам отец, но как жаль, что нельзя вернуться в те времена, когда он был просто сыном.

* * *

– Иньяцио!

Мать негромко зовет его. Джулия заметила у входа в комнату, где спят Винченцо и Иньяцидду, силуэт сына. Она сидит в кресле, баюкая на руках новорожденного, который пришел в этот мир тогда, когда дедушка готовился его покинуть.

На Джулии черный бархатный капот, седые волосы заплетены в косу. В свете свечи Иньяцио замечает ее искореженные артритом руки, сторбленную спину. Боль в костях мучает ее давно, но ей всегда удавалось держать осанку. А сейчас Джулия скрючилась, сжалась в комок. Она выглядит намного старше своих пятидесяти девяти лет, словно на плечи ей внезапно навалилась вся тяжесть мира. Ее взгляд – такой безмятежный и вместе с тем живой, любопытный – погас, потускнел.

– *Матан...* Что вы здесь делаете? Почему не позвали кормилицу?

Джулия молча смотрит на сына. Качает на руках младенца, на ее ресницах блестят слезы.

– Он бы порадовался малышу, второй сын у тебя. Твоя жена молодец: ей двадцать пять лет, а она подарила тебе уже двух наследников.

Иньяцио чувствует, как сжимается сердце. Садится в кресло напротив матери, рядом с колыбелью.

– Я знаю. – Он кладет руку на руку матери. – Мне так жаль, что он не увидит, как они вырастут.

Джулия вздыхает.

– Он мог бы жить долго. Но он себя не щадил, никогда. Никогда не отдыхал, даже в праздники, всегда работал... – говорит она, потирая висок. – Не мог остановиться. Это его и сгубило.

Джулия крепко сжимает руку сына.

– Поклянись. Поклянись мне, что никогда не будешь ставить работу выше семьи.

Хватка Джулии энергична, это энергия отчаяния, порождаемая мыслью, что время лишь забирает и ничего не дает взамен; сжигает воспоминания, превращая их в пепел. Иньяцио накрывает ее руку своей, чувствует кости под тонкой кожей. Сердце его сжимается еще сильнее.

– Ну да.

Джулия качает головой: ей не нравится этот автоматический ответ. Малыш агукает у нее на руках.

– Подумай о жене и об этих крохах, – типично по-сицилийски она, миланка, приехавшая на остров в двадцать лет, кивает в сторону кровати, где спит годовалый Винченцо. – Ты не знаешь, не помнишь, но твой отец не видел, как растут твои сестры, Анджелина и Пеппина. Он и тебя замечал лишь потому, что ты мальчик, а он так хотел сына. – Ее голос прерывается, дрожит от слез. – Не повторяй эту ошибку. Мы многое в жизни теряем, но детство наших детей – одна из самых тяжелых потерь.

Он кивает, закрывает лицо руками. В памяти всплывает суровый взгляд отца. Только повзрослев, Иньяцио стал видеть уважение и любовь в его глазах. Винченцо Флорио был немногословен, его взгляд говорил больше, чем слова. Он не умел проявлять чувства. Иньяцио не помнит, чтобы отец обнимал его. Может быть, иногда гладил по голове. И все же Иньяцио его любил.

– И о Джованне, твоей жене, не забывай. Она тебя любит, бедняжка, и хочет быть рядом с тобой.

К жалости во взгляде Джулии примешивается укоризна. Она вздыхает.

– Если ты женился на ней, значит, должен испытывать хоть какие-то чувства.

Иньяцио машет рукой, как будто отгоняет назойливую мысль.

– Да, – бормочет он и замолкает, опустив глаза, боится встретиться взглядом с глазами матери: она всегда умела читать его самые сокровенные мысли.

Эта боль принадлежит только ему.

Джулия встает и тихо укладывает Иньяцидду в колыбельку. Младенец поворачивает головку и засыпает с довольным вздохом.

Иньяцио ждет мать на пороге комнаты, потом обнимает ее за плечи и провожает в спальню.

– Я рад, что вы приехали к нам, по крайней мере на первое время. Трудно представить, как вы там жили бы сейчас одна.

– Дом в Оливуцце слишком большой без него, – кивает Джулия. *Пустой. Навсегда.*

У Иньяцио перехватывает дыхание.

Джулия идет в комнату, которую ей выделили сын и невестка, ту самую, где много лет назад жила ее свекровь, Джузеппина Саффьотти Флорио. Строгая женщина, рано потерявшая мужа, она вырастила Винченцо вместе с Иньяцио, приходившимся ей деверем. Джузеппина долго противилась приходу Джулии в семью, считая ее выскочкой, охотницей за богатым

мужем. Вот и Джулия теперь вдова. Иньяцио тихо закрывает дверь спальни. Джулия стоит посреди комнаты, смотрит невидящим взглядом на супружескую постель.

Иньяцио не слышит ее. У него своя боль, ему не понять боль Джулии, глубокую, острую, безнадежную.

Джулия и Винченцо выбрали друг друга, любили друг друга, вопреки всем и всему на свете.

Как мне жить без тебя, мой любимый?

* * *

Дверь, чуть скрипнув, открывается и тут же закрывается беззвучно. Матрас рядом с Джованной прогибается, Иньяцио возвращается в постель, от его тела исходит тепло, смешивается с ее собственным.

Джованна дышит тихо, притворяясь спящей, но сон ушел вместе с мужем, когда тот вышел из комнаты. Она знает, что Иньяцио страдает бессонницей, а у нее чуткий сон: проснется, лежит и не может заснуть. Думает о том, что смерть отца выбила Иньяцио из колеи, хоть он и не признаётся.

Ее глаза уставлены в темноту. Она хорошо помнит первую встречу с Винченцо Флорио: крепкий мужчина с хмурым взглядом и тяжелой одышкой. Осматривал ее, как товар на рынке. Она от страха потупила взор, уставившись в пол гостиной на вилле в Терре-Россе, что сразу за стенами старого Палермо. Потом Винченцо повернулся к жене и сказал шепотом, эхом прокатившимся по гостиной д'Ондес: «Не слишком ли худая?»

Джованна резко вскинула голову. Ее вина в том, что она всю жизнь старалась не стать похожей на мать – толстой, почти бесформенной? Значит ли это, что она не может быть хорошей женой? Уязвленная таким несправедливым обвинением, она посмотрела на Иньяцио, надеясь, что он скажет что-то в ее защиту.

Но он оставался безучастным, на губах его блуждала неясная улыбка. Тогда ее отец, Джоакино д'Ондес, граф Галлитано, успокоил Винченцо: «Девушка здорова, – гордо заявил он. – И даст крепкое потомство вашему дому».

Да, потому что способность к деторождению – единственное, что интересовало дону Винченцо. Его совершенно не волновало, толстая она или худая, влюблен в нее Иньяцио или нет.

Несмотря ни на что, в дом Флорио она вошла с сердцем, наполненным любовью к мужу, человеку гордому и решительному.

Да, она радовалась, потому что влюбилась в него с первого взгляда, в семнадцать лет, в тот день, когда впервые увидела его в Казино дам и кавалеров, лучшем аристократическом клубе города. Ее покорило его хладнокровие, его сила, которая, казалось, исходила из непогрешимой уверенности в своем превосходстве, его сдержанный и ровный тон.

Желание возникло позже, когда между ними случилась близость. Но это и обмануло ее, заставив поверить, что их брак отличается от того, о чем ей рассказывали, что в нем может быть любовь или хотя бы уважение. Все, начиная с матери, туманно намекали ей, что придется идти на «жертвы» и «терпеть» мужа, даже священник, отец Берто, в день свадьбы дал ей такое напутствие: «Терпение – главное приданое жены».

Тем паче, если вы идете замуж за Флорио, добавил его взгляд.

И она терпела, подчинялась, вечно ожидая одобрения или хотя бы признания. Два года она жила меж сдержанной учтивостью донны Джулии и острыми взглядами дона Винченцо, чувствуя вину за свое – не особенно щедрое – приданое и образование, значительно уступающее образованию ее невесток; жила в огромном доме с людьми, казавшимися ей чужими. В особенно трудные минуты она взывала к своему благородству, к крови Тригоны. Но прежде всего находила спасение в любви, ведь в этом доме жил Иньяцио.

С упорством и решимостью она ждала, что он *по-настоящему* обратит на нее внимание. Однако получала лишь дежурную любезность, мимолетную близость.

Она слышит храп мужа. Поворачивается к нему, в темноте разглядывает его профиль. Она родила ему сыновей. Она любит его, пусть слепо и глупо, она знает.

И знает, что этого мало.

Джованна думает о том, что ко всему привыкаешь. А она слишком долго довольствовалась крохами. Теперь она хочет большего. Она действительно хочет стать ему женой.

* * *

Утром 21 сентября 1868 года нотариус Джузеппе Кваттрокки зачитывает последнюю волю Винченцо Флорио, торговца. В темном костюме английского пошива и галстук из черного крепа Иньяцио слушает завещание, в котором каждому направлению деятельности Флорио отведен свой раздел. На столе – папки, сложенные в аккуратные стопки. Секретарь нотариуса берет их, проверяет список имущества. Бесконечный перечень – имена, цифры, названия.

Иньяцио невозмутим. Никто не должен видеть его сплетенных под столом дрожащих рук.

Он всегда знал, что сеть их деловых отношений обширна, но только сейчас по-настоящему понял, насколько она сложна и запутанна. Еще совсем недавно у него было свое небольшое дело – винодельня в Марсале. Он любил время сбора винограда, любил вечера, когда солнце исчезает за силуэтом Эгадских островов, за лагуной Станьоне.

Теперь перед ним высится гора бумаг, денег, договоров и обязательств. Ему придется ее покорить, взобраться на вершину, но и этого недостаточно: он должен будет найти новую, еще не покоренную высоту. Флорио обязаны быть дальновидными. Такими, как его дед Паоло и дядя Иньяцио, которые перебрались из Баньяры в Палермо. Такими, как его отец, который создал винодельню в Марсале, взял в свои руки промысел тунца на Фавиньяне и упрямо, вопреки советам, решил открыть литейный цех «Оретеа», который сегодня дает работу и хлеб десяткам мужчин. У Иньяцио не было никаких сомнений в том, что придет и его время идти вперед. Он – мужчина, наследник, тот, кто должен продолжить род, укрепить власть и благосостояние.

Иньяцио расцепляет руки, они наконец-то перестали дрожать, и кладет их на стол. Смотрит на пальцы: на безымянном под обручальным кованое золотое кольцо, которое отец подарил ему два года назад, в день свадьбы с Джованной. Это кольцо принадлежало дяде, чье имя он носит, а еще раньше – его прабабушке, Розе Беллантони. Никогда еще оно не казалась ему таким тяжелым.

Нотариус продолжает чтение: он дошел до распоряжений, касающихся матери и сестер, для которых подготовлены дарственные. Иньяцио слушает и, кивнув, подписывает акты о принятии наследства.

Он встает, оглядывает собравшихся. Знает, что все ждут от него каких-то слов. Не хочет, не должен их разочаровать.

– Спасибо, что пришли. Мой отец был удивительным человеком: у него был непростой характер, но в делах он всегда был порядочным и целеустремленным. – Иньяцио замолкает, подбирая слова. Спина прямая, голос твердый. – Надеюсь, вы будете работать в доме Флорио с тем же усердием, с каким работали при моем отце. Я продолжу его дело и сделаю все, чтобы упрочить его. Я помню, что дом Флорио прежде всего источник существования для многих, он дает хлеб, работу, чувство собственного достоинства. Я обещаю, что буду заботиться о них... о вас. Вместе мы сделаем этот дом сердцем Палермо и всей Сицилии.

Иньяцио кладет руки на папки, лежащие перед ним.

Морщины беспокойства разгладились, настороженные взгляды стали мягче.

Пока им хватит моих заверений, думает Иньяцио и чувствует, как спадает напряжение, расслабляются плечи. Но уже завтра будет иначе.

Все встают, подходят к Иньяцио, выражают соболезнования, кое-кто даже просит о встрече. Иньяцио благодарит, дает секретарю распоряжение назначить встречи.

Винченцо Джакери вместе с Джузеппе Орландо подходит последним. Давние друзья семьи, с некоторых пор они стали сотрудниками и советниками дома Флорио. Винченцо – брат того самого Карло Джакери, который был правой рукой Винченцо Флорио и архитектором виллы «Четыре пика». Карло умер тремя годами ранее. Это горе Винченцо перенес с виду невозмутимо, переживания держал в себе. Джузеппе Орландо – опытный инженер-механик, знаток торгового флота, в прошлом гарибальдиец, а ныне – скромный служащий и примерный семьянин.

– Нужно поговорить, дон Иньяцио, – Джакери не любит предисловий. – Дело касается пароходов.

– Я знаю.

Нет, не завтра – сегодня, думает Иньяцио, плотно сжав губы. *У меня нет времени на передышку, не было и не будет.*

Он оглядывает собеседников, выходит вместе с ними из зала, где слуги протягивают перчатки и шляпы родственникам, прибывшим на похороны и на чтение завещания. Прощается с сестрой Анджелиной и ее мужем Луиджи Де Паче; пожимает руку Аугусто Мерле, тестю сестры Джузеппины, которая давно живет в Марселе.

Все трое идут в рабочий кабинет Винченцо. На пороге Иньяцио в нерешительности останавливается, как и накануне вечером, словно перед ним стена. Он столько раз заходил в эту комнату, но тогда отец был жив, отец управлял домом Флорио.

А теперь по какому праву Иньяцио здесь? Кто он без отца? Все говорят, что он наследник. А может, он – самозванец?

Иньяцио закрывает глаза и на миг представляет, что вот сейчас дверь откроется и он увидит отца, сидящего в своем кожаном кресле, – седые волосы растрепались, лоб нахмурен, пыливый взгляд, пальцы сжимают лист бумаги...

Рука Винченцо Джакери ложится ему на плечо.

– Не бойся! – отрывисто говорит он.

Нет, не сегодня – сейчас, думает Иньяцио, пытаюсь прогнать давящий страх. У него смерть отняла отца; у них – управляющего. *Сейчас, не потом*, потому что настала пора доказать, что он станет достойным преемником. Что его жизнь, посвященная дому Флорио с момента рождения, не бесполезна. Что слабость печали не его удел, а если он чувствует свою уязвимость, то должен ее скрыть. Его задача отныне – ободрять. Время, когда утешали и поддерживали его, прошло. Хотя ему кажется, что оно никогда и не начиналось.

Он переступает через порог. Входит в комнату, завладевает пространством. Кабинет снова становится кабинетом – местом для работы: массивная мебель, два кожаных кресла и большой письменный стол из красного дерева, на котором громоздятся документы, бухгалтерские отчеты.

Иньяцио садится за *тот самый* стол, в *то самое* кресло. Его взгляд падает на чернильницу и на поднос, где лежат нож для бумаги, печати, линейка, пресс-бювар. На одном листе – слабый отпечаток пальца.

– Итак... – Иньяцио делает глубокий вдох. Замечает карточки с соболезнованиями. Самая верхняя – от Франческо Криспи. *Нужно немедленно написать ему*, думает Иньяцио. Его отец и Криспи познакомились в то время, когда в Палермо высадились войска Гарибальди. Между ними сразу возникли искренние, доверительные отношения, которые с годами лишь укрепились. Криспи стал адвокатом Флорио, а теперь, похоже, делает блестящую политическую карьеру: недавно его избрали в палату депутатов.

– Сначала нужно всех успокоить. Нам должны доверять, как и раньше.

– А вопрос государственных субсидий, что вы об этом думаете? Ходят слухи, что правительство не хочет продолжать поддержку, без нее дом Флорио окажется в сложной ситуации. В Средиземноморье много компаний, которые готовы на все, чтобы открыть дополнительные маршруты.

С места в карьер, думает Иньяцио. Решили начать с самого сложного.

– Я прекрасно об этом знаю и не собираюсь никому уступать. Планирую написать письмо синьору Барбаваре, генеральному директору почтового ведомства. Сообщу, что мы договариваемся о слиянии нашей компании «Почтовое пароходство» с компанией «Аккоссато и Пеирано» из Генуи, которая, как вы знаете, совместно с компанией Раффаэле Рубаттино осуществляет более половины всех морских перевозок. Этот шаг, несомненно, приведет к улучшению морских путей в целом и к укреплению нашего флота в частности. Но прежде всего я буду оспаривать отмену маршрута в Ливорно: это огромная потеря для нас, мы лишаемся прямой связи между Сицилией и Центральной Италией. В этом я полагаюсь на помощь и поддержку нашего человека в министерстве, кавалера Шибона, он передаст письмо и выступит на нашей стороне.

– Шибона – мелкая сошка. Что с того, что он работает в министерстве? Обычный бумагомаратель, к нему никто не прислушивается. Нужен кто-то повыше. – Орландо, усмехаясь, потирает бока.

Иньяцио согласно кивает, вскидывает брови.

– Поэтому я лично хочу поговорить с директором почтового ведомства, – медленно произносит он. – Он окажет необходимое давление... Даже если...

Иньяцио вертит в руке нож для бумаги.

– Проблема в другом: правительство решило сократить расходы. Они строят на севере железные дороги, их не интересует торговля с Сицилией. Мы сами должны предоставить веские основания для того, чтобы оправдать государственные субсидии, а значит, сделать морские пути рентабельными.

Джакери опирается локтями о стол, Иньяцио смотрит на этого человека с худым лицом и темными волосами, тронутыми сединой... В тусклом свете он так похож на брата, что становится жутко. *Как будто я на совете призраков, единственный живой. И эти призраки не хотят уходить*, думает Иньяцио.

– Что скажете, дон Винченцо? – спрашивает он. – Почему вы молчите?

Винченцо Джакери пожимает плечами, изучающе смотрит на Иньяцио.

– Потому что вы уже все решили и свое решение не измените.

Иньяцио смеется, впервые за эти дни. Это знак доверия.

– Конечно! Нужно, чтобы Барбавара согласился: работать с домом Флорио в его же интересах.

Джакери разводит руками, его губы растягиваются в подобие улыбки.

– Вот именно!

Иньяцио откидывается на спинку кресла, смотрит вдаль. В голове складываются фразы письма, которое он напишет. Нет, эту работу нельзя доверять секретарю. Он сам обо всем позаботится.

– В любом случае с конкурентами у нас под носом нужно держать ухо востро, – говорит Джузеппе Орландо. – До меня дошли слухи, что судовладелец Пьетро Тальявиа намерен построить флот для торговли в Восточном Средиземноморье.

Орландо прикрывает зевок кулаком. В эти дни всем было тяжело, сказывается усталость.

– Когда французы откроют в Суэце канал, плавать в Индию будет гораздо проще и быстрее...

Иньяцио прерывает его:

– Мы поговорим и об этом. Мой отец разбогател на торговле пряностями, но теперь спрос на них не такой, как раньше. Сегодня нужно сосредоточиться на том, что люди хотят передвигаться быстро и по возможности комфортно. В общем, они хотят жить современной жизнью. Именно это мы и должны им гарантировать, отправляя по маршрутам Средиземноморья самые быстрые пароходы, быстрее, чем у наших конкурентов.

Гости беспокойно переглядываются. Отказаться от торговли пряностями, на которой строилось благосостояние торгового дома? Они немолоды и многое повидали, поэтому знают, что резкая смена деятельности может привести к катастрофическим последствиям.

Иньяцио встает, подходит к стене, на которой висит большая карта мира. Вытягивает руку в направлении Средиземного моря.

– Пароходы – вот наше богатство. Они и винные погреба. Наша главная цель – защищать и развивать эти два направления. Если не получим помощи от правительства, будем искать ее сами, выцарапывать ногтями. Нужно найти друзей, а главное, нужно знать в лицо врагов, бороться с ними, смело идти вперед, потому что ошибок нам никто не простит.

Иньяцио говорит спокойно, твердо, глядя в глаза собеседникам.

– Необходимо расширить транспортную сеть. Для этого нужно, чтобы такие влиятельные люди, как Барбавара, были на нашей стороне.

Собеседники снова переглядываются, но не решают заговорить. Заметив это, Иньяцио делает к ним шаг.

– Поверьте мне, – говорит он тихо, – мой отец был человеком дальновидным. Я тоже смотрю далеко.

Джакери кивает первым. Встает, протягивает руку.

– Вы – дон Иньяцио Флорио. Вы знаете, что делать, – говорит он, и в этой фразе есть все, что хочет слышать Иньяцио, по крайней мере сейчас: признание, доверие, поддержка.

Орlando тоже встает и идет к двери.

– Зайдете завтра в банк? – спрашивает он.

– Я планирую сделать это прямо сейчас. – Иньяцио кивком указывает на папку на столе: – Нужно закрыть счета отца и открыть мои.

Орlando молча кивает.

Иньяцио остается в кабинете один. Прислоняется лбом к дверному косяку. Как говорится, первое препятствие преодолено. Очередь за остальными.

На столе его нетерпеливо ждут деловые бумаги. Он садится, отводит взгляд. *Еще немного подождите*, умоляет он, проводя рукой по лицу. Берет визитные карточки и телеграммы с соболезнованиями. Они пришли из разных уголков Европы. Иньяцио узнает фамилии и с гордостью думает о том, сколько важных людей знало и уважало его отца. Есть даже телеграмма от русского императорского двора.

Разбирая почту, Иньяцио видит конверт с французским штемпелем. Из Марселя. Знакомый почерк. Медленно, будто боится, разрезает конверт.

Мне сообщили о твоей потере.

Искренне соболезную. Могу представить, как ты страдаешь.

Обнимаю.

Без подписи. В ней нет необходимости.

Он переворачивает карточку из плотной бумаги ручной работы, на обороте напечатаны два имени. Одно решительно замазано чернилами.

На его лицо ложится тень, не имеющая ничего общего со скорбью по отцу. К одной печали прибавляется другая. Воспоминание с привкусом сожаления, ностальгии по той жизни,

о которой когда-то мечталось. Одно из тех желаний, которые человек носит в себе всю жизнь, зная, что оно никогда не исполнится.

Нет.

Он оставляет визитные карточки на краю стола. Пусть лежат пока.

Карточку без подписи убирает в нагрудный карман, ближе к сердцу.

* * *

Джованна в капоте и домашних туфлях выглядывает в окно. Погода в Палермо ужасная: холод и пробирающая до костей влажность по утрам и по-летнему жаркий день.

Она смотрит на проезжающие кареты, слушает приветствия, которыми обмениваются люди, потом возвращается в комнату, садится в кресло – гримаса боли искажает ее лицо. Дверь, ведущая в спальню Иньяцио, скрыта за тяжелым занавесом из зеленой парчи; рядом – резной позолоченный балдахин, в изголовье – распятие, украшенное черепаховыми пластинами и перламутром. На комод красной дерева, инкрустированном медью, стоит один из свадебных подарков тещи – серебряный туалетный гарнитур английского производства, украшенный цветочными мотивами.

Все изысканно. Роскошно.

Вот только за стенами дома – Кастелламаре, старый купеческий район: лавки, склады, рабочие лачуги. Мир, который больше не соответствует статусу Флорио. Сколько раз она пыталась объяснить это Иньяцио, но он и слушать не хочет.

– Здесь нам будет хорошо, – говорил он. – Оставим дом в Оливуцце родителям, они постарели, им нужен свежий воздух и покой. И потом, чем ты недовольна? Мама отдала нам этот дом, здесь удобно, рядом пьяцца Марина и конторы дома Флорио. Есть даже газовое освещение, я недавно установил. Чего тебе не хватает?

Джованна кривит маленький ротик, раздраженно фыркает. Она не понимает, почему Иньяцио хочет жить здесь, а дом в Оливуцце остается овдовевшей свекрови. Джованна ненавидит вульгарность этой улицы. Стоит открыть шторы, как соседка из дома напротив тут же выходит на балкон, и кажется, вот она, в твоей комнате. При этом не гнушается вслух судачить о том, что видит, – на радость всей округе.

Джованне не хватает простора, полей, как в Терре-Россе, неподалеку от церкви Сан-Франческо ди Паола, где у ее родителей вилла, небольшая, но с претензией на элегантность, и маленький сад. Джованна выросла там. На виа Матерассаи слишком тесно, слишком много домов, громоздящихся друг на друга, в узких душных переулках стоит смрад от кухни, от стирки. Здесь ей не хватает воздуха, не хватает уединения.

Для Джованны не важно, что лестницы из мрамора, потолки расписаны фресками, а мебель привезена из разных уголков земли. Она не хочет жить здесь, в доме разбогатевших лавочников. Этот дом нравился ее свекру, но Иньяцио, женившись на ней, стал частью палермской аристократии, ему нужно жилище, соответствующее его новому статусу.

В конце концов, разве не ради этого он на мне женился? – думает она, сердито запахивая полы капота. *За мной он получил в приданое дворянскую кровь, чтобы смыть грязь и пот со своего лица, чтобы никто не посмел назвать его «босяком». Мой свекор так и не смог стряхнуть с себя это прозвище! Иньяцио хотел в жены баронессу Джованну д'Ондес Тригону. И он ее получил.*

Горькие размышления, за которыми приходит еще одна горькая мысль:

Неужели ему этого мало?

Открывается дверь, входит Иньяцио.

– А, ты проснулась. Доброе утро.

– Только что встала. Сейчас придет донна Чичча, поможет мне одеться.

Она берет его руку, целует.

– Как все прошло?

Иньяцио садится на подлокотник кресла, кладет руку ей на плечо.

– Напряженно.

Не стоит рассказывать ей подробности: бесполезно, она все равно не поймет. Джованна даже представить себе не может, каково это – нести на плечах всю ответственность за дом Флорио. Он ласково касается ее лица.

– Ты бледна...

– Здесь мало воздуха, – соглашается она. – Я бы хотела поехать в деревню.

Но Иньяцио уже не слушает ее. Он встал и идет к гардеробу.

– Я пришел, чтобы переодеться. Стало жарко. Надо сходить в банк, проверить список кредиторов и векселей после принятия наследства. К тому же...

– Тебе нужен *камардинер*, – перебивает она его.

Он останавливается, взмахнув руками.

– Что?

– Камардинер, который займется твоим одеванием, – Джованна широким жестом указывает за окно. – У моих родителей есть и камардинер, и горничная.

Губы у Иньяцио едва заметно сжимаются. Джованна понимает, что он недоволен. Она опускает глаза и прикусывает губу, ожидая упрека.

– Я ведь просил тебя говорить грамотно, – сухо отвечает Иньяцио. – Диалектные словечки при мне – еще ладно, но не при посторонних. Это неприлично. Помни, кто ты...

Он надевает легкий жакет, достает из кармана сюртука карточку, убирает ее в комод, запирает ящик на ключ.

Не впервые он упрекает ее в том, что у нее неправильная речь. Сразу после свадьбы Иньяцио приставил к жене своего рода гувернера – хоть немного обучить ее французскому и немецкому языкам, чтобы она могла поддержать светскую беседу с иностранными гостями и деловыми партнерами. Объяснил, что, если они куда-то поедут вместе, ей придется понимать чужой язык и разговаривать на нем. И Джованна согласилась, как подобает хорошей жене. Она всегда с ним соглашается. Обида ее переходит в раздражение. Иньяцио ничего не замечает, рассеянно целует жену в лоб и уходит.

Джованна вскакивает с кресла, не обращая внимания на головокружение, и идет в гардеробную. Трогает живот, все еще большой, бесформенный после родов. Выделения уже прекратились, оттого что, как говорит повитуха, она больно худа. Ругает, надо больше есть: макароны, мясо, наваристый бульон... Хотели даже заставить ее пить свежую кровь забитых животных, если она не наберется сил. Конечно, она не кормит малыша грудью – для этого из Оливуццы приехала крестьянка, кормилица. Но хорошо питаться – это обязанность роженицы.

При одной только мысли об этом Джованна чувствует спазмы в желудке. Еда вызывает у нее тошноту. Она может заставить себя проглотить лишь несколько долек апельсина или мандарина.

– Вы еще не убраны? – с укоризной говорит донна Чичча, в руках у нее тарелочка с фруктами. – Пора одеваться. – Хлопает рукой по тазу с водой. – Свекровка-то ждет.

* * *

Стоит необычная для конца лета жара. На улице Иньяцио поджидает какой-то человек, подходит к нему, целует руку.

– Бог в помощь, дон Иньяцио, – бормочет он. – Покорнейше прошу меня простить. Мотизи моя фамилия, мне бы с вами потолковать. По одному делу, до банка касательно.

– Я как раз иду туда, – отвечает Иньяцио с улыбкой, пытаясь скрыть раздражение. От виа Матерассай до Банка Флорио недалеко, он хотел прогуляться в одиночестве и размышлениях. И вот пристал этот торговец из района Трибунали, увивается следом.

– Прошу простить меня покорнейше, – повторяет тот, стараясь говорить на правильном итальянском. – Неоплаченные векселя, срок на следующей неделе, мне и так нелегко, а тут новые траты, все хотят получить свои денежки...

Иньяцио кладет руку ему на плечо.

– Посмотрим, что можно для вас сделать, синьор Мотизи. Идите в банк, я скоро буду. Если предоставите гарантии, уверен, мы подумаем об отсрочке платежа.

Мотизи останавливается, кланяется почти до земли.

– Конечно, вы знаете, мы всегда... мы стараемся... в следующем месяце...

Но Иньяцио его уже не слушает. Он замедляет шаг, ждет, пока Мотизи уйдет, потом останавливается, смотрит на площадь Сан-Джакомо, залитую светом, камни ее мостовой кажутся ослепительно-белыми. Время почти не тронуло эту площадь, по которой он так часто ходил вместе с отцом. И все же кое-что изменилось: мостовая, где раньше были грязные лужи, теперь чистая; перед церковью Санта-Мария ла Нова больше не собираются нищие; там, где раньше жил зеленщик, теперь небольшая мастерская, а за ней кто-то открыл посудную лавку. Но душа у этого места осталась прежней: шумной, веселой, разногласной. Это его улица и его народ. Люди, которые сейчас подходят к нему, целуют руку и, опустив глаза, произносят слова соболезнования.

Как Джованна может не любить этот район? – удивляется он. Здесь жизнь бьет ключом, здесь стучит одно из сердец Палермо. Иньяцио здесь дома; ему принадлежит каждый здешний камень, каждое окно, каждый луч солнца, каждое пятно тени. Он столько раз ходил от дома до банка, он знает всех, кто сейчас стоит у ворот и здоровается с ним.

Иньяцио знает их, да, но и в них что-то изменилось, ведь он теперь *хозяин*.

Внезапно он ощущает грусть одиночества. Он понимает, что теперь у него не будет покоя и нет другого пути. На его плечи ложится ответственность не только за семью; от Банка Флорио зависит благополучие людей, которые доверяют ему, его умениям, его богатству.

Ответственность. Отец часто произносил это слово. Он заронил его в душу Иньяцио, заронил, как семя, оставив прорасти во тьме сознания. И вот оно растет, превращаясь в могучее дерево. Иньяцио знает, что корни этого дерева в итоге задушат его стремления и мечты, их придется принести в жертву ради чего-то большего – во имя семьи, дома Флорио. Он понимает это и надеется, что не будет страдать. Больше не будет страдать.

* * *

– Донна Джованна, доброе утро! – приветствует кормилица, склонив голову к малышу, которого кормит грудью.

Джованна смотрит, как сын жадно сосет из белой, набухшей, чувственной груди. Она сравнивает грудь кормилицы со своей, сдавленной корсетом, надетом поверх рубахи, – по ее просьбе горничная затягивает шнурки так, что едва можно вздохнуть. Думает, что не хотела бы иметь такую грудь. Находит ее отвратительной.

– Джованнина, проходи!

Джулия сидит в кресле, у нее на руках маленький Винченцо. Она кивает на кресло, в котором прошлой ночью сидел Иньяцио.

– Как вы, донна Джулия?

С ней Джованна не боится говорить по-простому. Джулия всегда была очень добра к ней. Конечно, их отношения нельзя назвать доверительными, но Джулия часто проявляет участие.

Джованне до конца не понятно, это искренняя доброта или просто жалость? Неужели так очевидно, что Иньяцио по-настоящему не любит ее, что испытывает к ней лишь привязанность?

Джулия отвечает не сразу.

– Я словно лишилась части тела, – говорит она, гладит светлую головку внука, целует его волосы.

Джованна не знает, как себя вести. Надо бы пожать свекрови руку, сказать слова утешения, потому что так принято среди родственников, но она не может. Не потому, что ей не жаль Джулию, нет – слишком большое горе у нее перед глазами. Безутешная скорбь пугает. Трудно представить, что такой жесткий человек, как Винченцо Флорио, был любим женщиной, особенно такой кроткой и терпеливой, как Джулия.

– Видно, так Господу угодно, – бормочет она, и это правда, горькая правда.

– Я знаю. Я видела... – Слезы стоят в горле, мешают Джулии говорить. – Знаешь, когда ты рожала Иньяцидду, а он уходил... – Голос ее ломается. – Когда я видела, что он больше не может говорить, что он не смотрит на меня, я молила Бога забрать его. Лучше знать, что он умер, чем видеть его страдания.

Джованна, скрывая смущение, осеняет себя крестом.

– Мир его праху. Он сделал так много хорошего... – бормочет она.

Джулия горько улыбается:

– Ах, если бы... Он много чего сделал... не всегда доброго. Особенно для меня.

Она поднимает голову. Джованна перехватывает ее взгляд, поражается его силе и энергии.

– Знаешь, многие годы мы жили с ним в... грехе. И дети наши родились вне брака.

Джованна смущенно кивает. Когда Иньяцио сделал ей предложение, мать и слышать ничего не хотела: хоть этот человек и богатый, но он родился бастардом. Джулия и Винченцо поженились после его рождения.

– Помню, как однажды... – Голос Джулии становится мягким, лицо расслабляется. – В самом начале, когда он решил, что я буду его, а я... не знала, как этому противостоять, так вот, однажды я пришла к ним в лавку, она была здесь, внизу. Меня послали за специями, а он был в конторе, но услышал мой голос и вышел к прилавку. Это было странно, ведь он давно уже не обслуживал покупателей. Он захотел подарить мне пестики шафрана, мол, на удачу, а я отказалась. Тогда он просто вложил их мне в руку. Не принимал никаких отказов. Люди в лавке смотрели с удивлением – Винченцо Флорио никому ничего не дарил...

Джулия вздыхает:

– Ему нужна была я, я и никто другой. А когда Винченцо меня получил, он забрал всю мою жизнь. И я отдала ее с радостью. Меня считали безнравственной, но мне было все равно, кто и что думает. Он был для меня всем.

Джулия прижимает к груди ребенка.

– Бог забрал его... Зачем мне жить без человека, которого я любила больше себя самой?

Маленький Винченцо хнычет, тянется к игрушкам, разбросанным по комнате. Джулия спускает его на пол.

– Я рассказываю об этом тебе, потому что Иньяцио больше меня не слушает. Когда-то мы с ним были неразлучны, а потом отец приблизил его к себе... и отнял у меня сына.

Джулия снова вздыхает:

– А теперь, без Винченцо, я ни на что не гожусь...

Джованна хочет возразить, но Джулия останавливает ее, говорит тихо:

– Конечно, я мать, и он любит меня, но... Теперь ты его жена и хозяйка в доме. Помогите мне. Поговори с ним, скажи, что я хочу переехать на виллу «Четыре пика». Знаю, он думает, что мне лучше остаться здесь, с вами, но я... я не хочу. Там наш дом, и я мечтаю жить там, с ним и с нашими воспоминаниями. Ты поговоришь с мужем?

Джованна хочет ответить, что Иньяцио редко к ней прислушивается, но она так удивлена просьбой, что не может вымолвить ни слова. Если свекровь уедет из этого дома, тогда, возможно, Иньяцио решит переехать в Оливуццу. Можно привести в порядок дом и сад, сменить обстановку, купить современную мебель во французском стиле.

Вот так подарок преподносит ей Джулия!

И не единственный. Она оставляет им и этот дом на виа Матерассаи.

Джованна кивает. Сжимает руку свекрови.

– Я поговорю с ним, – обещает она и уже думает, как это сделать. Да, муж не слушает ее, но есть кое-что, чему он противостоять не в силах: престиж, репутация. В этом Иньяцио похож на отца: он жертва амбиций, раздирающих его изнутри.

Что касается Оливуццы, то Джованна придумает нечто такое, от чего Иньяцио не сможет отказаться.

* * *

Вооруженные люди, молчаливые, невидимые, охраняют большой парк, виллу и ее обитателей. Быть Флорио означает смотреть в оба – еще Винченцо это понял, но тогда, чтобы защитить себя, достаточно было упомянуть о дружбе кое с кем или об обмене услугами. Когда же Иньяцио осенью 1869 года переехал в Оливуццу, кто-то подсказал ему – осторожно, тихо, – что «для спокойствия» семьи теперь этого мало. Палермо – оживленный город, где торговля, особенно цитрусовыми, сулит богатство, поэтому в его предместьях собрался разношерстный люд: извозчики, мастеровые, крестьяне, молодежь, мечтающая вырваться из сельскохозяйственного рабства, а еще воры и контрабандисты, случайные и бывалые бандиты. Между этими людьми возникла сеть своих «особых» отношений, ячейки которой становились все более плотными и в итоге непроницаемыми для закона и сил правопорядка. И вообще, зачем привлекать «пьемонтскую» полицию, когда можно все уладить самостоятельно? Кто-то неправ? Вразумится, когда ему попортят партию лимонов, готовых к отправке в Америку. Кто-то кого-то обидел? Можно поджечь дом обидчика. Поссорились? Выстрел в спину тому, кто не проявил «почтения».

Со временем стало понятно, как обеспечить себе защиту: следовало просто обратиться к «почтенным людям», которые будут «весьма рады» помочь в обмен на соответствующие услуги или «символическую сумму». Так делали все, в том числе и аристократы.

Провожаемый взглядами этих «почтенных» людей, легкий, изящный экипаж останавливается перед старыми постройками, составляющими комплекс зданий виллы в Оливуцце. Никто не стал его останавливать и досматривать, потому что дон Иньяцио говорит: гости – это святое, им нельзя докучать. А это очень важный гость.

Из кареты выходит человек с живыми глазами и высоким лбом, на который ниспадают пряди выющихся волос. Движения его грациозны, хоть и заметно, что он нервничает.

Иньяцио ждет гостя у входа. Жмет руку, говорит кратко:

– Проходите.

Гость следует за ним. Они пересекают вестибюль, затем анфиладу комнат, украшенных новой мебелью, привезенной из Парижа и Лондона, диванами с дамасскими узорами, большими персидскими коврами. Во всем чувствуется рука Джованны, это она обновила интерьеры виллы, сменила всю обстановку.

Иньяцио с гостем проходят в кабинет. Гость останавливается на пороге, осматривается, видит большую картину, на которой изображены высокие белые стены Марсалы, освещенные заходящим солнцем. Кто бы ни был автор картины, ему удалось запечатлеть на холсте и вечерний свет, и густую зелень воды у берега.

– Прелестно, – тихо произносит гость. – Кто автор?

– Антонино Лето.

Иньяцио подходит к картине.

– Вам нравится? Это моя винодельня в Марсале. Лето закончил картину совсем недавно. Мне пришлось долго ждать, но результат великолепен. А как он изобразил море! Я очень люблю эту картину, она дышит покоем. Но я еще не решил, оставить ли ее здесь, в кабинете, или подыскать для нее другое место. Ладно, давайте присядем.

Иньяцио указывает гостю на кресло и садится сам. Прежде чем начать разговор, выжидательно смотрит. На его губах играет улыбка, скрытая в темной густой бороде.

Гость волнуется, чувствуя себя неловко.

– Что случилось, дон Иньяцио? Что-то не так? Строительство усыпальницы для вашего отца на кладбище Санта-Мария ди Джезу идет своим чередом. Было трудно выдолбить большую нишу в скале, но сейчас мы ускорили темпы, и я знаю, что Де Лизи закончил эскиз скульптуры...

– Я пригласил вас по другому поводу. – Иньяцио складывает ладони домиком. – У меня есть к вам предложение.

Джузеппе Дамиани Альмейда, преподаватель черчения и архитектуры Королевского университета Палермо, откидывается на спинку кресла. Он с трудом скрывает волнение. Разжимает и сжимает ладони, кладет их на колени.

– Ко мне? Чем я могу быть вам полезен?

Неаполитанские интонации скрываются за едва заметным иностранным акцентом, унаследованным от матери, португальской красавицы Марии Каролины Альмейды, аристократки, в которую безумно влюбился уроженец Палермо Феличе Дамиани, полковник бурбонской армии.

– Вы не только архитектор, к которому я отношусь с большим почтением, вы еще и прекрасный инженер, в Палермо вас уважают. Вы человек образованный, знаете и цените прошлое, но не боитесь будущего.

Дамиани Альмейда уткнулся подбородком в сжатый кулак. Насторожился. Похвала всегда его настораживает. Он не так давно знаком с этим с виду тихим молодым человеком, но знает, что он очень влиятелен, и не только потому, что богат. Он умен, очень, но умом, которого следует остерегаться.

– Что вы хотели бы, дон Иньяцио?

– Проект.

– Проект чего?

– Литейного завода.

Дамиани Альмейда закрывает глаза. Вспоминает старое здание, пыль и копоть и толпы рабочих.

– «Оретеа»?

– Других, по крайней мере сейчас, у меня нет, – улыбается Иньяцио.

Они замолкают. Изучающе смотрят друг на друга.

– Разрешите спросить, что именно вы хотите? – Дамиани Альмейда подается вперед.

Иньяцио встает, расхаживает по ковру, который укрывает почти весь пол. Он выбрал ковер из Казвина не только за красоту: эта провинция Персии славится древней традицией ковроткачества, тамошние мастера уделяют большое внимание качеству шерсти и красителей.

– Вы знаете, что мой отец мечтал получить этот литейный завод. Он был настроен очень решительно. Все говорили ему, что проект убыточный, но он не отказался от своей идеи и пренебрег даже мнением старых друзей, таких как Бенджамин Ингэм, упокой Господь его душу.

Иньяцио стоит у окна. Ему вспоминаются похороны Ингэма, застывшее лицо отца, стоящего у гроба. Бен Ингэм был для него другом и соперником, наставником и противником. Их связывала дружба, странная и крепкая, какой ему, к сожалению, познать не довелось.

Он оживляется, стучит костяшками пальцев по ладони.

– Ситуация изменилась. Сегодня литейное производство конкурирует с северными заводами, которые находятся в более выигрышном положении. Это один из... подарков, которые мы получили после объединения Италии: предприятия Севера производят то же, что и мы. И они по-своему правы: развитие Сицилии не является приоритетом для королевской власти, и мы ничего не делаем, чтобы побудить ее к этому. Здесь, чтобы чего-то добиться, нужно быть либо бандитом и запугивать всех, либо идти всем наперекор, либо полагаться на святых угодников. Иногда и этого недостаточно. Побеждает тот, у кого самая сильная карта, как в игре. Или останешься ни с чем. В Палермо капиталы есть, но их нужно вкладывать разумно, иначе конкуренты раздавят. На Севере заводы будут расти и богатеть, а мы так и продолжим выращивать пшеницу, молоть сумах или добывать серу. Скажем прямо: пока мы не можем тягаться с Севером. И это нужно исправить. Любой ценой.

Иньяцио оборачивается. Дамиани Альмейда с интересом слушает его. В этом юноше с мягкими, изящными манерами кроется цепкий предприниматель.

– Чем же я могу вам помочь? – спрашивает он, чувствуя, что должен задать этот вопрос.

– Вы можете мне изменить положение вещей. Это и в ваших интересах, инженер. Первым делом хочу спросить: готовы ли вы сделать из цеха «Оретеа» современный литейный завод? Эпоха шагнула далеко вперед. Начать можно с фасада.

Иньяцио снова ходит взад-вперед, а Дамиани Алмейда следит за ним глазами.

– Вам знаком «Оретеа», не так ли? Это складское помещение, пакгауз с двумя балками вместо крыши. Он должен стать современным заводом снаружи и изнутри, таким же, какой я видел в Марселе, где ремонтные мастерские для судов находятся рядом с доками, недалеко от порта. Литейный завод будет снабжать в первую очередь судоремонтные мастерские, это нужно учитывать.

– То есть вы хотели бы получить проект...

– ...фасада прежде всего. Потом переделаем все внутри.

Он замолкает: пока не время обсуждать дома для рабочих или заводские конторы, как они устроены в Англии или Франции. Он – хозяин, хороший хозяин, и он думает о благополучии своих сотрудников, рабочих и их семей. Предстоит, однако, большая работа.

Они говорят долго, осенний свет золотом озаряет кабинет. Говорят о том, как Иньяцио представляет себе завод и как видит его Дамиани Альмейда: просторное, светлое помещение, с высоким потолком, с хорошей вентиляцией... Они понимают друг друга с полуслова. У них одинаковые взгляды, они думают о будущем Палермо.

С этого момента судьба Джузеппе Дамиани Альмейды, который построит Театр Политеама, отреставрирует Преторианский дворец и построит здание Исторического архива Палермо, будет неразрывно связана с семейством Флорио. Именно для Флорио он создаст на Фавиньяне свой шедевр.

* * *

Вечер. В камине горит огромное полено, вокруг витает запах смолы. Погруженная в свои думы, Джулия устало улыбается. *Как странно*, думает она, *снова оказаться в комнате, где умер Винченцо почти полтора года назад.*

Канун Рождества 1869 года. Иньяцио и Джованна попросили ее приехать в Оливуццу, чтобы вместе встретить праздник, а еще, как сказал Иньяцио, на вилле «Четыре пика» слишком много лестниц и слишком холодно. Праздничный ужин еще не закончился, когда Джулия посмотрела на Джованну, и та сразу ее поняла, как понимает женщина, замечаящая в другой усталость от жизни, скрытую в глубоких морщинах, в тяжелых веках. Джованна кивнула, позвала прислугу помочь Джулии подняться со стула и дойти до комнаты.

Иньяцио провожает мать взглядом, в котором к беспокойству примешивается грусть.

Сын решил, что я устала – слишком много смеха, слишком много шума, слишком много еды, думает Джулия. *А правда в том, что меня ничто более не трогает. Я просто хочу побыть здесь, где был он.* Она смотрит в окно, в темноту, окутывающую парк виллы в Оливуцце.

Теперь Джулия не чувствует себя здесь как дома. Она вспоминает, что раньше вилла принадлежала фамилии Бутера, одному из старейших аристократических родов Палермо, потом ее расширением и украшением занималась русская дворянка, графиня Варвара Петровна Шаховская, вторая жена князя Бутера-Радали. Царица Александра, жена царя Николая I, как-то прожила здесь целую зиму. Одержимый желанием выставить напоказ свое богатство, Винченцо, конечно, не поскупился. Теперь очередь Иньяцио и его жены заботиться об этих владениях. Кстати, недавно Иньяцио купил соседние здания, хочет расширить имение, сделать его еще величественнее.

Теперь это их дом.

Палермо – ее Палермо, с каменными мостовыми и темными переулками, – остался далеко, за пыльной дорогой, бегущей мимо дворянских усадеб и огородов. Город выплеснулся за старые стены, снесенные после объединения, на простор, к горам. Новые кварталы пожирают поля, сады приходят на смену огородам и цитрусовым рощам, вдоль новых дорог выросли похожие друг на друга двух- и трехэтажные дома с деревянными ставнями. Виа Матерассай, Кастелламаре, Калса – из другого мира, другой жизни. Город меняется и, возможно, этого даже не осознает.

Джулия снова вздыхает. Воздух задерживается в груди; грудь болит. Некоторые странности Винченцо бы не одобрил. Но Винченцо умер.

Она чувствует, как жизнь ускользает прочь, и ничего не делает, чтобы ее удержать.

* * *

Слуги убирают со стола. Ловкими руками складывают столовое серебро в корзины, несут на кухню. Подносы с рождественскими сладостями накрыты льняными салфетками. Прозрачные хрустальные бокалы расставлены в буфете. Свет приглушен или выключен. В воздухе витает аромат лавра и калины, увядающих в китайских фарфоровых кашпо, его перекрывает запах мужского одеколона и пудры.

– Джуваннина! Джуваннина!

Джованна, дав слугам распоряжение подать марсалу в гостиную с видом на сад, которую все называют «зеленой» из-за цвета обивки, оборачивается на нетерпеливый зов матери. Это Иньяцио настоял на том, чтобы ее родители пришли на обед вместе с сестрой Иньяцио Анжелиной и ее мужем Луиджи Де Паче на следующий после Рождества День святого Стефано. В то утро прибыли Аугусто и Франсуа Мерле, свекор и муж сестры Джузеппины, оставшейся в Марселе: их сын Луи Огюст слаб здоровьем, как и его маленький кузен Винченцо, поэтому Джузеппина не отважилась плыть с малышом по зимнему морю. Но Иньяцио хотел показать миру, что все Флорио – одна семья, и результат так или иначе был достигнут.

Джованна смотрит, как мать вперевалку идет к ней, опираясь на палки. Ее седые волосы уложены в высокую прическу, подчеркивающую округлость лица. Все в ней круглое: пальцы, в которых, кажется, утопают кольца; огромная, с трудом сдерживаемая платьем грудь; подъябники, в которых нет нужды, потому что помещенной в них плоти много, слишком много.

Элеонора д'Ондрес Тригона, сестра Ромуальдо Тригоны, князя Сант-Элиа – дама средних лет, она рано состарилась и подурнела, у нее полно болячек, и она совершенно не заботится о своем здоровье. Лицо у нее раскраснелось, она тяжело дышит и потеет, сделав лишь несколько шагов.

Дочь не двигается с места, ждет, пока мать подойдет к ней, и они уходят по дорожке в сад.

– Пресвятая Мария, как я устала! Иди-ка сюда, присядем, – вдруг говорит дочери Элеонора.

Ушедшая вперед Джованна останавливается, ждет, пока мать сядет на каменную скамью перед вольером, присаживается на уголок рядом. В саду гуляют ее малыши с нянями, гоняют попугаев в вольере. Неподалеку мужчины курят сигары и вполголоса переговариваются.

У матери на юбке жирные пятна. *Наверняка поела перед тем, как прийти на обед*, думает Джованна со смесью досады и раздражения. *Княгиня, а так себя распустила!*

– Ишь ты! Забеременела, а мне ничего не сказала? От донны Чиччи узнаю! А теперь и свекровь твоя говорит, а я, выходит, последняя...

Джованна не отвечает. Разглядывает свои тонкие пальцы и замечает, что обручальное кольцо на безымянном скользит слишком свободно. Потом смотрит на бриллиантовое кольцо с изумрудом – подарок Иньяцио. На Рождество он подарил ей еще и золотой браслет с цветком из драгоценных камней, сделанный специально для нее.

– Я хотела быть уверенной. И потом, *tatà*, вы же знаете. Не стоит говорить об этом слишком рано.

Элеонора протягивает руку, трогает живот дочери.

– Когда рожать?

Джованна отстраняется, отводит руку матери.

– Кто ж знает? Май, июнь... – качает головой, разглаживает платье. Ей пришлось ослабить тесный корсет: живот растет быстрее, чем во время предыдущих беременностей. А донна Чичча – будь она неладна, не умеет держать язык за зубами! – говорит, что причина в том, что на этот раз будет девочка.

– Смотри в оба, муженек-то твой начнет бегать за юбками. Ты двоих родила, уж не майская роза!

– Я знаю. Мой муж за юбками не бегает и бегать не будет, – резко отвечает Джованна. Иньяцио человек серьезный, он не станет изменять ей, особенно сейчас, когда она беременна. А если и изменит, она ничего не хочет об этом знать.

Не ваше дело, думает она с негодованием. *Ваш муж давно на вас даже не смотрит!*

С некоторых пор ее все раздражает. И мать, конечно, не исключение.

Элеонора, кажется, это заметила, и ей жаль дочь.

– Ты кушаешь?

– Да.

– Знаешь, как говорят: ладную кошку мясом кормят.

Кошку мясом кормят. Как будто она домашнее животное!

– Да ем я, угомонитесь! – Джованна вдруг понимает, что повысила голос, – няни повернулись и смотрят на нее.

Жар приливает к щекам Джованны. Гнев и обида застилают глаза.

– Уж и сказать-то нельзя ничего! Сразу в крик, как торговка.

Голос Джованны дрожит, вот почему она ненавидит себя: все в ней – горло, внутренности, все ее тело напоминает о том, что она – дочь этой женщины. Княгини, которая всегда слишком громко говорит, которая набивает рот и брюхо едой так, что не может дышать. Княгини, которая хуже крестьянки. Джованна помнит, как смотрели на них родственники – кто с насмешкой, кто с жалостью. Если бы у нее были брат или сестра, близкий человек, к которому можно обратиться за утешением, с которым можно разделить боль. Но нет: ей одной нести материнский позор.

Джованна, всхлипнув, вскакивает со скамьи и убегает. Мать пытается ее удержать, зовет, чтобы вернулась, извиняется. Отчаяние несет Джованну в глубь парка. Обхватив ствол старой груши, она громко рыдает, сухие листья падают ей на волосы, кора впивается под ногти.

Одна ее часть понимает, что это из-за беременности она стала такой ранимой и легко теряет контроль над собой. Но другая, глубинная, та, что прячется на дне желудка, кипит, выплескивая наружу воспоминания и унижения.

Джованна наклоняется вперед, нащупывает пальцами корень языка. Один спазм, другой. С едой из тела выходит гнев, оно очищается, освобождается, и неважно, что во рту кисло, что горло дерет. Джованна придерживает подол платья, боясь испачкать. Она делает так давно – с тех пор, как возненавидела мать за ее обжорство, за то, что та толстеет с каждым днем. Юная Джованна ела все меньше и меньше, как будто хотела растаять, исчезнуть с лица земли.

В какой-то момент начались обмороки. Сбитая с толку, мать уложила ее в постель и пичкала мясом, хлебом и сладостями. Джованна слушалась, а потом избавлялась от еды. Врач сказал, что ее желудок стал размером с небольшую миску и она никогда не сможет нормально есть. Девушка изо всех сил цеплялась за этот диагноз, со смущенной улыбкой вспоминая о нем всякий раз, когда кто-то отмечал ее плохой аппетит.

Иньяцио поставил этот вердикт под сомнение: вскоре после свадьбы он, устав умолять жену «поесть побольше», отвез ее в Рим к одному известному врачу. Они долго беседовали, еще дольше длился медицинский осмотр, и ученый муж без обиняков заявил, что Джованна должна «бросить эти капризы» и родить ребенка, что беременность заставит ее тело функционировать, «как задумано природой».

Она лишь кивнула, а Иньяцио, успокоенный, улыбнулся при мысли о сыне, который все исправит. В итоге доктор оказался прав, по крайней мере частично: во время беременностей ситуация улучшалась еще и потому, что Джованна хотя бы не вызывала у себя рвоту из любви к ребенку, которого носила.

Но сегодня все по-другому: обида затмевает ум, омрачает сердце.

Она снова кашляет. Чувствует, как поднимается по пищеводу желчь: в желудке ничего не осталось. Ей лучше, она ощущает себя свободной и легкой. Даже слишком. Ее пошатывает.

На плечо ложится рука. Уверенное и ласковое прикосновение сменяется нежным объятием.

– Это из-за ребенка? Тебя вырвало?

Иньяцио прижимает ее к себе, притягивает за плечи к груди. Иньяцио сильный, крепкого телосложения. Джованна отдается его объятиям, впитывает исходящие от мужа тепло и уверенность.

– Тошнит, – она уклоняется от объяснений, дышит, приоткрыв рот. – Слишком много съела.

Он достает из кармана носовой платок. Молча вытирает ее потный лоб, губы. Он не скажет ей, что слышал ее ссору с матерью, что специально пошел за ней, что видел, как она засовывала пальцы в горло. Он не скажет ей, что видит это не впервые. Он не понимает, но ни о чем не спрашивает: это все *женские штучки*. Ведь римский врач тогда сказал ясно: всему виной ряд привычек, к которым прибавилась обычная женская истерия.

Иньяцио просто обнимает и успокаивает ее.

Он давно понял, как хрупка Джованна и как велик ее страх не соответствовать имени, которое она носит. И научился ценить ее упорство, ее волю. Не будь у Джованны такого собственного характера, вряд ли она удержалась бы рядом с ним, вряд ли смогла бы смириться с тем, что он не может всецело ей принадлежать. Ибо он принадлежит дому Флорио, только ему, как и его отец. Он никогда от нее этого не скрывал.

– Пойдем, – говорит Иньяцио.

Джованна отстраняется.

– Не волнуйся, со мной все хорошо, – говорит она, но бледность выдает ее.

– Неправда, – возражает он низким голосом. Гладит ее лицо, берет руку и целует кончики ее пальцев. – Помни, кто ты такая.

Капризный ребенок? Истеричка? – думает Джованна, хочет спросить его, но Иньяцио прикладывает палец к ее губам, наклоняется вперед. На мгновение она замечает, что на его лицо ложится тень. Какое-то воспоминание. Сожаление.

– Ты – моя жена, – наконец говорит он и касается ее губ поцелуем.

Джованна берет его за лацканы пиджака, притягивает к себе. Это все, что он может дать ей... и на большее, по крайней мере пока, она не претендует.

* * *

Вернувшись в дом, Джованна и Иньяцио видят, что гости собираются уходить. Иньяцио прощается с Аугусто Мерле и семейством Де Паче, а Элеонора подходит к Джованне и, сделав над собой усилие, обнимает дочь. За ней подходит отец и, вопреки обычной отстраненности и формальным манерам, берет руку дочери, нежно целует ее и шепчет:

– Береги себя.

Наконец Джованна и Иньяцио остаются одни. Он гладит жену по спине, приобнимает за талию.

– Хочешь немного отдохнуть?

– Да, я, пожалуй, прилягу.

Иньяцио достает из нагрудного кармана часы.

– Пойду поработаю. Присоединюсь к тебе за ужином, если захочешь перекусить.

Поцеловав жену в лоб, он уходит.

Джованна берет Джулию под руку, помогает ей перейти по лестнице в старую часть виллы. Они входят в одну из детских. У маленького Винченцо поднялся жар, и Джованна попросила няню уложить его в постель. Он лежит, сонный, под одеялом. Иньяцидду сидит на полу, играет с солдатиками.

– Я побуду здесь. Ты отдохни, – говорит Джулия и нерешительно добавляет: – Я слишком поздно поняла, что мать не знает о твоей беременности...

– Да, я просто не успела ей сказать, – Джованна кривит рот.

– Прости меня, – Джулия касается рукой лица Джованны, с грустью смотрит на невестку. – И у меня с матерью было так же; она всегда находила, за что меня побранить... – помолчав, произносит она. – Я никогда с ней не откровенничала. – Джулия приподнимает голову Джованны за подбородок, смотрит ей прямо в глаза: – Матери – существа несовершенные, иногда они кажутся нам злейшими врагами, но это не так. Просто они не знают, как нас любить. Они убеждают себя, что могут сделать нас лучше, и хотят, чтобы мы не страдали, как они... не понимая, что каждая женщина и так слишком многого от себя требует и должна пройти через свою собственную боль.

Джулия говорит очень тихо и с такой грустью, что на глазах Джованны выступают слезы. Это правда, она и мать любят друг друга, но слишком уж они разные: Элеонора – неумеренная, экспансивная; Джованна – сдержанная, скромная. Всю жизнь они конфликтовали, потому что мать хотела привлечь ее на свою сторону, сделать ее под стать себе. Вот почему Джованна росла с постоянным ощущением, что она... не такая, как надо. Эта мысль никогда ее не покидала.

С опущенной головой она идет к себе в комнату. Донна Чичча уже там, вышивает детское платье. Она уверена, что будет девочка: она высчитала дни по лунному календарю, а еще она много чего чувствует кожей.

Эту женщину с грубым, суровым лицом Джованна боится и вместе с тем любит. Ей не нравится, что донна Чичча знает все наперед, Джованна чувствует себя неуютно, ей кажется, она окончательно теряет контроль над своей жизнью. К тому же священник говорит, что нужно остерегаться суеверий, что будущее написано в книгах, которые умеет читать только Бог. И все-таки Джованна может положиться на донну Чиччу. В детстве та всегда утешала ее, выти-

рала слезы; в подростковом возрасте терпеливо кормила, когда девушка отказывалась есть. Именно донна Чичча объяснила Джованне, почему каждый месяц появляется кровь, и рассказала, что происходит между мужчиной и женщиной. Это она помогала при рождении детей. Она обнимала ее, когда Джованна в слезах признавалась, что боится потерять любовь Иньяцио. Больше, чем мать, больше, чем родственница, донна Чичча всегда давала ей то, в чем она действительно нуждалась. От нее у Джованны и страсть к вышиванию. Научившись этому в детстве, она вышивает скатерти, простыни и даже тклет гобелены.

Донна Чичча смогла сделать то, что никому не под силу: при ней Джованна съедает чуть больше обычного; за обедом донна Чичча смотрит на нее строго, но с любовью, пока Джованна не проглотит хотя бы несколько ложек. А когда они вышивают, устроившись друг напротив друга, погружившись в уютную тишину, сотканную из сопричастности, из привычки, донна Чичча ставит рядом поднос с дольками апельсинов или лимонов и небольшую сахарницу. Время от времени Джованна берет дольку, макает ее в сахар и кладет в рот.

Донна Чичча помогает Джованне переодеться и говорит ей, как всегда, прямо:

– Что-то вы бледны... Я видела, вы съели примерно столько, сколько ест маленький Винченцо, когда болен. Где же ваше благоразумие? Малыш не вырастет, вы и себе, и ему вредите.

– Мне не под силу съесть всю тарелку. Кстати, ужинать я не буду, слишком устала.

– Есть в меру должен каждый христианин, донна Джованна, – вздыхает донна Чичча, и крепко сжимает запястья Джованны, заставляя смотреть ей в глаза. – Не пристало замужней женщине капризничать, как ребенку. У вас есть муж, он вас уважает, немногие женщины могут этим похвастать. У вас два сына, два ясных цветика. Сколько раз я вам говорила: не привередничайте из-за еды, не гневите Господа!

Джованна кивает, не поднимая головы. Она знает, что донна Чичча права, что не стоит гневить Господа, но это сильнее ее.

– Он не знает, каково мне, – говорит она так тихо, что донна Чичча, которая помогает ей снять юбку, вынуждена склониться еще ближе, чтобы расслышать. – Мой муж – лучше всех. Но... – Джованна замолкает, потому что за этим «но» кроется боль, которая никогда не покидает ее, тень, в которой едва различимы призраки, имени которым нет. Одиночество, холодное, как стекло.

Донна Чичча воздевает к небу глаза, складывая платье.

– У вас есть все, чтобы жить и радоваться, а вы не рады, вот о чем я толкую. Муж есть муж, женские дела ему непонятны, безразличны. Ваш долг – быть примерной женой, думать о детях. Вы замужем за важным человеком, не может он вечно сидеть у вашей юбки.

– Вы правы, – вздыхает Джованна.

Донна Чичча смотрит на нее недоверчиво, но с пониманием.

– Позвать горничную, чтобы помогла вам помыться и укладываться спать?

– Нет, спасибо, донна Чичча, я сама.

– Ну, как хотите... – отвечает та едва слышно и идет на кухню сказать, что хозяйка не будет ужинать.

Джованна устало прислоняется к дверному косяку. В позолоченном зеркале отражается ее силуэт – хрупкое тело, почти невидимое в нижней сорочке. Сегодня она была в шелковом платье, сшитом для нее в Париже, кремового цвета, с воротником и манжетами из валансьенского кружева. Надела кольцо и серьги из жемчуга с бриллиантами – свадебный подарок Иньяцио.

Все похвалили ее наряд. Иньяцио лишь посмотрел и одобрительно кивнул, а затем продолжил разговор с Аугусто. Как будто она просто выполнила свой долг.

Долг. Это слово ее преследует. Она *должна* хорошо есть, потому что надо иметь силы и рожать детей. *Должна* выглядеть безупречно, потому что обязана соответствовать семье, в которую попала. *Должна* хорошо говорить по-итальянски и знать иностранные языки.

В личной жизни она *должна* оставаться в тени и мириться со всем, потому что так полагается хорошей жене, потому что это и есть брак: ублажать мужа, молча ему повинуюсь. Так она и делала, начиная с их первой ночи. Вела себя смиренно, покорно, следуя стыдливым советам матери: закрыть глаза и стиснуть зубы, если почувствует боль. Молиться, если будет страшно.

Но он был таким страстным и внимательным, что она до сих пор краснеет, вспоминая об этом. Ночная сорочка и молитвы полетели на пол, а он овладел ее телом и подарил такие ощущения, о которых она и не подозревала.

Так было в первые годы, но после рождения их первенца Иньяцио хотел ее все реже и без прежней страсти. Как будто и она стала *долгом*, обязанностью, которую нужно выполнять, а не женой, с которой делишь постель, тело и душу.

Сначала она думала, что у него другая женщина. Но после рождения Иньяцидду поняла, что все мысли Иньяцио заняты семейным делом. Соперница у нее была, ее звали «дом Флорио».

К тому же Джованна родила ему двух сыновей, продолжение рода обеспечено, так что...

Она пыталась поговорить об этом с донной Чиччей, но та лишь пожала плечами.

– Все лучше работа, чем женщина. И потом, у вашей свекрови такая же судьба, сколько она терпела, бедняжка! Перво-наперво – дом Флорио, а уж потом она и дети.

Вот только Джованна не Джулия. Ей нужен муж.

* * *

Иньяцио тоже не ужинает. Просит принести чашку черного чая и продолжает просматривать бумаги из ароматерии на виа Матерассай. Доход от нее теперь не тот, что раньше, несколько раз он даже подумывал от нее избавиться, но в итоге приверженность традициям и семейным корням взяла верх. И суеверие: это лавка отца, а прежде она принадлежала деду и брату деда, которых Иньяцио не знал. Это часть их истории, как и кольцо, которое он носит на безымянном пальце под обручальным кольцом.

Он гасит свет, выходит из кабинета. Зевает. Возможно, ему удастся сегодня уснуть.

Слуги молча проходят по комнатам, гасят свет, ставят экраны у каминов – поленья догорают, тихо рассыпаясь в прах. Запираются двери.

Ночной дозор охраняет дом. Иньяцио не видит стражников, но как будто слышит их шаги – взад и вперед по саду. Он не может привыкнуть к этому «неизбежному» присмотру: в детстве он спокойно бегал по всему Палермо, от виа Матерассай до Аренеллы. Теперь все изменилось.

Богатство притягивает беды.

Поднимаясь по лестнице, он снимает пиджак, ослабляет галстук. Проходит мимо комнаты матери – она наверняка спит. Мать все больше устает, с каждым днем слабеет. Надо попробовать убедить ее остаться жить в Оливуцце.

Доходит до детских, заходит в комнату Иньяцидду, приближается к кровати. Сын спит, прижав ручку к губам. У него тонкие черты лица, как у Джованны, он очень подвижный, ему нравится быть на виду. Потом Иньяцио идет в комнату к Винченцино – тот спит, приоткрыв рот, закинув за голову руки. У него волнистые, как у отца, волосы; худенькое тело неприметно под одеялом. Иньяцио гладит сына, тихо выходит из комнаты. Интересно, кто родится – мальчик или девочка? *Я бы хотел девочку*, думает он с улыбкой.

Иньяцио доходит до своей спальни, там на табурете дремлет Леонардо, – но в доме все зовут его Нанни, – камердинер, нанятый по настоянию Джованны. Иньяцио трясет его за плечо: – Нанни...

Невысокого роста, крепко сложенный, с густой копной черных волос, Леонардо вскакивает:

– Дон Иньяцио, я...

Тот останавливает его.

– Шел бы ты спать. Я покуда в состоянии раздеться сам, – говорит он с заговорщической улыбкой. Со слугами Иньяцио разговаривает на диалекте, чтобы они не чувствовали неловкости. Домашняя дипломатия.

– Что-то я сегодня умаялся, ждал-ждал вас, и вот... – кланяется Леонардо.

– Будет тебе, ступай, ложись. Завтра утром встаем в пять.

Камердинер, шаркая ступнями, исчезает за дверью, лепеча оправдания.

Иньяцио потягивается, снова зевает. Задергивает жаккардовые гардины, бросает на кресло пиджак, снимает жилет, ботинки, падает на кровать и закрывает глаза.

Сообщник усталости, всплывает воспоминание. Настолько явственное, словно в настоящем, оно затмевает все вокруг. Иньяцио кажется, вот он, снова юный, двадцатилетний, и на него не давит груз ответственности.

Марсель.

Цветет акация, на землю брошено покрывало. Запах свежескошенного сена, стрекот цикад, тепло. Солнечный свет проникает сквозь листву, ветер качает ветви. Его голова лежит у нее на коленях. Она гладит его волосы. Он читает книгу, потом берет ласкающую его руку, подносит к губам. Целует ее...

Стук в дверь.

Иньяцио открывает глаза. Солнце, тепло, цикады сразу исчезают. Он снова в Оливуцце, в своей комнате, окончен праздник, который утомил его больше, чем день работы.

Он садится на кровати.

– Входите.

Это Джованна.

Она в кружевном капоте, волосы заплетены в косу, совсем девочка – на вид ей не дашь двадцати одного года. Несмотря на внешнюю хрупкость, она сильная женщина, она предана ему душой и телом, она влила в их семью новую, благородную кровь.

Джованна – надежный тыл, правильный выбор, спокойная жизнь, соответствующая статусу Флорио, представителям новой аристократии, опирающейся на капитал, на власть, на социальный престиж.

Она – мать его детей.

Вот о чем нужно думать, упрекает он себя. *А не о том, что не можешь иметь. Никогда не смог бы иметь.*

– Ты доволен сегодняшним днем? Все прошло хорошо, не так ли? – Джованна стоит посреди комнаты.

Он кивает. Он все еще далеко, в плену воспоминаний, и не может этого скрыть.

Джованна подходит, обхватывает руками его голову.

– Да что с тобой? – В ее голосе недоумение. – Я хотела поговорить о твоей матери. Меня тревожит, что она все меньше ест и ходит с трудом. Это нехорошо. Ты тоже этим обеспокоен?

Иньяцио качает головой, притягивает Джованну к себе, целует ее в лоб. Проявление нежности.

– Так, думал о разном.

– О работе? – настаивает Джованна, отстраняясь, чтобы посмотреть на него.

Иньяцио, как всегда, невозмутим.

– Ну да.

Он не хочет, не может прибавить к этому ничего, его пожирает чувство вины. Эта женщина любит его всем своим существом и отчаянно надеется на взаимность. Но какая-то его часть по-прежнему – и всегда – будет связана с воспоминаниями. Воспоминаниями, проникшими в самую его кровь. Биение каменного сердца эхом отдается рядом с сердцем из плоти.

Он кладет руку ей на грудь, ищет ее губы. Поцелуй теплый, и это тепло согревает его, превращается в желание.

– Джованна... – бормочет он.

Она отвечает ему, обнимает, притягивает к себе.

По телу Иньяцио проходит дрожь.

– Ты думаешь, еще можно? С ребенком...

Она улыбается, снимает с него рубашку.

Они занимаются любовью спешно, жадно припадая друг к другу.

После Иньяцио проваливается в глубокий, без сновидений, сон.

После Джованна грустит о любви. И о том, что ей никогда не догнать Иньяцио в мире его теней.

* * *

На праздник Богоявления семья вновь собирается в гостиной виллы в Оливуцце: взрослые поздравляют друг друга, дети радостно кричат, получив подарки. На столе после трапезы остаются цукаты, сухофрукты и немного ликера.

Слишком шумно, думает Иньяцио. Ему нужно поговорить о делах с Франсуа, мужем Джузеппины, а в гостиной это никак невозможно. Он приглашает зятя пройти в кабинет, и когда за ними закрывается дверь, в тишине у обоих вырывается вздох облегчения.

– Эти семейные обеды порой просто невыносимы! – скороговоркой говорит Франсуа, мешая итальянский, французский языки и сицилийский диалект. Он хорош собою, с подкрученными усами и ясными, добрыми глазами. Иньяцио нравится зять, он знает, что Франсуа искренне любит его сестру Джузеппину.

– Ты в курсе, что я приехал в том числе и по делам. Нужно было завезти кое-что в Палермо, в магазин к отцу, а также взыскать долги, которые... Кстати, могу ли я оставить на хранение в вашем банке несколько векселей?

– Безусловно. – Иньяцио наливает ему бокал марсалы, наполняет свой. – Хотел тебя спросить: есть ли новости об аренде складов в Марсельском порту?

Франсуа разводит руками, капля ликера падает ему на палец.

– Я нашел два. Оба подходят, хотя тот, что больше, расположен чуть дальше.

Иньяцио кивает. Иметь склад прямо в порту означает существенно сэкономить время и деньги.

– Как только вернусь в Марсель, передам все указания твоим поверенным. – Франсуа вздыхает. – Я хотел бы уехать как можно скорее, беспокоюсь о *mon petit*, малыше Луи. Нужно найти для него хорошего доктора. Здесь у вас хорошие доктора? Винченцино показался мне немного слабым...

– Да, к сожалению. У него часто бывает жар, здоровье не слишком крепкое. Теперь вот простудился, кашляет...

– Ах, какая незадача! Бедный малыш! К счастью, Жозефин, твоя сестра, с Луи не одна. У нас гостит Камилла Мартен Клермон.

Иньяцио не отрывает взгляда от стакана.

– Ты ведь знаешь, что она теперь Клермон, да? Она снова вышла замуж. За адмирала, хорошего человека.

Иньяцио вдруг кажется, что голос Франсуа доносится издалека.

– Да... – бормочет он. – Кажется, это было в начале 1868 года.

– Да. Ей не было и двадцати, когда она овдовела. Детей у них не было, и даже сейчас они, кажется, не могут их иметь. Она много страдала, но, похоже, смирилась... – Франсуа пожимает

плечами и допивает марсалу. – Жизнь бывает очень несправедлива. Счастье так мимолетно на этой земле, – заключает он с досадой. В его голосе звучит грусть. Или косвенный упрек?

Иньяцио крепко сжимает толстостенный бокал из хрусталя. С усилием поднимает голову, напустив на себя безразличие, кивает.

И тут – удивительное дело – лицо Франсуа смягчается, печаль – или упрек? – исчезает.

– Когда я сказал, что еду в Палермо, она попросила передать тебе привет.

Иньяцио тяжело вздыхает.

– Я понимаю, – бормочет он.

Но не хочет ни понимать, ни знать, ни помнить.

Он проводит рукой по затылку, массирует затекшую шею. Опускает голову. Вздох, который не должен вырваться, давит ему грудь. Воспоминания не дают покоя.

Он, владелец литейного завода, винного производства, банка, десятков домов, флота из пятидесяти кораблей, – он боится встретиться взглядом с зятем. Но все-таки поднимает голову и смотрит на Франсуа.

– Передай и ей мой поклон.

Больше не может, не имеет права ничего сказать. Он должен жить настоящим.

* * *

Февраль 1872 года принес холод в мягкую сицилийскую зиму. Иньяцио вдруг замечает это, выходя из кареты, остановившейся у кладбища Санта-Мария ди Джезу, у подножья горы Грифоне: дыхание вылетает изо рта облачками пара.

Палермо далеко. Здесь только зелень и тишина. Серый зимний свет просачивается сквозь облака. Шум дождя, запутавшегося в ветвях недавно посаженных кипарисов, капли на листьях апельсиновых деревьев ненадолго отвлекают его от мрачных мыслей, сопровождавших на протяжении всего пути к кладбищу.

С годами пустота, возникшая после смерти отца, заволочлась пеленой суеты, но осталась глубокая печаль. Иньяцио считал, что научился с этим жить, что обрел покой в смирении и труде. Он продолжал мысленно разговаривать с отцом, хранил верность их маленьким совместным ритуалам, таким как послеобеденное чтение местной газеты «Джорнале ди Сичилия». И перенял привычку отца по утрам пить кофе в рабочем кабинете, в полном одиночестве.

И все же...

Однажды ноябрьским вечером, примерно год назад, его мать пошла спать, и он рассеянно попрощался с ней, поцеловав в лоб.

На следующее утро Джулия не проснулась.

Она умерла во сне. Ее доброе сердце перестало биться. Она ушла так же тихо, как и жила.

Под маской боли в Иньяцио кипела ярость. Как же так? Это несправедливо, она отказала ему в возможности проститься с ней, подготовиться к ее уходу. Он так и не сумел отблагодарить мать за все, что она для него сделала: за хорошие манеры, которые она привила ему, за ровный нрав, который передался ему, за чувство уважения к другим, которое он у нее перенял. Преданность делу, самоотверженность, решимость Иньяцио взял от отца. Все остальное, в том числе умение справляться с жизненными трудностями, все, что делало его мужчиной, было подарком Джулии. И – он понял это, лишь когда ее не стало, – подарком была даже та единственная, тихая, но твердая любовь, которую она испытывала к отцу.

Мать умерла в тот самый день, когда умер отец. Все, что от нее осталось, – призрак, готовый растаять в свете дня. Пустая оболочка. И вот наконец свет пролился. И вместе с ним пришел покой.

Ибо если отец был морем, она была утесом. А утес не может без моря.

Иньяцио представляет, что сейчас они вместе, где-то там, у небесной виллы «Четыре пика». Отец смотрит на море, а мать опирается на его плечо. Она поднимает голову, на ее губах играет легкая улыбка; отец поворачивается к ней, склоняет голову к ее голове. Они молчат. Просто стоят рядом.

В горле у Иньяцио комок. Он не знает, откуда этот образ – детское ли воспоминание или утешение, которое дарит ему рассудок. *Это не важно*, говорит он себе, подходя к могиле родителей. *Где бы они ни были, главное, они вместе, они обрели покой.*

Вот и склеп. Монументальная постройка в окружении памятников и захоронений представителей палермской знати. Город мертвых Санта-Мария ди Джезу – отражение города живых.

У ворот Иньяцио видит Джузеппе Дамиани Альмейду и Винченцо Джакери. Они о чем-то говорят, в тишине их голоса перекрывают щебетание птиц, обитающих в кипарисах. Альмейда и Джакери не сразу замечают Иньяцио.

– Вся недвижность, которую он купил за последнее время, оформлена на компанию «Почтовое пароходство». Вы понимаете, зачем ему это? – Дамиани Альмейда поднимает воротник – холодный влажный воздух пробирается до костей.

– Специи его больше не интересуют. Он объявил об этом сразу после смерти отца, но...

– И я объяснил почему: времена изменились, – негромко произносит Иньяцио.

Мужчины удивленно поворачиваются к нему.

Иньяцио вспоминает о подвалах Марсалы, о производимом там крепленом вине, которое развозится по всей Европе. О своих пароходах, которые перевозят товары и пассажиров по всему Средиземноморью, в том числе и в Азию, и в Америку.

– Есть люди богатые, и есть те, кто пыжится, пытаясь продемонстрировать несуществующее богатство, – добавляет он.

– Вы правы. Кто же сегодня не хочет казаться богачом? – пожимает плечами Дамиани Альмейда.

– А когда было иначе? Люди любят потешить свое самолюбие, пустить, так сказать, пыль в глаза. – Джакери опирается на трость: в последнее время из-за ноющей боли в бедре ему тяжело ходить. – Прежде вконец обнищавшая знать лезла из кожи вон, а сегодня всякий стремится к богатству и власти.

Джакери смотрит по сторонам: надгробия со звучными именами чередуются с неприметными плитами. Буржуазия рядом с аристократией, роскошные склепы рядом со скромными могилами, скромными не по своей воле – из-за нехватки денег. Смерть избавила от всех притязаний тех, кому пришлось продать даже гвозди из стен, чтобы выжить, тогда как пышные захоронения новоявленных буржуа на кладбище Санта-Мария ди Джезу, на других городских кладбищах, в том числе и самом большом, Санта-Мария деи Ротолли, олицетворяют добытое трудом богатство.

– И чем дальше, тем это более очевидно. Все меняется. Мы видим, что происходит в Европе. Есть такие, кто хочет доказать, что они – хозяева мира, а у самих добра – от жилетки рукава. – Дамиани Альмейда спускается по ступеням, отделяющим часовню от склепа, где недавно похоронили Джулию, достает из кармана связку ключей. Взвешивает их на ладони, протягивает Иньяцио: – Вот, это ваши.

Иньяцио сжимает в руке ключи. Железные, большие, тяжелые. Как наследство отца.

Он стоит перед дверью семейной усыпальницы. Ключ поворачивается в замочной скважине. На полу остатки штукатурки и следы ботинок.

В глубине склепа – большой саркофаг из белого мрамора. Винченцо Флорио, отец Иньяцио, высечен из мрамора почти как бог – в тоге поверх обычной одежды. Мать похоронена в нише за саркофагом. В смерти она также скромна, как и в жизни.

Иньяцио в склепе один. Кладет руку в перчатке на саркофаг, гладит его. Холодный мрамор молчит, но где-то в душе Иньяцио чувствует присутствие отца, присутствие родителей. Мягкое тепло разливается в груди.

Он делает все возможное. Он старается. Ему не хватает их слов, их взглядов. *Ты никогда не пересташь быть ребенком, как не пересташь быть родителем, если у тебя есть дети.*

Он закрывает глаза, не в силах сдержать нахлынувшие воспоминания: вот вилла «Четыре пика», вот большая цитрусовая роща вокруг виллы на холмах в Сан-Лоренцо, где он бегаёт с сестрами; вот они играют перед портиком, вот уроки танцев, он танцует с матерью, она так неуклюже двигается, что постоянно наступает ему на ноги, но очень рада, смеется, откинув голову назад; танцмейстер морщится, сестры Анджелина и Джузеппина, недовольные дуэтом, закатывают глаза. И еще: отец кладет руку ему на плечо и тихо говорит, объясняя, как лавировать среди акул в политике...

Внезапно перед ним возникает лицо в обрамлении белокурых локонов.

Иньяцио не мог ни с кем о ней говорить. Только Джузеппина знает. И не исключено, что Франсуа тоже что-то знает.

Нет, поправляет он себя. Еще один человек знал.

Мать. Она спросила однажды, действительно ли он хочет жениться на Джованне, и он ответил, что да, что не может поступить по-другому.

Ты не только знала, ты понимала всю мою боль, мама.

Рана, которая никогда не перестанет болеть. Отречение... слишком дорогая цена за то, чтобы отец считал его настоящим Флорио. Иньяцио молча согласился, он никогда не обсуждал это с родителями.

Сейчас он понимает, что с матерью его связывает еще одна нить: они оба отреклись от какой-то части себя ради дома Флорио, который должен не просто работать, он должен процветать. Мать пожертвовала любовью и чувством собственного достоинства ради того, чтобы Винченцо мог безраздельно отдаться делу. А он, Иньяцио, пошел дальше, отказавшись от любимой женщины ради того, чтобы деловые контакты Флорио завязались там, куда путь Винченцо был заказан: сначала в аристократических салонах Палермо, а затем и при дворе Савойского королевского дома. Ведь дворяне Сицилии, в жилах которых течет арабская, норманнская и французская кровь, убеждены, что они – потомки олимпийских богов, а значит, и Флорио должны стремиться на этот Олимп.

Так и вышло.

Но бывают дни, а особенно ночи, когда амбиции отступают.

И тогда Иньяцио погружается в воспоминания о Марселе и думает, что это был самый счастливый период в его жизни: он видит себя двадцатилетним, вспоминает запахи, звуки загородного дома, аромат роз, дамского мыла, чувствует рядом с собой обнаженное женское тело.

Настоящее проклятие – не сознать счастья, пока оно с тобой, и оценить его тогда, когда от него остается лишь эхо.

Иньяцио смотрит на могилу матери: Джулия Ракеле Порталупи, в замужестве Флорио. Женщина, которая знала все, которая всегда была рядом, которая любила, ничего не требуя взамен, которая всегда держалась на полшага позади.

Он назвал дочь, родившуюся в июне 1870 года, ее именем. Джулия Флорио. Его крошке сейчас полтора года.

Иньяцио слышит шаги за спиной, оборачивается.

Джакери улыбается – в этой улыбке утешение, не облекаемое в слова.

Иньяцио ничем не выдает своих мыслей.

– Работа сделана хорошо, – тихо говорит он. – Но могли бы почистить ступени...

Он прикасается к надгробию Джулии, подносит пальцы к губам и передает поцелуй холодному камню, затем осеняет себя крестным знаменем. Джакери тоже крестится.

Дамиани Альмейда, заложив руки за спину, ждет их снаружи. Все трое идут к выходу, садятся в экипаж.

Иньяцио первым нарушает тишину:

– Надеюсь, вы простите меня, что я попросил вас сюда приехать, но я лично хотел осмотреть часовню после похорон матери.

– Вы довольны результатом?

– Очень, дорогой инженер.

Иньяцио забрасывает ногу на ногу, пальцы сплетены на колене, смотрит в окно. В небе за серыми рваными облаками появляются голубые просветы.

– Хотел поговорить с вами вот о чем: я думаю возобновить одно дело отца.

– Какое именно, скажите на милость? – Джакери морщит лоб. – Ваш отец много экспериментировал, было трудно уследить за всеми его идеями.

– Ваша правда. Я имею в виду текстильную фабрику, которую он хотел открыть в Марсале, рядом с винодельней. Но руки так и не дошли... – Иньяцио внимательно смотрит на Джакери. – Я слышал, что адвокат Морвилло занимается переработкой хлопка на своей маленькой фабрике здесь, в Палермо, и ищет партнеров. Он умный человек, работал в Министерстве образования. Мне нравятся его свежие идеи по организации производства... Постарайтесь выяснить его намерения, аккуратно, как вы умеете.

Джакери кивает.

– Он хочет перерабатывать хлопок, но это безумие. Неаполитанская конкуренция слишком сильна.

– Конечно, это безумие: хлопок с Сицилии отправляется для прядения в Неаполь или даже на север, в область Венето, а затем возвращается сюда для продажи. Его себестоимость вырастает неимоверно, лучше уж покупать английские или американские ткани. Но если мы можем повернуть ситуацию в свою пользу, отчего бы этим не заняться?

– Хорошо. Я все выясню.

Дамиани Альмейда смотрит на Иньяцио и молчит. Он восхищается этим человеком и опасается его. Иньяцио ничем не уступает отцу: как говорится, яблоко от яблони недалеко падает. В нем чувствуется внутренняя сила и отчаянная решимость, скрытая хорошими манерами. Но Дамиани Альмейда знает: иногда любезность опаснее, чем грубость.

* * *

– Овощи, тушенные со сливочным маслом и слегка перченые, да, и кролик по-провански, – диктует Джованна. Донна Чичча старательно пишет, высунув кончик языка. – Из вина... подойдет «Аликанте», – заключает Джованна. Она хочет встретить Иньяцио в домашней уютной обстановке, где все заранее продумано до мелочей.

Донна Чичча складывает листок, велит горничной отнести его на кухню, потом переводит взгляд на Джованну и удовлетворенно кивает, оценивая ее черное платье с лиловыми вставками. Прошло всего три месяца со дня смерти Джулии, и траур еще продолжался в доме Флорио.

– Душенька моя, загляденье!

На лице Джованны появляется робкая улыбка. Она знает, что это неправда, что она далеко не красавица, но эта невинная ложь ей приятна. Донна Чичча обнимает ее за плечи.

– И не подумать, что раньше вы всего-то боялись. А какой стали отличной хозяйкой, и вина-то подбирать умеете!

– Ма... ма-ма...

Это малышка Джулия. Кормилица протягивает ребенка Джованне, и та улыбается, целует розовые щечки. Малышка хватается ее палец, тянет в рот.

– Моя красавица, сердечко мое, – щебечет Джованна, щекоча носом носик малышки, а та пытается ухватить маму за прядь волос. – Жизнь моя, любовь моя!

Донна Чичча смотрит на них, и на сердце у нее становится легче. Она так молила Господа – и не только Его – о том, чтобы ее крошка обрела душевный покой. Да, Джованна – ее крошка, не госпожа, потому что донна Чичча стала ей вместо матери, растила ее, всегда была рядом. *Как она изменилась после замужества*, размышляет донна Чичча, складывая сорочку, брошенную в изножье кровати. *Ее крошка* всегда была такой раздражительной, неуверенной в себе, ела так мало, будто хотела истаять, исчезнуть. Будто отказывала самой себе в существовании. А теперь она прекрасная мать и жена. Она даже немного поправилась, стала женственней. *Ее крошка* обрела покой или попросту смирилась? Донна Чичча не знает. Конечно, отношения у них с Иньяцио ни в какое сравнение не идут с отношениями другой пары, которую донна Чичча знает давно – имеются в виду родители Джованны, – у тех все ограничивалось взаимным безразличием. Разница между спокойствием Иньяцио и нервозностью Джованны казалась непреодолимой. Донна Чичча это сразу поняла, но надеялась, что все у них сгладится. Поэтому она молча наблюдала, выслушивала Джованну, утешала ее, вытирала ей слезы, как мать.

Джованна еще раз целует Джулию и передает ее няне.

– Скажите Винченцино и Иньяцидду, чтобы садились заниматься, сейчас придет учитель музыки. Я зайду к ним чуть позже.

Няня выходит из комнаты. Отвернувшись, донна Чичча начинает складывать лифы и хмурится. Мальчишки дома Флорио резвятся, как и все дети, но если Винченцино выслушивает замечания и всегда извиняется, то Иньяцидду не реагирует даже на шлепки.

– Ишь, сорванец... – вырывается у нее шепотом.

– Что вы сказали? – переспрашивает Джованна.

– Думала о господине Иньяцидду. Вот уж непоседа!

– Муж говорит, он еще мал...

– Воспитывать надо, пока поперек лавки лежит... – качает головой донна Чичча.

– Вырастет – остепенится, вот увидите, – отвечает Джованна, открывая шкатулку с драгоценностями, чтобы выбрать серьги. Кое-что – топазы, жемчуг, изумруды – досталось ей от Джулии. Почти всё унаследовали дочери, но Джованна не в обиде: эти украшения не слишком ей по душе, она находит их старомодными, а оправу слишком тяжелой. И они совершенно не годятся для траура. В итоге она выбирает длинные жемчужные серьги с ониксом.

– Интересно, что бы сказала на это моя свекровь? Кажется, Джузеппина и Анджелина в детстве были куда беспокойнее Иньяцио. – Джованна вздыхает. – В последнее время с ней было нелегко говорить... Вечно стояла у окна, смотрела на улицу, словно ждала кого-то...

– Это *он* ее звал, – донна Чичча испуганно крестится. – Как-то накануне... она попросила меня оставить свет, сказала, муж придет. Я-то, грешным делом, подумала, что у бедняжки ум за разум зашел... Но когда Господь ее забрал, тут-то я и смекнула.

Джованна крепко сжимает губы. Ей не хочется продолжать эту тему.

Она садится за журнальный столик, разбирает почту. Приглашения на ужин, на торжественный прием, присланные из вежливости – все знают, что Флорио по-прежнему в трауре, – но много и соболезнований. *Надо же, все еще приходят*, думает Джованна, вскрывая конверты, а донна Чичча тем временем достает корзину с вышивкой, которую они заканчивают.

Деловой партнер Винченцо, который только сейчас узнал новость; двоюродный брат, живущий в Калабрии, чье имя она вспоминает с трудом; поставщик, который рассыпается в извинениях за задержку, был очень болен и не...

А потом...

Из Франции, конверт из плотной бумаги, адресованный Иньяцио. *Интересно, как он здесь оказался?* – удивляется Джованна, вертя конверт в руках. Красивый, аккуратный почерк, не то что на других посланиях. Она откладывает было конверт в сторону, но тут же снова берет

его в руки. Несколько секунд колеблется. Потом вынимает из волос шпильку и использует ее вместо ножа для бумаги. Иньяцио не будет возражать, если...

*Вот и мать тебя покинула: знаю, как ты был привязан к ней, и представляю, как тебе сейчас тяжело. Мое сердце плачет вместе с тобой.
Твоя боль – это моя боль, помни об этом.*

К.

У Джованны перехватывает дыхание.

Ни один партнер, ни один родственник, ни один друг так не напишет. *Ни один мужчина*, поправляет она себя. Не в таком тоне. Не таким аккуратным почерком. Не на такой дорогой бумаге.

Твоя боль – это моя боль, помни об этом.

Только женщина могла написать это.

И только мужчине, с которым она была близка.

Мужчине, которого она любит.

Джованна встряхивает головой. Фразы, взгляды, жесты. Молчание.

Воспоминания теснятся в голове. Слова внезапно приобретают иной смысл.

Нет.

Она вскидывает голову и вздрагивает, увидев в зеркале свое отражение. Ее глаза – огромные, пустые, темные, как будто в них опрокинута ночь.

Донна Чичча все еще возится с нитками. Она ничего не заметила.

Джованна переводит взгляд на конверт. Она хочет, имеет право знать.

Почтовый штемпель плохо читается. Джованна поворачивается к окну. *Марсель*. Значит, письмо из Марселя. Возможно, Джузеппина и Франсуа знают эту женщину. Ей приходит в голову написать Джузеппине, с тем чтобы спросить у нее, но она гонит от себя эту мысль.

Спросить о чем?

Не выставляй себя на посмеище, – суровый внутренний голос смутно напоминает ей голос матери.

Джованна разглядывает конверт, нюхает его. Вроде бы от него исходит слабый аромат цветов. Возможно, гвоздики. Или это ей только кажется. Она не знает.

Руки немеют, желудок сжимается, как будто живет собственной жизнью, и на нее разом обрушивается прежнее смятение. Прочь еда, прочь эмоции.

Она закрывает глаза и ждет, что тошнота отступит.

Страхи, безымянные страхи вновь оживают и с новой силой атакуют ее.

Конверт падает на колени – пятно цвета слоновой кости на черной юбке. Кажется, оно источает погибель.

Мое сердце плачет вместе с тобой.

– Идите к детям, донна Чичча, – говорит Джованна твердым голосом. – Мне нужно ответить на письма. Я приду позже.

Она встает, держа в руках конверт, и, сама того не замечая, сминает его.

Не дожидаясь ответа донны Чиччи, Джованна идет в спальню Иньяцио. Судорожно вертит головой, кровь стучит у нее в ушах. Ей вспоминается другое утро, другой траур. Резким жестом она распаковывает шкаф.

Привлеченный шумом, на пороге появляется Нанни, камердинер.

– Кто это? – робко спрашивает он, потрясенный тем, что хозяйка роется в одежде мужа.

Она поворачивается и ледяным голосом шипит:

– Пшел прочь!

Камердинер отступает за дверь.

В Джованну словно вселился бес: она шарит между рубашками, кидает на пол домашние халаты, ощупывает карманы брюк.

Внезапно она замирает, почувствовав головокружение. Трет виски.

Нет, так нельзя. Такое поведение ее недостойно. Но что же делать, как сдержаться, если человек, который научил тебя любить, ради которого ты изменилась, приняла себя такой, как есть... этот человек носит в своем сердце другую?

Она закрывает глаза: надо остыть. Нет, жизнь ее мужа проходит не здесь. *В этой комнате он лишь переодевается и спит. Все свое время он проводит в кабинете. Там у него хранится все важное.*

И тогда Джованна бежит, со всех ног, как никогда в жизни не бегала. Бежит вниз по лестнице, в кабинет. Привлеченные шумом, из дверей детской выглядывают Винченцино и Иньяцидду и удивленно смотрят Джованне вслед: им невдомек, почему мать в таком отчаянии. Винченцино кашляет, вопросительно смотрит на Иньяцидду, но тот лишь пожимает плечами.

Джованна распахивает дверь кабинета. Здесь она впервые: это место деловых встреч, сухих слов, бумаг и сигарного дыма. Замерев на мгновение, она видит, как из полумрака проступают контуры массивной мебели: книжный шкаф позади письменного стола, настольная лампа в восточном стиле. Она подходит к столу и со злостью открывает ящики один за другим: перья, карандаши, какие-то журналы, испещренные цифрами. Листает – ничего интересного. Но в последнем ящике есть тайник.

В нем то, что она ищет. Шкатулка из палисандра и черного дерева с железной ручкой. На виа Матерассай она лежала у Иньяцио в шкафу. Как-то Джованна спросила, что в ней, и он ответил кратко: «Воспоминания».

Руки у нее дрожат. Шкатулка гладкая, тяжелая, теплая на ощупь. Джованна ставит ее на стол: луч солнца высвечивает текстуру дерева.

Открывает.

Чувствует запах, похожий на тот, который, как ей показалось, исходил от конверта с соболезнованиями. Под потрепанным экземпляром «Принцессы Клевской» мадам де Лафайетт лежит стопка конвертов. Джованна вываливает их на кожаный бювар и со смесью любопытства и отвращения начинает перебирать. Бумага дорогая, плотная, а почерк тот же, женский. Одни даже не открыты, другие изрядно потрепаны. На всех стоит штемпель Марсея. Там же лежит выцветшая от времени голубая атласная лента.

На дне шкатулки – карточка с соболезнованиями, похожая на ту, что Джованна совсем недавно держала в руках. Она смотрит на дату, читает: по поводу смерти тестя.

Ярость вновь ослепляет ее.

– Кто эта женщина? – кричит в иступлении Джованна, хватая один из конвертов, пытается его открыть.

– Что ты здесь делаешь?

Голос Иньяцио как ушат холодной воды.

Джованна поднимает голову – на пороге стоит муж. Конверт чуть не падает из ее рук.

Иньяцио переводит взгляд с лица жены на открытую шкатулку, на бумаги, разбросанные на столе.

– Я спросил тебя, что ты здесь делаешь? – повторяет он, побледнев, хриплым, почти металлическим голосом.

Он закрывает дверь, бросает плащ на стул и подходит к столу. Медленно протягивает руку, берет скомканный конверт. Разглаживает его бережно, даже любовно. Но его лицо холодно, неподвижно.

Джованна теряет над собой контроль.

– Это... что? – шипит она, размахивая конвертом, который держит в руках.

– Дай сюда, – тихо говорит Иньяцио, его глаза прикованы к столу, на котором разбросаны конверты.

В этом шепоте – приказ. Джованна отрицательно качает головой, прижимая конверт к груди. Ее бледное лицо покрыто красными пятнами.

– Что это? – теперь тихо и с горечью повторяет она.

– То, что тебя не касается.

– Письма от женщины. Кто она?

Иньяцио поднимает на нее глаза, и сердце Джованны замирает.

Иньяцио – ее Иньяцио – всегда умел владеть собой. На все возражения он лишь пожимал плечами или отстраненно улыбался. Этот мужчина с землистым лицом, сжатыми зубами и гневно пылающим взглядом – не ее муж. Это чужак, объятый холодной неудержимой яростью.

Мысли Джованны мечутся, злые, испуганные, противоречивые. *Какая же я дура! Зачем мне это? Затем, что я – жена? Разве он мне что-то должен? Нужно было порвать этот конверт и забыть. Нет, тогда пришлось бы лгать ему. Но все осталось бы по-прежнему! А теперь что мне делать, чтобы успокоить его? Но ведь он – мой муж. Я имею право знать, я столько лет жертвовала собой ради него! А если он выберет другую? Нет, это невозможно, ведь у нас Винченцино и Иньяцидду...*

Она трясет головой: пусть замолчат эти голоса, разрывающие ее на части.

– Почему? – спрашивает она, тяжело вздохнув. Кладет конверт на стол, делает шаг к мужу. Это единственный вопрос, который она сейчас может – и хочет – задать:

– Почему ты никогда не рассказывал мне о той, другой? – В голосе ее слезы. – Неужели ты никогда не любил меня по-настоящему? Неужели ты думал только о ней, об этой француженке?

– С тех пор как я женился на тебе, никакой другой у меня нет.

Его голос снова обрел твердость, и выражение лица снова стало спокойным и отстраненным. Лишь небольшая гримаса кривит его губы, когда он складывает конверты в шкатулку. Но от Джованны не может ускользнуть, с какой нежностью он берет голубую ленту, кладет сверху книгу.

– Она лучше, чем я, да?

– Все в прошлом. Ты ни при чем, – отвечает Иньяцио, не глядя на нее. Он достает из кармана бренок связку ключей. Одним из них – маленьким, темным – запирает шкатулку. Крепко прижав ее к себе, идет к дверям.

– Это тебя не касается. Никогда больше не заходи в мой кабинет. Никогда.

* * *

Соль и песок под ногами. Ветер горячий, порывистый, свет яркий настолько, что заставляет щуриться. К запаху моря примешивается острый запах душицы. Иньяцио наклоняется, набирает горсть песка и ракушечника, пропускает через пальцы. Вообще-то это раскрошившийся туф – светлый камень, горная порода, заточившая в себе останки морских раковин и моллюсков, это настоящее сердце Фавиньяны. Сердце его острова.

Да, моего острова, говорит он себе с улыбкой, направляясь к краю утеса в бухте Буэ-Марино, откуда открывается великолепный вид на сушу и море. Внизу рабочие вырезают из туфа блоки, которые затем перетасят к берегу и погрузят на корабли, идущие в Трапани. Тонкая пыль поднимается в воздух и тут же оседает, прибиваемая ветром; карьеры туфа глубокие, более десяти метров. Добыча туфа наряду с рыболовством с незапамятных времен была основным занятием жителей острова, это верный источник дохода, ведь туф используется для строительства домов.

Да, это его остров: несколько месяцев назад он купил Эгадские острова у маркизов Рускони – братьев Джузеппе Карло и Франческо, и их матери, маркизы Терезы Паллавичини.

Фавиньяна, Мареттимо, Леванцо и Формика. Последний остров как раз на полпути между Леванцо и Трапани. Иньяцио всем объяснил, что эта покупка на сумму два миллиона семьсот тысяч лир² даст хороший импульс производству тунца и что в качестве рабочей силы он будет использовать заключенных форта Санта-Катерина, к тому же на островах добывают туф, который можно выгодно перепродать. В общем, он тщательно изучил острова, оценил их реальный экономический потенциал и решился на покупку. Кроме того, он воспользовался тем, что острова были убыточными, и смог снизить цену.

Однако перед самим собой ему не нужно оправдываться.

Как его дядя, чье имя он носит, семьдесят лет назад с первого взгляда влюбился в Ареллу, так Иньяцио сразу полюбил Фавиньяну: этот остров для него дороже, чем семейное дело, чем общественный статус, чем многое другое в жизни. Здесь все проблемы – трудности с добычей серы, рост таможенных пошлин – отступают далеко, да и семья тоже. Глаза Джованны, такие грустные и серьезные, становятся блеклым воспоминанием.

Здесь он хочет построить дом – по примеру отца, который построил дом в Арелле. Но еще не время: тоннарой пока владеет Винченцо Драго, арендатор-посредник, или *габеллотто* на местном наречии. Иньяцио придется подождать, и только через три года, в 1877-м, он станет полноправным хозяином и завода, и острова.

Море внизу ревет и грохочет. Теплый порывистый ветер, капризный зефир, скоро переменится, это чувствуется, и тогда море успокоится. Обретет покой, как и он, Иньяцио, когда впервые ступил на этот остров.

Иньяцио прикрывает глаза, солнечный свет просачивается сквозь веки.

Он помнит, как впервые приехал сюда: ему четырнадцать лет, и отец, который в то время управлял тоннарой, взял его с собой. В воздухе стоял запах гниющего тунца, солнце играло на стенах домов, а Винченцо закатал рукава рубашки, сел на большой камень и разговорился с рыбаками, обсуждая на местном диалекте, где лучше ставить сети и в каком направлении дует ветер во время забоя тунца, маттанцы. Иньяцио не такой, как отец, – он приветлив, но держит дистанцию. Рыбаки Фавиньяны, однако, чувствуют в нем скрытую силу: это не высокомерие и не пренебрежение к ним, но спокойная внутренняя уверенность человека. Они почувствовали ее в то утро, когда Иньяцио без предупреждения появился в тоннаре. Маттанца закончилась несколько недель назад, настало лето, и, пока шло консервирование тунца, рыбаки занимались лодками и сетями.

Иньяцио долго беседовал с ними; не прерывал, даже когда речи их становились путанными, а диалект – трудным для понимания. Главное, он смотрел им в глаза, понимая их проблемы, ощущая их страх перед будущим, замечая сгустившиеся тучи неизвестности: с одной стороны, конкуренция с испанскими промысловиками, с другой – налоги, которые требуют «пьемонтцы». Он ничего не обещал, но его присутствие всех успокоило.

– Вы всем довольны?

От размышлений его отвлекает голос Гаэтано Карузо, одного из самых преданных работников, сына управляющего Иньяцио, который работал еще с его отцом. С Карузо тоже был долгий разговор, главным образом о планах Иньяцио модернизировать завод на Фавиньяне, заключить новые контракты.

– Да, очень. Хорошие люди здесь работают, благочестивые, – отвечает он, потирая ладони. На коже – тонкий слой каменной пыли.

– Вы знаете, чем их взять. Вы внушаете им уверенность, уважаете их, и они это чувствуют. Не просто командуете, как другие.

² Примерно 10 млн евро. (Прим. автора.)

Карузо подходит ближе. У него худое лицо с угловатыми чертами и бородка, которую он имеет привычку теревить. Но сейчас он, поеживаясь, запахнул полы пиджака и скрестил на груди руки, а Иньяцио смотрит на море, подставив ветру лицо.

– Давным-давно, когда я был еще маленьким, мой учитель заставил меня перевести отрывок из Тита Ливия с притчей о Менении Агриппе. Знаете?

– Нет, дон Иньяцио, – отвечает Карузо.

– Вам, должно быть, известно, что в то время плебеи хотели получить равные с патрициями права, поэтому в знак протеста они покинули Рим. А Менений Агриппа вернул их обратно, рассказав им притчу о том, что произошло, когда руки вдруг перестали работать, завидуя желудку, который бездействует в ожидании пищи. Все тело слабело, поэтому конечно-сям пришлось примириться с желудком. – Губы Иньяцио чуть дрогнули, изобразив улыбку. – Наши работники должны чувствовать, что они важны. Еще мой отец об этом говорил. Заработная плата – не единственное их стремление. Прежде всего я должен показать, что для меня важен каждый из них, а для этого надо посмотреть им в лицо, каждому.

– Не всегда это легко, – соглашается Карузо.

– Да, верно. Здесь живут рыбаки, простой народ, они знают цену труда... Городские рабочие более требовательны, ищут повода не работать или работать меньше, требуют и требуют... еще и недовольны тем, что им дают. Вечная борьба. – Иньяцио мрачнеет, вспоминая рабочих литейного завода «Оретеа» и ткацкой фабрики, которую он открыл вместе с адвокатом Морвилло и которая, увы, приносит мало прибыли.

Он поворачивается спиной к морю. Экипаж ждет его неподалеку.

Карузо смотрит, как Иньяцио садится в повозку, которая тоже покрылась тонким слоем каменной пыли, как и всё здесь на острове, и, желая сделать ему приятное, говорит:

– Местные считают вас графом, знаете? И я не удивлюсь, если король...

– Я – фабрикант, синьор Карузо, – перебивает его Иньяцио. – Мой титул – это мой капитал. Только благодаря ему я приобрел почет и уважение.

Экипаж увозит Иньяцио от бухты Буэ-Марино, а его душа поет в унисон с ветром. Нет, ему не нужен титул князя, графа или маркиза Эгадских островов. Он счастлив тем, что владеет ими.

Тоннара

Июнь 1877 – сентябрь 1881

Сделал добро – забудь, сделал зло – помни.

Сицилийская пословица

18 марта 1876 года, всего через два дня после объявления о том, что правительству удалось сбалансировать бюджет, к власти приходит «Левая» партия. 25 марта 1876 года главой нового кабинета министров становится Агостино Депретис. «Историческая левая» партия, состоявшая из представителей средней буржуазии, выступает за снижение налогового бремени и решительно настроена вести Италию курсом модернизации. Она будет руководить страной в течение двадцати лет, до 1896 года; в разное время правительство возглавят Агостино Депретис, Франческо Криспи, Бенедетто Кайроли и Джованни Джолитти.

«Исторические левые» заявляют о себе и в ряде сицилийских избирательных округов, но, вопреки предвыборным обещаниям, сложная ситуация на Юге остается практически без изменений. 3 июля 1876 года депутат Ромуальдо Бонфадини представляет правительству отчет Совета по расследованию ситуации на Сицилии, где в том числе рассматривается и вопрос мафии, «[которая] есть... развитие и совершенствование беспредела, служащего целям зла; это круговая порука, стихийная, жестокая, корыстная, которая, причиняя вред Государству, его законам и структурам, объединяет всех тех людей и те социальные слои, которые любят получать блага не от честного труда, но применяя насилие, обман и запугивание». Этот отчет не был опубликован полностью; лишь в 1877 году два молодых человека, представители «Исторической правой», Леопольдо Франкетти и Сидней Соннино, опубликуют независимый отчет, выполненный на основе «полевого» исследования сицилийского общества, под названием «Сицилия в 1876 году», где будут обозначены серьезные проблемы Юга Италии, включая коррупцию, клиентелизм, отсутствие эффективной аграрной реформы, и прежде всего «понятия о том, что закон превыше всего». В 1877 году комитет под председательством сенатора Стеффано Ячини начал работу над фундаментальным трудом «Аграрный вопрос и условия жизни крестьянства»: с 1881 по 1886 год было издано пятнадцать томов, в которых описывалось тревожное положение итальянского сельского хозяйства, его общая отсталость и плохие условия жизни крестьян. Выводы, сделанные в этой работе, были проигнорированы правительством.

9 января 1878 года умирает первый король единой Италии, Виктор Эммануил II. Его преемником становится сын, Умберто I, женатый на своей кузине Маргарите Савойской. Консервативно настроенный (как и его супруга) король, однако, пытается завоевать расположение народа: взойдя на трон, первым делом он вместе с супругой и девятилетним сыном Виктором Эммануилом совершает поездку по итальянским регионам (17 ноября 1878 года в Неаполе анархист Джованни Пассаннанте совершит покушение на короля) и в дальнейшем посещает области, пострадавшие от стихийных бедствий (наводнение в Венето в 1882 году, эпидемия холеры в Неаполе в 1884 году).

7 февраля 1878 года умирает папа Пий IX. Хотя новый папа, Лев XIII, кажется более открытым к диалогу, разрыв Ватикана с итальянским государством еще долгое время будет накладывать отпечаток на жизнь страны.

Чиурма, сарпату, кьюммо, каммара, коппу, бастардедда, римиджсиу.

Слова из диалекта, на котором до сих пор говорят на Фавиньяне – острове, по форме похожем на бабочку; в этих словах – отголоски минувшего времени и тяжелого труда.

Зимой конопатят почерневшие суда, чинят и укрепляют сети. Когда готова тоннара – плавучее сооружение для ловли тунца – в мае, после праздника Креста Господня, в соответствии с указаниями *раиса* опускают якоря. Раис определяет координаты, учитывая розу ветров и морские течения, и призывает на помощь Святое Распятие, Богородица Розария, Святейшее Сердце и главного заступника – святого Франциска из Паолы, покровителя мореплавателей и рыбаков. Повелитель тоннары – раис, он же глава *чиурмы* – команды, состоящей из рыбаков-*тоннароти*, вся жизнь которых, с детства и до самой смерти, связана с тунцовым промыслом.

Раис читает ветра и воды, командует *а калата* и *у сарпату*, установкой и разборкой тоннары.

Вместе с якорями на дно опускают *кьюммо* и *русацици*, цепь, утяжеленную кусками туфа из каменоломен Фавиньяны, чтобы обеспечить устойчивость *исулы* – острова, системы сетей, разгороженных на *каммары* – так называемые комнаты. Когда тунец заходит в них и начинает изо всех сил бороться за жизнь, сети нередко рвутся, а канаты натягиваются.

Остров – целый коридор, разделенный на комнаты: тунца гонят к входу в первую, *насса*, с помощью длинной, высокой сети, которая преграждает путь. «Двери» сделаны из сетей, поднимаемых вручную, а внизу, на дне, нет никаких сетей. Единственная комната, где сети поставлены с пяти сторон, это *коппу* – комната смерти. Пройдя через комнаты, тунец заходит в *бастардедда* – прихожую коппу. Когда наконец поднимается последняя «дверь», тунец, обезумев от того, что кругом сети, ныряет в комнату смерти в поисках выхода.

Накануне тоннароти усердно молятся, просят Иисуса, чтобы улов был богатым, а оплата достаточно щедрой, чтобы обеспечить семью, и чтобы приплатили еще *миджюрато*, своего рода премию за работу. В день маттанцы длинные черные лодки выстраиваются парами, окружают со всех сторон квадрат комнаты смерти; вместе с ними и лодки поменьше. Они всегда идут парами: одна с наветренной стороны, другая с подветренной. Рыбаки продолжают молиться и во время забоя. Поют песни, в которых похвалы святому Петру смешиваются с проклятиями в адрес алчного, враждебного моря. Тянут сети *у коппу* – «пола» комнаты смерти. Одной только силой рук, мокрые от брызг и от пота. Тунцы беснуются от тесноты, нехватки воздуха и воды.

Сети – тяжелые, разбухшие от воды, наполненные рыбой – закрепляют в лодках. Теперь должны постараться *римиджцу* – крепкие мускулистые парни, задача которых загарпунить тунца и втянуть его в лодку с помощью *спетта* – длинного смертоносного крюка.

Подан сигнал забивать тунца. В дело идут прутья, гарпуны и остроги, смастеренные рыбаками. Рыбы уже на поверхности воды, с силой бьются о борта судов, сталкиваются меж собой. Лодки качаются, море краснеет, вода превращается в кровь. Тунцы мычат, их стоны заглушают крики рыбаков – те перекликаются, подбадривают друг друга. Рыбины вырываются, ищут спасения, но рыбаки пронзают их гарпунами, разрывают тело, хватают за плавники, втаскивают в лодки сильными руками. Тунцы еще живы, когда падают на дно лодок, но они умрут до прибытия в порт, кровь их будет смыта морской водой.

В маттанце есть почтение к тунцу, но нет ни капли жалости.

* * *

Свинцовым утром июня 1877 года экипаж останавливается возле литейного завода «Ортеа». Половина пятого, ворота только что открыли. К железным сводам, спроектированным Дамиани Альмейдой, поднимаются громкие голоса. Поднимаются к самой крыше, двускатной, украшенной маленькими волютами, пробираются внутрь сквозь тяжелые стекла окон.

Сидя на земле или прислонившись к стенам, мужчины и подростки в рабочей одежде оживленно переговариваются. Кто-то жует хлеб.

Они не собираются заходить, думает Иньяцио.

Вдруг перед воротами появляется коренастый мужчина, у него кривой нос, спутанные волосы торчат, как пакля. Вскинув руки, он кричит на диалекте, обращаясь к рабочим:

– Что же это, братцы, делается, а? Работаем до кровавых мозолей, а денежки текут в карман другим...

Его голос эхом разносится по улице, заставляет всех замолчать.

Иньяцио знает его. Это один из тех парней, которые совсем недавно работали в доке, а со вчерашнего дня отказываются идти в литейный цех, потому что узнали, что им больше не будут выплачивать надбавку, небольшую сумму, так называемую четвертину. Рабочие пришли в ярость, мол, это произвол. Пришлось вмешаться полиции. Вечером второго дня управляющие решили, что, кроме Иньяцио, никто не сможет утихомирить восставших рабочих, и умоляли его лично прийти на завод рано утром, к открытию ворот.

– Плевать они хотели на нас! – кричит коренастый. – Они знают, что нам нужно кормить семьи, знают, что мы будем цепляться за работу зубами и ногтями... что никуда не денемся, а мы молчим, даже...

– Верно! Так и есть! – Гул толпы перекрывает голос оратора. Кое-кто бросается к воротам, закрывает их, другие громко колотят по стенам литейного цеха. Улица пульсирует громкими звуками, яростными криками, напряжением с запахом железа и пота. Сотни рабочих молотят кулаками, кричат, что не позволят себя ограбить, что работа – хлеб для их семей, и это правда, что они цепляются за нее зубами и ногтями, никогда не протестуют, но сейчас...

Тогда Иньяцио решает выйти из кареты.

Он абсолютно спокоен, высоко держит голову, сжимает в руке шляпу. Невозмутимо направляется к воротам.

Его замечает ребенок, тянет отца за рукав: «Папа, папа! Здесь хозяин! Сам дон Иньяцио здесь!»

Мужчина оборачивается, таращит глаза, стаскивает с головы шапку и прижимает ее к груди.

– Дон Иньяцио, Бог в помощь, – бормочет он приветствие, щеки его пылают от смущения. Так же внезапно, как и начался, гул стихает.

Толпа расступается, чтобы пропустить Иньяцио. Оратор опускает руки и отходит в сторону, словно разом растеряв весь свой запал. Ворота приоткрываются. Одни рабочие обнажают голову, смотрят на Иньяцио со страхом, смешанным с благоговением. Другие отступают назад, третьи опускают глаза, уставившись в землю. Иньяцио отвечает на приветствия легким кивком, но не произносит ни слова.

Некоторые взгляды отнюдь не робкие. Он чувствует их спиной, чувствует ненависть, запах гнева. Едкий запах – так пахнет порох. Эти взгляды – голодные, злые – преследуют его до входа в административное здание, где его ждет человек с седеющей бородкой и большими залысинами, инженер Вильгельм Тайс, директор литейного завода. Этот невысокий, тщедушный человечек рядом с крупным Иньяцио кажется еще меньше.

Тайс закрывает за ними дверь на два оборота ключа. Молча они идут по узкому, все еще темному коридору, поднимаются по лестнице и входят в помещение конторы, где дюжина сотрудников в черных костюмах, рубашках с накрахмаленным воротничком и в полотняных нарукавниках готовится приступить к работе. Проходя вдоль аккуратно расставленных столов, Иньяцио приветствует служащих, спрашивает о делах семейных.

Время от времени бросает взгляд на большое окно, откуда виден весь двор литейного цеха. Рабочие медленно входят в ворота: он видит их усталые лица, замечает несколько рук, машущих в направлении офисов.

Он не прячется. *Пусть они меня видят, думает он. Пусть знают, что я здесь.*

За его спиной слышится покашливание.

– Итак, инженер Тайс. Насколько я понимаю, люди плохо восприняли решение о переходе на новые условия работы в корабельных доках.

Тщедушный человечек подходит к столу. Это место он, директор, обычно занимает в отсутствие Иньяцио, но не сегодня. Сегодня есть *главный*.

– Дон Иньяцио, отмена надбавки за работу в доке вызвала недовольство, к которому мы оказались не готовы; по крайней мере, к такому бурному. Эти возмущения, бесконечные протесты, да еще этот их *листок*, эта газетенка...

– «Иль Поверо»? Газета бедняков? Чему вы удивляетесь? Там половина редакции – рабочие литейного цеха. Я ожидал, что они будут недовольны.

– Они преувеличивают. Рабочие, особенно механики и сварщики, жалуются, что работа в доке стала слишком тяжелой и опасной и что без надбавки она того не стоит. Два дня мы как-то сдерживали протесты с помощью сил правопорядка, но теперь...

Иньяцио слушает, не оборачиваясь. Поглаживает бороду и размышляет. Кое-кто был арестован, он точно знает: он сам попросил префекта – под строжайшим секретом, конечно, – обеспечить порядок. И он знает, что теперь его задача – восстановить мир и спокойствие.

Он чувствует напряжение, повисшее в воздухе, густое, как пар. Оно окутывает не только рабочих, но и служащих. Оседают на белых стенах офиса, на черных от копоти стенах завода, проникает в легкие.

Надсмотрщики в форме торопят рабочих, подгоняют их к рабочим местам. Кто-то проявляет недовольство, парня толкают, он возмущается. Один из надсмотрщиков замахивается дубинкой, другие вмешиваются, чтобы прекратить потасовку.

Шипение воды, закачиваемой в трубы для охлаждения прессов, возвещает о том, что литейный цех вот-вот возобновит работу.

С легким дребезжанием открывается дверь кабинета со стеклянными фрамугами, следом слышен стук трости. Издалека долетают удары кузнечных молотов.

– Простите за опоздание, – говорит Винченцо Джакери, управляющий литейного завода. – Сегодня утром моя нога никак не хотела шевелиться.

Иньяцио идет ему навстречу, подвигает кресло:

– Это моя вина, дон Винченцо.

– Ни в коем случае! – Лицо Винченцо Джакери, отмеченное печатью лет, освещает улыбка. – Вы грешите тем же, что и ваш отец: бедные христиане должны немедленно исполнять ваши приказания, – вздыхает Джакери, устроиваясь в кресле.

Иньяцио улыбается в ответ. Проводит рукой по гладкой поверхности стола – долгие годы этот стол верой и правдой служил его отцу в лавке на виа Матерассаи. Иньяцио не мог с ним расстаться. Он садится, кладет руки на стол.

– Мой отец и ваш брат Карло, мир его праху, были сделаны из одного теста.

Джакери кивает, его руки крепко сжимают набалдашник трости. Он указывает подбородком на окно:

– Что будем делать?

Тайс с недовольным видом разводит руками:

– Деревенщина, бездельники. Невежи, которые двух слов связать не могут. Разве это рабочие? Их нужно хорошенько проучить! Вздумали нами вертеть? Пусть знают, что у них ничего не выйдет!

Иньяцио кладет подбородок на скрещенные руки.

– Это наши рабочие, инженер Тайс. Да, деревенщина, но они работают у нас в литейном цехе и в доке. Мы нуждаемся в них. Особенно в генуэзских механиках и...

– Им хорошо платят, дон Иньяцио, – перебивает его Тайс, ерзая на стуле. – А работа, которую они выполняют...

Джакери покашливает, привлекая к себе внимание. Начинает осторожно, уставив глаза в пол, чтобы не задеть ворчливого инженера:

– Послушайте, на этом заводе мы делаем все – от столовых приборов до котлов. Не мне вам об этом рассказывать, инженер Тайс. Я работаю с этими людьми, знаю их. Вы несправедливы, когда называете их деревенщиной: это простые люди, они гнут спину, а получают гораздо меньше, чем рабочий во Франции, не говоря уже о Германии. Да, они невежественны, не хотят учиться новому, но они стараются заработать себе на хлеб. – Джакери поднимает голову и смотрит на Иньяцио, к которому сейчас и обращается. – Они знают, работа в доке опасна, но они также знают, что, откажись они от этой работы, всегда найдутся те, кто готов занять их место. Это Палермо, господа, где, получая две лиры в литейном цеху «Оретеа», ты уже богат. Некоторые готовы на все, лишь бы здесь работать. Но нам невыгодно нанимать новых рабочих, потому что у них нет опыта. Кроме того, вы знаете, как трудно убедить ливорнийца, про немца я даже не говорю, приехать сюда, чтобы обучить ремеслу наших рабочих. Вспомните, сколько мы им платим.

Иньяцио крутит на пальце обручальное кольцо, гладит кольцо дяди Иньяцио.

– Итак, если я правильно понимаю, вы, дон Винченцо, за осторожность?

– Конечно, нужна осторожность, – машет тот рукой. – А еще лучше – кнут и пряник! – Он подается вперед и заговорщически смотрит на Иньяцио. – Я знаю вас с тех пор, когда вы под стол пешком ходили. К вам рабочие прислушаются, как прислушались рыбаки Фавиньяны. Поговорите с ними.

Вздых. Иньяцио барабанит пальцами по столу, кажется, он колеблется, хоть и знает, что Джакери прав. Слишком долго Иньяцио считал, что рабочим недостает смирения и чувства благодарности, что они упорно не хотят учиться новому. Это не рыбаки Фавиньяны, но гордость и потребность в уважительном отношении у них те же. И вот теперь ему предстоит найти баланс между потребностями рабочих и необходимостью выжить в конкурентной борьбе. Пусть этого и не достичь в ближайшее время.

– Очень важно снизить расходы, – говорит он, как бы размышляя вслух. – Да, дела у литейного завода идут хорошо, но у нас крупные заказы, придется нанимать больше рабочих. Сейчас у нас более семисот человек. – Голос у Иньяцио тихий, но уверенный. – Мы не можем позволить себе выплачивать им надбавку. Кроме того, если мы изменим свое решение, создастся опасный прецедент.

Его последние слова тонут в гулких ударах молотов, сгибающих огромные листы для купола нового Театра Политеама.

Литейный завод – один из столпов дома Флорио, но ему трудно конкурировать с заводами Северной Италии, и с заводами Германии. Если «Оретеа» выполняет только один государственный заказ, для порта Мессины, то у северных сталелитейных заводов большие контракты на строительство железных дорог или доков. Издержки производства слишком высоки, а доставка товаров и сырья неудобна. Единственный выход – удерживать низкие зарплаты, считать каждую лиру.

Возможно, в будущем удастся усовершенствовать производство и повысить оклады. Но не теперь. Сейчас они не могут позволить себе дорогостоящие инвестиции и переобучение рабочих. Сейчас важно не отстать от заводов Севера, ведь там заводы по обработке металла существуют не один десяток лет.

До кабинета доносится гулкий скрежет металла о металл.

И вдруг – три удара в колокол. Сигнал тревоги.

Тайс вздрагивает, поднимается и идет к окну. Джакери с трудом поспевает за ним.

Рабочие собираются небольшими группами. Побросали инструменты, выключили прессы; кто-то остался у паровых машин, чтобы сбросить давление и выпустить из них пар. Все

взбодоражены, никто не может их успокоить, даже надсмотрщик с дубинкой. Рабочие помоложе подходят к надсмотрщику, окружают его, выхватывают из рук дубинку, толкают в спину.

Один удар, другой. Надсмотрщика явно избивают.

Со стороны склада бегут надсмотрщики. Резкий звук свистка рвется сквозь гул, перекрывая крики.

Раненый лежит на земле. Он стонет, изо рта вытекает струйка крови. Рабочие поворачиваются к надсмотрщикам, которые стоят перед ними, замахнувшись дубинками. Но надзирателей мало, очень мало в сравнении с толпой рабочих, которая, кажется, пожирает их, вбирает в себя, душит.

– Что происходит? – кричит Тайс. – Мы вызываем полицию!

– Они поубивают друг друга! – Иньяцио выбегает из кабинета, спускается по лестнице, открывает двери, отделяющие помещения конторы от цехов. Сердце стучит где-то в горле, он уверен: нужно что-то предпринять, иначе катастрофа неминуема.

– Стойте! Остановитесь немедленно! – кричит он, едва ступив на территорию цеха. Бросается со спины на рабочего, который пинает лежащего на земле надсмотрщика. Хватает его за одежду, пытается оттащить, тот ругается, оборачивается, готовый нанести удар.

Рабочий узнает его. Удивленный взгляд: дон Иньяцио! Руки безжизненно повисают вдоль тела, он отступает назад, покачиваясь.

Имя переходит из уст в уста; бормотание, похожее на молитву. Разжимаются кулаки, опускаются руки. Палки и дубинки падают на землю. Надсмотрщики отступают назад, подхватив под руки избитого.

– Что здесь происходит? – спрашивает Иньяцио, пристально смотрит в глаза стоящим перед ним рабочим, каждому. Ждет.

Вперед выходит механик. Возможно, он всего на несколько лет старше Иньяцио. Могучий здоровяк, руки в порезах и ожогах, лицо почернело от копоти.

– Покорнейше просим прощения, – говорит он, – но больше так работать мы никак не можем. Нас бьют дубинками, как скот.

Он говорит на диалекте, негромко, но его слова эхом разносятся по двору.

– Что происходит? Кто это сделал? – повторяет свой вопрос Иньяцио, переходя на диалект. Он тоже говорит спокойно, ровным голосом. Внимательно смотрит на крепкого рабочего, делает шаг к нему. Они одного роста, оба черноглазые.

В наступившей тишине Иньяцио тихо произносит:

– Ты – Альфио Филиппелло, так? Главный механик, верно?

– Да, ваше сиятельство, – кивает тот. На его лице появляется подобие улыбки. Это «Оретеа», здесь хозяин знает работников в лицо. Он им всем как отец.

– Рассказывай! – велит Иньяцио. Он говорит на диалекте, чтобы рабочие его понимали и доверяли ему.

Альфио глазами ищет у товарищей поддержки, и те робко кивают ему, чтобы он продолжал.

– Ваше сиятельство, вы знаете, мы все – отцы семейств. Нам всем очень нужны деньги, а тут еще сняли четвертную прибавку. Мы готовы работать на совесть, если нам будут платить. Мы и работаем, а вот эти, с дубинками, только и смотрят, чтобы мы чего не украли, бьют за малейшую провинность, за то, что на минуту разогнешь спину. Сегодня утром парень, который нес инструменты, сломал руку. Где его жена возьмет теперь хлеба? – Он качает головой, разводит руками. – Дон Иньяцио, мы так больше не можем.

Иньяцио скрестил руки на груди, обдумывая услышанное. Бедолаги, им так нужны эти гроши – надбавка за работу в доке. Парень, сломавший руку, унижительные досмотры, жестокость и оскорбления надсмотрщиков...

– Откуда тебе известно про парня, который сломал руку?

Из-за спины Альфио выходит оборванный, черный от угольной пыли мальчик. На вид ему не больше десяти лет.

– Я был там, дон Иньяцио, – говорит он. Голос его дрожит, но взгляд прямой и твердый, закаленный тяжелой работой. – Я видел, как он карабкался на леса, он был обвешан инструментом. Его зовут Миммо Джакалоне.

Значит, он упал со строительных лесов, потому что нес тяжелый инструмент. Теперь Иньяцио понимает, почему рабочие взбунтовались.

– Где он сейчас? – спрашивает Иньяцио.

– Дома.

– И что теперь? Что вы намерены делать?

– А я вот что скажу: так работать нельзя. – Механик качает головой. – Нас за людей не считают эти каналы, со всем к ним уважением, – кивает на надсмотрщиков, которые придвинулись поближе к Иньяцио. – Но и для некоторых конторских мы хуже собак.

Иньяцио вскидывает голову, с его губ едва не слетает крепкое слово. Вот в чем дело: эти работяги многое готовы вытерпеть, но не готовы поступиться чувством собственного достоинства. Вот откуда такая неудержимая ярость и злоба.

Из окон конторы счетоводы и прочие служащие наблюдают за происходящим со смесью ужаса и презрения. Тайс вцепился в подоконник, в его взгляде испуг. Наверное, дрожит от страха.

– Я поговорю с надзирателями, они должны относиться к вам уважительно. – Иньяцио произносит эти слова громко, так, чтобы его все слышали. Делает шаг в сторону рабочих, обводит их взглядом, кивает. Нужно, чтобы они поверили его словам, чтобы доверяли ему. – Но вы должны вернуться к работе.

Рабочие переглядываются робко и озадаченно. Альфио поворачивает голову, прислушивается к ропоту товарищей. Струйка пота прочертила дорожку на его покрытом копотью лбу.

– Никак невозможно, дон Иньяцио, – наконец отвечает механик. Он говорит, будто извиняясь, но твердо, не оставляя возможности для дискуссии. – Эти набросятся на нас, стоит вам уйти, – добавляет он и указывает на надсмотрщиков. – Мы не вооружены. Мы христиане... Мы не звери, мы тоже христиане, как и они! – Голос у него срывается от гнева. – Мы работаем с утра до вечера, а потом эти... эти сволочи лупят нас по спине, как собак. Закрывают дверь у нас перед носом, стоит на секунду опоздать, забирают наше жалование! Бьют дубинками так, что ломают нам кости!

Тайс говорил, что рабочие жалуются, но при этом не уточнил, как с ними обращаются надсмотрщики, что за опоздание их не пускают в цех на рабочее место, штрафуют и бьют. Словно в подтверждение правоты этих слов, рабочие окружают Альфио. Их голоса перекрывают его голос, руки сжимаются в кулаки.

Надсмотрщики отходят в сторонку, ближе к лестнице, обеспечивая себе путь к отступлению.

Иньяцио наблюдает за рабочими, но не двигается. Когда ропот немного утихает, он смотрит на Альфио и негромко произносит:

– Вы – мои люди.

Делает несколько шагов к внезапно притихшей толпе.

– Вы – мои люди! – повторяет он громче, затем поворачивается, берет в свои руки черные от копоти кулаки Альфио и потрясает ими перед рабочими. – Литейный цех – ваш дом. Если кто-то плохо обращался с вами, обещаю, он за это заплатит. Вы уверены, что нужно объявлять забастовку? Вы действительно хотите, чтобы работа остановилась, хотите остаться без хлеба? – Иньяцио обводит руками цех. – Разве я не заботился о вас? Разве я не делаю все для того, чтобы ваши дети умели читать и писать? Миммо Джакалоне... этот парень со сломанной рукой... Он позаботится Общество взаимопомощи, которое я создал для вас... – Он оглядывается по

сторонам. – Я! Для вас! Я лично прослежу, чтобы о нем позаботились. Мы все – часть этой фабрики. Я здесь, я с вами... Если понадобится, я сниму пиджак и буду работать, плечом к плечу с вами. Производство не должно останавливаться. «Оретеа» – это не только Флорио, это, прежде всего, рабочий люд!

* * *

Опускается вечер, когда Иньяцио выходит из литейного цеха. Он стоит у ворот и прощается с уходящими рабочими, лично следя за тем, чтобы со стороны надсмотрщиков не было злоупотреблений. Для каждого он находит свое слово, жест, рукопожатие. Крики «Да здравствуют Флорио!» отдаются эхом даже в порту. Его речь возымела действие: все вернулись к станкам. Рабочие не перестали роптать, но, по крайней мере, притихли от мысли, что их просьба будет услышана, ведь сам *хозяин* за них вступился. Люди доверяли ему, Иньяцио Флорио.

Он, в свою очередь, не обманул ожиданий: везде побывал, выслушал жалобы и пообещал обеспечить справедливость. Спросил совета у Джакери, поинтересовался здоровьем пострадавшего рабочего.

Прощаясь, старый друг отца похлопал Иньяцио по спине:

– Главное – заморочить голову добрым людям, никто лучше вас не знает, как это сделать, – сказал он ему, забираясь в карету.

Напоследок – разговор с Тайсом и надсмотрщиками. Он собрал их в своем кабинете, сел за стол. Подчиненные притихли. Тайс нервно озирался, избегая взгляда Иньяцио, в котором пылал холодный гнев.

– Зачем обострять и без того непростую ситуацию? – строго спросил Иньяцио. – Вы можете делать свою работу, не унижая рабочих. Нет никакой необходимости в избиениях. Можно прощать им небольшие опоздания и вообще быть терпимее, как вы меж собой.

Нарушив ледяное молчание, воцарившееся в комнате, Тайс раздраженно произнес:

– Дон Иньяцио, при всем уважении, вы не понимаете... Сначала пять минут, потом десять... потом они захотят забрать домой инструменты, и неизвестно, чем все это кончится. Вы же видите, как они возмущаются сокращением надбавки...

– Пусть возмущаются, они все равно ничего не добьются. Я не готов в данный момент обсуждать надбавки. Но то, что можно сделать без денежных затрат, чтобы обеспечить порядок и дисциплину, сделать нужно.

– Да с ними просто надо построже!

– Строгость – это одно, злоупотребления – совсем другое. – Иньяцио сложил перед лицом ладони домиком, сощурил глаза. – Вы слышали, о чем мы с ними толковали. Они сказали, проблема не только в надбавке. В первую очередь они недовольны тем, что с ними обращаются, как с собаками. И я пообещал: этого впредь не повторится. Вам придется более терпимо относиться к рабочим, прежде всего к их опозданиям, по крайней мере в ближайший месяц, чтобы горячие головы поостыли. Мы не станем штрафовать их за нарушение дисциплины, а надсмотрщики пусть попридержат дубинки, ведь они имеют дело с людьми, не со стадом овец. Сегодня... мы были в шаге от забастовки, и одному богу известно, чем это могло бы закончиться. Флорио требуют лишь одного: никто и никогда не должен унижать рабочих. Они – хребет литейного производства.

Присутствующие в кабинете не смели возразить Иньяцио.

– Господин инженер, я надеюсь, что подобная ситуация больше не повторится, – Иньяцио повернулся к Тайсу.

У Тайса начался приступ кашля. Он понимал, что будет, если он послушается *главного*. Прочистив горло, он ответил:

– Я сделаю все возможное.

Только сейчас, в карете, везущей его домой в Оливуццу, Иньяцио может расслабиться. Послеполуденный дождь и северный ветер очистили небо, которое стало прозрачным, как стекло. За окном Палермо купается в быстротечной красоте заката, еще благоухающего солнцем.

Исчезают городские стены, сносятся, освобождая место новым кварталам, – знак нового времени, идущего на смену прошлому, о котором, возможно, не все любят вспоминать. Люди переезжают, покидают старые дома в центре, ищут жилье попросторнее. Широкие, обсаженные деревьями дороги ведут за город, а раньше там были лишь тропинки через цитрусовые рощи. Карета проезжает мимо палаццо Стери, здесь часть бывал его отец, ведь там располагались таможенные службы, а реконструировал этот дворец Дамиани Альмейда. Сейчас тут расчищают площадь, разбивают сад. Рядом, в нескольких шагах от большого особняка семейства Ланца ди Трабиа, стоит и смотрит на море палаццо Де Паче, где живет его сестра.

Все, что осталось от внушительного замка Кастелламаре, – поросшие травой камни: по приказу Гарибальди форт разбомбили, так как он занимал стратегически важное для подступа к городу место. Генерал отдал приказ, пьемонтцы приказ исполнили. На эти руины сегодня карабкаются последние лучи солнца, пробивающиеся сквозь мачты и трубы кораблей, пришвартованных в бухте Кала. Желтый туф церквей и домов по другую сторону дороги словно излучает тепло, разбавляя сумерки мягким сиянием, пахнущим летом.

Иньяцио мысленно возвращается в прошлое, в свою юность.

Каждое из этих мест связано для него с каким-то образом, ощущением. Бухта Кала напоминает о том времени, когда он вместе с отцом ждал прибытия пароходов. Проехав через ворота Порты-Феличе, он видит Казино дам и кавалеров, лучший аристократический клуб города, – там он впервые встретил Джованну...

Но есть места, где Палермо, кажется, хочет вмиг избавиться от своего прошлого и, в определенном смысле, от прошлого Иньяцио: чтобы расчистить место для театра, который строится на руинах бастиона Сан-Вито и Порты-Македа, были снесены церкви Сан-Джулиано, Сан-Франческо делле Стиммате и Сант-Агата, распотрошен целый район. Все меняется, так и должно быть.

Иньяцио потирает переносицу. Он любит июньские теплые вечера, когда еще нет изнуряющей духоты, буйство природы в саду виллы, аромат цветущих деревьев, роз и жасмина. Возможно, у него будет время прогуляться перед ужином по аллеям сада. Он полюбил этот сад. И не только: вилла в Оливуцце теперь ему нравится больше, чем «Четыре пика», дом его детства, где царил пьянящий запах моря; и даже больше, чем дом на виа Матерассаи, где родились его сыновья, Винченцо и Иньяцио.

Кстати, Винченцо... У него снова температура, и накануне Джованна всю ночь не отходила от его постели. Сегодня Иньяцио не получал от жены никаких известий. Говорят, что отсутствие новостей – уже хорошие новости. Так оно и есть.

* * *

Вечер темным покрывалом укрыл деревья в саду. Экипаж Иньяцио останавливается перед большим оливковым деревом у входа в каретник. Охранники, как тени, перемещаются за кустами, подходят ближе – удостовериться, что хозяину ничего не угрожает. Иньяцио, заметив их, знаком прогоняет прочь.

В доме все спокойно. Из окна, выходящего в сад, льется свет и смех.

– Папа!

Он едва успевает ступить на землю, как две маленькие ручки обхватывают его ноги.

Джулия. Его дочь. Малышка.

Девочка смеется, целует его руку, глядя на него снизу вверх. Щечки ее покраснелись, резвый ребенок так и пышет здоровьем. Пока они вместе идут к дому, Джулия рассказывает о том, как прошел день, о занятиях с гувернанткой и об играх наперегонки с Пегасом, пуделем, которого ей недавно подарили на ее седьмой день рождения.

Иньяцио слушает и смотрит на ее темные, блестящие, как у Джованны, волосы. У Джулии мягкие, добрые глаза, но ее жесты уверенны и поступь тверда. Она – Флорио.

Они проходят через комнаты и оказываются в зеленой гостиной. В кресле сидит Винченцо, читает книгу, рядом с ним гувернантка. Джулия идет к дивану, где лежит полураздетая фарфоровая кукла.

Иньяцио подходит к сыну:

– Как ты?

– Хорошо, спасибо. – Мальчик отрывается от книги и смотрит на отца. Глаза у него блестят, но, кажется, температура прошла. Он убирает прядь волос со лба, закрывает книгу. – Я ел мясной бульон, как велел доктор, потом занимался. *Maman* сказала, что мы скоро поедем в Неаполь. Это правда?

– В Неаполь или во Францию. Посмотрим.

Иньяцио смотрит на лицо сына. У Винченцо тонкие черты лица, он обладает живым умом и спокойным характером; ему не дашь десяти лет – он выглядит взрослым. Они, отец и сын, очень похожи. Иньяцио поворачивается к гувернантке, стоящей рядом с мальчиком:

– А моя жена?

– Донна Джованна и синьорино Иньяцидду наверху. – Гувернантка поджимает губы, на лице – плохо скрываемое недовольство.

Иньяцио догадывается, что его младший сын, должно быть, снова озорничал.

– Что натворил твой брат на этот раз? – спрашивает Иньяцио у старшего сына.

Винченцо пожимает плечами.

– Он разозлил учителя, потому что не хотел заниматься. Когда мы остались в комнате одни, он взял книги и выбросил их в окно. – Винченцо кусает губы. Он уже жалеет, что все рассказал отцу, воспринимает это как предательство.

Иньяцио кивает. Его старший сын всегда был серьезным и ответственным, а младший – настоящий сорвиголова. При том, что он всего на год младше брата. Пора бы и ему взяться за ум, да где там...

Он выходит из гостиной и поднимается по лестнице, освещенной по бокам двумя большими светильниками, закрепленными на стене. Их выковали на заводе «Оретеа», как и люстру в холле второго этажа. Ему навстречу идет Нанни.

– Скоро буду, нужно переодеться к ужину, – говорит ему Иньяцио и медленно идет по коридору, подходит к спальне Иньяцидду.

Из-за двери доносится голос Джованны. Она строго выговаривает сыну:

– Вот уж погода, придет твой отец, все ему расскажу! Мыслимо ли дело, бросать книжки за окно!

Иньяцио тяжело вздыхает. Джованна не понимает, что дети должны слышать литературную речь. Ну как ей это втолковать?

Он входит и, не здороваясь, сразу обращается к Иньяцидду:

– Насколько я понимаю, сегодня ты вел себя очень плохо. Где учебники?

Джованна стоит в углу комнаты. Смотрит на Иньяцио, отступает назад.

Ребенок сидит на кровати, прижав к груди подушку, защищающую его от всего мира. Он надулся, кудряшки растрепались, в глазах вспыхивают злые огоньки.

– Я просто хотел немного поиграть, чтобы отдохнуть, а он мне не позволил, он все говорил и говорил. Я устал его слушать.

– И ты не придумал ничего лучшего, как выбросить книги из окна? Плохо, очень плохо. Есть время для игр и время для дела. Тебе нужно это усвоить.

– Нет! Если я говорю, что устал, значит, я устал! – Мальчик несколько раз гневно ударят ладонью по кровати. – Я занимался все утро, даже помогал Винченцо, он не мог сделать урок по французскому! – кричит он. – Учитель здесь ради меня. Я говорю ему, что я устал, и он должен меня слушаться!

Иньяцио подходит ближе. Иньяцидду непроизвольно отстраняется, защищается подушкой. Его гнев сменяется страхом.

Отец выхватывает у него подушку.

– Никогда не смей говорить со мной в таком тоне! – Иньяцио наклоняется совсем близко к Иньяцидду, произносит тихо, почти шепотом: – И не смей так разговаривать с людьми, которые на нас работают. Я надеюсь, ты меня понял.

Ребенок тяжело дышит, в его глазах гнев смешивается со страхом. Отец за всю жизнь его и пальцем не тронул, но он умеет так наказать, что лучше бы побил.

Иньяцидду кивает, что понял, его губы дрожат, он не может произнести ни слова в ответ, и Иньяцио это замечает.

– Завтра ты извинишься перед учителем и братом. Ты проявил к ним неуважение.

Он выпрямляется, смотрит на жену. Джованна стоит неподвижно, скрестив на груди руки. Он берет ее за руку.

– Идем. – Затем указывает на Иньяцидду: – Он остается без ужина. На пустой желудок легче понять, как нужно себя вести.

Иньяцио выходит из комнаты, Джованна за ним. Закрывая дверь, она видит злобный, беспомощный взгляд сына.

Иньяцио и Джованна спускаются по лестнице рядом, не касаясь друг друга. Внезапно Джованна накрывает его руку своей.

– Но... без ужина? – спрашивает она слабым голосом.

– Да.

– Но... он еще маленький...

– Нет, Джованна. Нет! Пусть он поймет: не всегда можешь делать то, что хочешь. Нужно работать, денежки не падают с неба.

Иньяцио зол не на шутку. Он хочет, чтобы сын понял, что деньги достаются тяжелым трудом, что благосостояние – это работа и ответственность, отречение, самопожертвование. Джованна опускает голову, понимая, что мужа не переубедить.

Он останавливается, трет виски.

– Прости меня, – бормочет. – Я не хотел быть с тобой грубым.

– Что-то случилось?

– Беспорядки на литейном заводе. Но тебе не о чем беспокоиться.

Он берет ее под руку и впервые за этот вечер смотрит с нежностью.

– Давай поужинаем, потом мне нужно посмотреть кое-какие бумаги.

* * *

После ужина, прошедшего в тяжелом молчании, Иньяцио наклонился к Джованне, чтобы поцеловать ее в лоб, но она посмотрела ему в глаза, взяла за руку и сказала просто:

– Пойдем.

Виноваты ли в том духи Джованны с их фруктовыми нотками, неизменные с тех пор, как они впервые встретились, или ее взгляд, в котором смешались любовь, забота, одиночество. Или, возможно, сожаление о том, что он так сурово обошелся и с сыном, и с женой... Иньяцио не стал отказываться от этого приглашения.

Они идут по саду, залитому лунным светом, поднимаются на небольшой холм, на вершине которого стоит небольшая часовня в неоклассическом стиле. Держась за руки, они поворачиваются и смотрят на виллу, на соседние постройки, купленные и отремонтированные за прошедшие годы. Глубокую тишину нарушает лишь ветер, ласкающий кроны деревьев.

Они садятся на скамейку подышать ночным воздухом.

Глаза Джованны прикрыты, руки сплетены на животе. Иньяцио смотрит на нее: жена – его надежный причал, верная спутница, мать его детей. Что ж, немало, но достаточно ли этого для счастья? Единственная серьезная ссора произошла меж ними пять лет назад. Больше к этому они не возвращались, но Иньяцио почувствовал: Джованна как будто рассталась с романтическими иллюзиями, и ее любовь к нему, кажется, стала более крепкой, осязаемой, но... без прежней искры. Он уверен, ее по-прежнему терзали сомнения. Порой он ловил ее недовольный взгляд, слышал резкий ответ, отмечал, что она избегает его ласки. Эта сухость исчезала, однако, в присутствии детей.

Ему не в чем ее упрекнуть: как жена и мать она внимательна и заботлива. Он не имеет права просить ее о чем-либо, и все же сейчас он испытывает щемящую ностальгию по юной девушке, на которой женился и которой больше нет, по ее нежности, доверчивости, терпению.

И тогда он пытается взять то, что еще осталось, как может. Потому что чувство вины, которое он испытывает, соразмерно сожалению о том, что он потерял.

Он обхватывает ее лицо руками, целует ее. И Джованна, миготнув оправившись от изумления, отвечает на поцелуй. Так самозабвенно, с такой нежностью, что он тронут.

– Хочешь провести эту ночь у меня? – спрашивает он на одном дыхании.

Она кивает. Обнимает его и наконец-то улыбается.

* * *

Томительное ожидание, кривотолки, туманные намеки, письма в Рим. Иньяцио стал еще более молчаливым, все меньше времени он проводит дома. Джованна все видит, беспокоится за него, но ни о чем не спрашивает.

Занимается свежая, золотая заря. Море ласкает камни Фор-Италико, любимой набережной жителей Палермо. По дороге в контору «Почтового пароходства» на пьяцца Марина, что неподалеку от палаццо Стери, Иньяцио наслаждается красотой утреннего города, жадно всматривается в пустынные улицы, в первых прохожих – рабочих, извозчиков, слуг с корзинами для фруктов и овощей, направляющихся на рынок Вуччирия.

Окна кабинета Иньяцио на втором этаже выходят на виа Кассаро. Неподалеку видны белые стены церкви Санта-Мария дель Аммиральо и живописные руины ворот Кальчина.

Иньяцио заходит в кабинет, пропитанный запахом сигар и чернил. Смотрит на морские карты, висящие на стенах рядом с изображениями его пароходов. Смотрит, но не видит. Ждет.

Стук в дверь. Это курьер, сухощавый мускулистый парень. Он кланяется, протягивает папку с документами.

– От нотариуса, дон Иньяцио, только что получили. Синьор Кватрокки держал их у себя. Внешние управляющие вчера поздно закончили, он хотел быть уверен, что вы получите все без посредников.

Иньяцио благодарит его, дает чаевые. Садится за стол, поглаживает корешок папки. Толстая, с печатями нотариуса Джузеппе Кватрокки, который ведет все дела Флорио. В конверте лежит сопроводительное письмо. Всего два слова: «Мои поздравления».

Папка озаглавлена просто: «Тринакрия. Июнь 1877».

Все остальные мысли мгновенно исчезают.

Иньяцио открывает папку, пробегает глазами по списку, в котором чувствуется привкус иных мест и иных времен: «Пелоро», «Ортиджа», «Энна», «Солунто», «Симето», «Гимера», «Седжеста», «Пакино», «Селинунте», «Таормина», «Лилибео», «Дрепано», «Панормус»...

Он откидывается на спинку кресла. Вот то, к чему он шел все эти долгие месяцы, что позволит флоту Флорио вырваться вперед. Тринадцать пароходов, все новые, некоторые построены на судовой верфи в Ливорно. Он берет заверенный нотариусом документ о продаже, читает. От «Почтового пароходства» присутствовал Джузеппе Орландо, директор компании, с которым Иньяцио согласовывал действия. Радость его растет с каждой прочитанной страницей.

Тринадцать пароходов. Его собственных.

Два года он ходил по пятам за Пьетро Тальявиа, уговаривал продать принадлежащую ему судостроительную компанию «Тринакрия». На эту компанию возлагались большие надежды, у ее руководителей были огромные амбиции, но в чем-то они просчитались.

Не прошло и шести лет, как Тальявиа оказался на грани банкротства, а банки, которым он задолжал, не смогли – или не захотели – его спасти. Иньяцио хорошо помнит день, когда этот статный, серьезный человек попросил его и Орландо о «личной и конфиденциальной» встрече. Поразительно, с каким спокойным достоинством и с какой гордостью судовладелец говорил о своем предприятии.

– Не продажа, дон Иньяцио, а слияние, – заявил Тальявиа. – Только таким образом я получу возможность выбраться из тупика, в который меня загнали банки. Они больше не дают мне кредитов, не понимая, что все мы – жертвы угольного кризиса.

– Да, это так, – согласился Иньяцио. – Мы все страдаем от роста цен на уголь и железо. Раффаэле Рубаттино в Генуе тоже переживает не лучшие времена.

– Но он с Севера, он получает деньги от государства. – Тальявиа бросил на Иньяцио красноречивый взгляд. – Вы зарабатываете деньги на почтовых концессиях, гораздо больше, чем я, потому что у вас больше маршрутов. Министерство, оценивая ваши возможности, отдает предпочтение вам, оставляя другим, таким как я, лишь крохи. У меня есть договор на почтовое обслуживание восточной части острова, но этого недостаточно. Судовладельцев, таких как Рубаттино, спасает поддержка банков. Вы, к примеру, прочно стоите на ногах... и водите дружбу с влиятельными людьми. А у меня одна рука заломлена за спину: Банк Сицилии грозит отказать мне в кредитовании.

Иньяцио сразу понравилась эта идея, и не только потому, что он мог устранить конкурента. Он знал о долгах «Тринакрии» и знал, что оплатить их не составит труда. Кроме того, у «Тринакрии» были новенькие пароходы, которые не нуждались в постоянном ремонте, как некоторые суда его компании, например «Элеттрико» или «Архимед» – металлолом, от которого он не избавлялся лишь потому, что они могли еще послужить на местных линиях.

Иньяцио захотел посмотреть конторские книги, чтобы узнать, какова задолженность верфям в Ливорно, где строился новый пароход «Ортиджа». После этого Тальявиа и конторщики «Тринакрии» исчезли. Иньяцио же встреч не добивался еще и потому, что правительство решило помочь компании избежать банкротства.

Не Флорио оказались в затруднительном положении, не им угрожали банки. Флорио никогда не стояли с протянутой рукой.

Все изменилось в феврале прошлого года. Торговый суд Палермо признал компанию «Тринакрия» банкротом, все ее сотрудники получили расчет. В городе начались беспорядки, полиция безжалостно их подавляла.

Тогда Иньяцио и решил действовать.

* * *

Среди чиновников, отвечавших за процедуру банкротства, был Джованни Лагана, который, будучи советником Банка морских перевозок, нередко помогал судоходной компании Флорио. Лагана всегда держал нос по ветру, легко вычислял, кто диктует правила игры, и умел под них подстраиваться. Очень ценный и вместе с тем очень опасный человек.

Скоро всем стало ясно, что, кроме Флорио, покупателей на пароходы компании «Тринакрия» нет и в ближайшее время не будет.

Так начались переговоры.

Иньяцио не только купил корабли намного лучше своих собственных, но и стал участником договора о почтовых перевозках, который «Тринакрия» все-таки заключила с итальянским королевством. Концессия на почтовые перевозки. Это, значит, деньги из Рима. Много денег.

В дверь стучат.

– Войдите.

Иньяцио с сожалением закрывает папку. Он так любит редкие минуты одиночества, которые ему удастся выкроить утром, драгоценные минуты, позволяющие привести в порядок мысли, подумать о достижениях.

– Я знал, что вы здесь, смотрите документы.

Джузеппе Орландо проходит в кабинет и садится напротив Иньяцио. В обитом темным деревом кабинете от внушительной фигуры Орландо в светлом льняном костюме, кажется, становится светлее.

– Тринадцать пароходов, совсем новых. – Иньяцио похлопывает ладонью по папке. – О лучшем я и не мечтал...

– Именно! А еще топливо и береговое оборудование по цене ниже рыночной. И все это в лучшем состоянии, чем у нас.

Иньяцио разводит руками, бросает на Орландо беглый взгляд.

– И, конечно, спасибо Барбаваре, который помог нам в Министерстве почт.

– Уж конечно! – Орландо закидывает ногу на ногу, обхватывает руками колено. – Этот Тальявиа, бедняга, даже жаль его. Он так старался, но у него ничего не вышло... – Лицемерно опускает глаза. – Слишком много людей было втянуто в дела «Тринакрии», все его родственники. Все остались на бобах, дай бог им оправиться.

– Вы хорошо поработали. Хорошо для нас и слишком хорошо для него. – Иньяцио встает, кладет руку на плечо Орландо. У него нет никаких угрызений совести. – Другие бы его просто растоптали.

– О, это да! Спасибо кредиторам, они вам очень... очень вам благоволили.

– И я не останусь в долгу, всему свое время. – Губы Иньяцио складываются в подобие улыбки, скрытой в густой бороде. – Сейчас нужно подумать об увеличении уставного капитала. Мы крупная судоходная компания, а не владельцы пары-тройки утлых суденышек, у нас должен быть капитал, соразмерный тому, что предстоит сделать.

Орландо прикрывает веки и спрашивает:

– У вас появилась новая идея?

Иньяцио открывает папку, тычет в названия кораблей:

– Рубаттино сотрудничает с французами, к тому же он получил субсидию в полмиллиона на линию до Туниса. А мы займемся Адриатикой. Они не посмеют отменить путь в Бари, этот порт – ворота всего Восточного Средиземноморья. Но нельзя останавливаться на Адриатике, я хочу, чтобы наши корабли ходили до Константинополя, до Одессы...

Иньяцио знает, что нужно смотреть далеко, дальше, чем Средиземное море. Он думает о кораблях генуэзцев и французов, на которые поднимаются десятки, сотни мужчин и женщин, с баулами на плечах, с отчаянной надеждой в сердце оставить позади горе и бедность.

* * *

Лето в городе вступило в свои права. Дерзко, с безжалостным солнцем, с коварной жарой, пахнувшей сухостоем, оно проникает в комнаты, презрев закрытые ставни. В ветвях деревьев в парке Оливуццы стрекочут цикады. Воздух неподвижен: лишь редкий ветерок шевелит время от времени кусты питтоспорума и жасмина.

Иньяцио ушел рано, когда все еще спали. Джованна слышала звук его шагов, скрип шкафа, ворчание камердинера. Как обычно, даже не попрощавшись, он ушел в день, где его ждали бумаги, счета, деловые встречи. Эта часть его жизни всегда была от нее закрыта, впрочем, она и не стремилась в нее вторгаться. К тому же у Джованны другие заботы.

После завтрака, пока дети играют в саду в ожидании воспитателей, Джованна садится и устраивает на коленях переносной письменный столик. Рядом с ней донна Чичча.

– Все приглашения приняты. Сегодня вечером будет пятьдесят два человека. – Джованна скидывает брови, просматривая список.

Формально это обычный ужин, а на деле – торжественное возвешение о слиянии компаний «Тринакрия» и «Почтовое пароходство» Флорио. У них в доме соберется весь цвет Палермо.

– Мы подадим арбузное желе из самых сладких сиракузских арбузов. Наш новый повар делает его в мисках из французского фарфора и украшает жасмином.

– Может, он и хороший повар, – кривит нос донна Чичча, – да я его знаю: обдерет целый куст ради четырех лепестков.

И обе смеются.

Со временем Джованне стала даже нравиться светская жизнь. Ужины, приемы, чаепития и «беседы», на которые к ним два раза в неделю приезжали гости, позволяли ей чувствовать себя хозяйкой дома, а значит, идеальной женой для Иньяцио. Благодаря ей Иньяцио понял, что богатство Флорио – это не только цифры, корабли, вино или сера: чтобы войти в круг местной знати, они должны изменить свой образ жизни, открыть двери дома для друзей и знакомых, принимать у себя художников и писателей. Чтобы аристократы перестали воспринимать их как «разбогатевших босяков», надо стать выше денег, выше власти, которую Флорио имели в Палермо.

Сначала Винченцо, а затем Иньяцио думал, что брака с представительницей рода д’Ондрес Тригона будет достаточно, чтобы «облагородить кровь». Джованна тоже поначалу надеялась, что все образуется само собой. Однако потом поняла, что ее благородное происхождение – лишь средство, с помощью которого можно добиться желаемого результата. Тогда она решительно принялась за работу: много читала, терпеливо изучала языки, как хотел Иньяцио, украшала дом, выбирая мебель от королевских поставщиков Габриэле Капелло и братьев Левера. Покупала фарфор из Лиможа и Севра, ковры из персидского Исфахана, приобрела картину известного художника XVII века Пьетро Новелли, а также полотна современных художников – Франческо Лояконо и Антонино Лето, ее любимого. Давала обеды и ужины, приглашала на чаепития, завязывала дружеские отношения, хранила секреты, выслушивала жалобы и сплетни. Благодаря ей местная аристократия теперь почитала за честь получить приглашение в дом Флорио.

Палермская знать любит щеголять друг перед другом. Боятся, что про них забудут. Им лишь бы пускать пыль в глаза, думает она, просматривая список. В этом и разница между аристократами Палермо и Флорио: с одной стороны – явная, подчеркнутая, твердая убежденность

в том, что они выше других по происхождению, образованию, элегантности; с другой стороны – неоспоримые факты: балы и приемы, благотворительность, покупка безделушек и Эгадских островов – вот чем Флорио на деле доказали свое превосходство. Джованна взяла на себя смелость перекинуть мост между этими, такими разными, мирами и выполнила задачу изящно и уверенно. Доказательство тому перед ней, в этом списке, где наличествуют все известные фамилии палермской знати.

О том, что эта миссия, кроме всего прочего, спасла ее от одиночества и отчаяния, она предпочитает не думать.

Джованна просматривает записи: в следующее воскресенье их дом ждет гостей на чаепитие по-английски – у часовни на вершине холма будет играть оркестрик, столы накроют в саду, чтобы дамы и господа могли гулять и наслаждаться прохладой. На столах будут цукаты, пирожные, чай из Индии и Японии, и коньяк для мужчин. Прием рассчитан на восемьдесят человек, взрослых и детей.

Все пройдет прекрасно, говорит себе Джованна и уже представляет расставленные под деревьями столы, слышит детский смех и болтовню взрослых.

Донна Чичча достает из корзины вышивание. Джованна хотела бы к ней присоединиться, но ее ждут другие, менее приятные дела. Она достает из кожаной папки бумаги и хмурится. Потому что там, в этих бумагах, нет праздных аристократов, а есть бедный, очень бедный город, который полагается на милость сильных мира сего, чтобы выжить. И она должна вслушаться, понять, кто сильнее нуждается в помощи, и сделать все, что в ее силах.

Джованна просматривает ходатайства. Вот письмо от конгрегации дам Джардинелло с просьбой помочь с приданым одной особе, которая «весьма нуждается», а также собрать имущество для новорожденных из бедных семей; еще одно ходатайство – от жен матросов с пароходов Флорио: они хотели бы учителя для своих сыновей, чтобы научить их «хотя бы читать и расписываться».

Только о сыновьях печутся, с горечью думает Джованна. Никого в Палермо не заботит, что девочки не умеют писать и считать. Девочки, когда вырастут, должны сидеть дома, заниматься детьми и кухней. Хорошо, что хотят чему-то научить хотя бы сыновей.

Джованна смотрит на Джулию, та сидит на лужайке, играет с куклой. Ей семь лет, она очень умная девочка. Совсем недавно стала учиться вместе с братьями, как и подобает дочери аристократов. Иньяцио велел без промедления обучать ее французскому и немецкому языкам. Братья уже изучают географию, математику, стали брать уроки игры на скрипке – нужно прививать чувство прекрасного, как заведено у благородных европейских семейств. Семейств, с которыми они познакомились во время летних поездок по Италии. Кстати, вскоре они должны отправиться на Север, в Венето, в Рекоаро. Флорио стали ездить на этот курорт, узнав, что он популярен среди палермской знати, а также у промышленников и политиков с Севера. Иньяцио заключал там нужные сделки, скрепляя их не бокалом шампанского, а стаканом кристально чистой воды из минерального источника Лелия.

Джованна снова склоняет голову к бумагам, просматривает листки с расчетами. Как ни странно, именно ее тесть положил начало доброй традиции – жертвовать в пользу бедняков Палермо. Он говорил, что делает это потому, что сам родился в простой семье и знает, как тяжело достается работяге кусок хлеба. Злые языки, однако, утверждали, что он попросту откупался, хотел отвлечь внимание благородной публики от того факта, что женился на любовнице. В общем, пытался таким образом добиться признания и уважения в обществе.

Джованна изучает длинный список ходатайств, и ей на ум снова приходит мысль, которую она давно вынашивает. Она хочет открыть кухню для бедняков, ведь этим людям часто нечего есть, их жены вечно беременные, а дети умирают от голода, потому что у матерей нет молока. Нужно подумать, каких это потребует затрат...

В этот момент Винченцо вдруг делается нехорошо.

Братья играли в мяч, мяч отлетел к пруду. Винченцо побежал, схватил мяч как раз в тот момент, когда тот чуть не укатился в воду. Внезапно боль, как тисками, сжала ребенку грудь, подступила к горлу.

Тяжело дыша, Винченцо падает на колени. Он кашляет, кашель сменяется судорогой. Мяч выкатывается у него из рук.

Подбежавшая няня хлопает его по спине, но безрезультатно. Лицо ребенка сначала краснеет, затем начинает синеть. Подбегает Иньяцидду, подбирает мяч, останавливается рядом с братом. Отступает назад.

– Что с тобой, Виче?

Он видит, как рука брата цепляется за фартук няни – пальцы скручивают ткань; из горла вырывается только хрип, кажется, что Винченцо задыхается, ему не хватает воздуха, еще мгновение – и он умрет от удушья.

– *Matan!* – кричит тогда Иньяцидду. – Мама-а-а-а!

Джованна поднимает голову, услышав тревожный голос сына. Видит, что Винченцо лежит на земле, а няня трясет его тело.

– Донна Чичча! – кричит Джованна. – Помогите! Кто-нибудь! Доктора! Скорее!

Она вскакивает на ноги и бежит к сыну. Бумаги, лежавшие у нее на коленях, разлетаются в разные стороны.

– Воротник! Нужно расстегнуть воротник! – кричит она и сама же его расстегивает. Сгоряча царапает кожу на шее Винченцо, рот которого судорожно ищет воздуха.

Подбегает донна Чичча, за ней Нанни, он берет ребенка на руки и несет в гостиную.

– Скорее в дом! Я послал за дохтуром! – кричит он. Помогает Джованне подняться, подерживая ее под локоть, а няня уводит рыдающую малышку Джулию.

Один Иньяцидду остается стоять с мячом в руке.

Робко, неуверенно идет он за матерью и слугами, но не входит в дом, а смотрит на происходящее через стекло дверей. Так случалось уже не раз: кажется, что воздух не может выйти из легких Винченцо, застревает внутри.

Он наблюдает за домашними со страхом, к которому примешивается раскаяние. Это ведь он заставил брата бежать за мячом... Но, с другой стороны, Винченцо вечно болен. «Я не виноват», – повторяет Иньяцио, прижимаясь носом к стеклу. А вокруг – яркий солнечный свет и стрекот цикад.

Лицо брата вновь порозовело. Мать кладет ему на лоб мокрый платок, ласково гладит по голове.

Винченцо плачет. Джованна обнимает его и плачет вместе с ним. Донна Чичча утешает обоих, затем встает, исчезает в дверях гостиной и вскоре возвращается вместе с доктором.

Через стекло Иньяцидду слышит их голоса. Он хотел бы пойти к ним, попросить прощения у брата, потому что внутренний голос неотступно бубнит: ты виноват в том, что брат едва не задохнулся. Он хотел бы обнять Винченцо, пообещать, что больше так не будет, что они не будут больше играть в игры, где нужно бегать...

Все что угодно, лишь бы не чувствовать то, что чувствует он сейчас.

Он не знает, не может знать, что однажды этот страх к нему вернется.

* * *

Зима 1878–79 года одна из самых холодных. Джованна велела прислуге в Оливуцце поддерживать огонь в каминах, чтобы Винченцо не мерз. Здоровье первенца Флорио по-прежнему всех беспокоило. Иньяцидду был бодр и весел. Как и Джулия, которая ни минуты не сидела на месте. Винченцо, напротив, как обычно, тих и молчалив.

Джованна всегда находилась рядом с сыном, была тревогу при малейшем кашле, следила за тем, как ребенок ест, чтобы ненароком не задохнулся. И молилась, много молилась. Ежедневно, по нескольку раз в день обращалась к Богу с просьбой о том, чтобы защитил ее ребенка, дал ему сил, дал здоровья, которое, казалось, из него уходило.

Наступила весна, но медовое солнце еще не прогрело воздух; и даже ветер, обычно горячий, это легкий ветерок, не пропитавшийся еще запахом цветов и свежей травы. *Подождем, пока хорошенько прогреется воздух*, думает Джованна. Тогда появится возможность проводить с детьми больше времени на свежем воздухе. Винченцо будет выходить в парк, играть на траве... И не исключено, что они поедут в горы, на Пеллегрино, как она обещала сыну не раз. А главное, смогут путешествовать, например, съезды в Неаполь, как хотел Иньяцио. Летом в Неаполе прохладнее, чем в Палермо, а за городом дышится легче. Было бы хорошо опять поехать в Рекоаро.

Но пока не время думать о лете. Еще только май.

Джованна идет через комнаты, поднимается вверх. Подол ее платья шуршит по восточным коврам, покрывающим пол. Она велит слугам закрывать дорожные чемоданы, собирать детские игрушки. Скоро отъезд, и Джованна чувствует в душе странное волнение, нетерпение – искристое, как шампанское.

Наконец-то она увидит дом, о котором так много слышала, и этот остров, в который безумно влюблен ее муж.

Королевский дворец, предназначенный для семьи, у которой нет аристократических корней, но богатство которой больше, чем у любого дворянского рода. И не только в Палермо. Во всей Италии.

* * *

Когда они прибывают на Фавиньяну, день клонится к закату. Омывая море расплавленной медью, солнце освещает приземистые домики из туфа. Воздух там кажется теплее, чем в Палермо.

Перед тем как сойти на берег, Джованна заставляет Винченцо надеть теплый жакет; за ними идут Джулия и няня. Иньяцидду первым бежит к сходням, стараясь привлечь внимание отца. Ему почти одиннадцать лет, но он ведет себя по-детски. Суровый взгляд Иньяцио останавливает его: отец велит встать рядом и не баловаться.

На берегу у трапа их ждет Гаэтано Карузо, управляющий на Фавиньяне и Формике.

Иньяцио всматривается в здание, виднеющееся рядом с городком, у подножия горы. Коробка из золотистого туфа, настолько светлого, что кажется белой. У арочных проемов, выходящих к морю, железные ворота с «Ф» на фронтоне – как первая буква «Фавиньяны» или «фена», западного ветра, который дует с гор в долину и треплет паруса рыбацких баркасов.

«Ф» – Флорио.

У ног Иньяцио море ласкает причал, лижет скользкую патину водорослей.

Иньяцио спускается по сходням на сушу, рассматривает зелень воды и рыб, шныряющих в зарослях морской травы, затем поднимает голову, внимательно смотрит на дома, переводит взгляд на гору и форт Санта-Катерина, где когда-то держали в плену патриотов, – это и сегодня одна из самых страшных тюрем в королевстве.

– Наконец-то... – бормочет он. Делает глубокий вдох. Запах моря здесь особый, в нем смешивается аромат душицы и нагретого песка, соленой рыбы и скошенной травы.

– Дон Иньяцио... – Гаэтано Карузо идет следом, озадаченный его молчанием.

Иньяцио оборачивается и смотрит на человека с высоким лбом, подкрученными кверху усами и бородкой-эспаньолкой.

– Спасибо, что встретили.

– Мой долг, – Карузо слегка склоняет голову. – Я велел подготовить комнаты и ужин к вашему приезду. Мне сказали, что будут гости, – комнаты для них тоже готовы.

– Благодарю вас. Не стоило так беспокоиться, вы – управляющий, а не дворецкий.

Это не более чем формула вежливости. Конечно, Карузо, занимаясь в первую очередь организацией тунцового промысла, должен позаботиться и об удобстве семьи хозяина.

Карузо указывает дорогу, рядом с ним идет Иньяцио. Далее – Джованна с детьми, донной Чиччей и няней, а замыкают процессию слуги и телеги, груженные сундуками и чемоданами.

Джованна сошла с корабля осторожно, не выпуская руку сына из своей. Только сейчас, стоя на земле, она замечает фабрику. Вот она, знаменитая тоннара, та самая, в которую ее муж вложил значительную часть семейных капиталов, занимаясь делом с неистовой решимостью, свойственной характеру и ее свекра. Став владельцем тоннары, Иньяцио поручил ее реконструкцию Джузеппе Дамиани Альмейде. Верный архитектор спроектировал и новый палаццо для семейства Флорио, построенный близ порта на месте старого форта Сан-Леонардо.

Джованна подталкивает сына вперед, оглядывается, ища глазами донну Чиччу и Джулию. Ступая по причалу, она аккуратно придерживает подол платья, стараясь его не запачкать. Дорога от причала идет вверх, Джованна поднимает глаза и видит узкие приземистые строения. Это так называемые претти, где расположены склады, конюшни, помещения для слуг.

Слуги, набранные на острове, ждут наверху, у претти. Обожженные солнцем лица, кособокая униформа, кое-как натянутые перчатки. *Придется потрудиться, чтобы сделать из них настоящую прислугу*, думает Джованна, скрывая раздражение. К счастью, ее горничная, повар и кое-кто из слуг приехали раньше и уже дали наставления местным. *Для начала вполне...* – размышляет Джованна, разглядывая слуг вблизи. Скоро в новый дом к Флорио приедут друзья – Дамиани Альмейда и Антонино Лето. Приедут и родители Джованны, и, возможно, кузины Тригона, так что не хотелось бы оказаться в неловком положении. *Может, стоило взять слуг из Палермо?*

Джованна поворачивается, хочет спросить совета у донны Чиччи, и... у нее перехватывает дыхание.

Палаццо Флорио – вот он, перед ней. Она видела его на чертежах и планах Дамиани Альмейды, но из-за слабого здоровья Винченцино и семейных забот не могла поехать на Фавиньяну, чтобы поприсутствовать при строительстве. Конечно, муж много о нем рассказывал. Но сейчас она смотрит на дом своими глазами и поражена его красотой. Величественный. Мощный. Настоящий замок.

Массивное здание, сложенное из туфа и кирпича. Фасад справа выполнен в виде башни с двускатной крышей. Окна в обрамлении декоративных арок, резной декор на балконах, вверху по периметру крыши – декоративный карниз в форме ласточкиных хвостов. Железные ворота выкованы в «Оретеа», на фронтонах – герб Флорио: лев пьет из ручья, к которому спускаются корни хинного дерева.

Джованна смотрит на палаццо, переводит взгляд на мужа – он стоит к ней спиной, разговаривает с Гаэтано Карузо. Этот дворец похож на Иньяцио. *Нет*, поправляет она себя, *этот дворец и есть Иньяцио*. Глыба, в которой соединяются мягкие линии и острые грани, легкость железа и тяжесть туфа. Красота и мощь. Величие. Ей хочется подбежать к мужу, отпустив руку сына, но она не может, не должна. Это не их способ общения.

* * *

Иньяцио велит жене и прислуге обустраиваться в доме. Они пробудут здесь несколько недель, пока не закончится маттанца и пока тунец – потрошенный, разделанный, вареный – не будет готов к переработке и консервированию.

Отослав сына к матери, потрепав его по щеке так, что ласка больше похожа на пощечину, Иньяцио идет к саду, где кусты питтоспорума с трудом укореняются в пропитанной солью земле.

Карузо, заложив руки за спину, следует за ним.

– Сети для маттанцы уже установлены, – объясняет он. – В конце недели рассчитываем на первый забой.

– Хорошо, – кивает Иньяцио. – Раис сказал, какой ожидается улов?

– Нет, пока не сказал. Говорит, на подходе крупный косяк тунца, и еще один вроде на следующей неделе, если бог даст. Ну вы же знаете его вечные присказки: «на все Божья воля» да «человек предполагает, а Бог располагает».

Оба смеются, когда Иньяцио вдруг мрачнеет.

– И неизвестно, что лучше: большой улов или наоборот...

Они идут за дом, туда, где Альмейда спроектировал выходящую в сад большую террасу с навесом из кованого железа. Иньяцио смотрит вверх: окна второго этажа, украшенные неоготическими арками, – это комнаты семейства Флорио. Верхний этаж занимают комнаты для гостей. Оттуда можно любоваться морем, смотреть, как возвращаются в порт груженные рыбой баркасы.

Карузо хмурится.

– Да, – признает он удрученно. – Нам все труднее конкурировать с испанцами.

– Испанцы, португальцы... Они лишь номинально владеют заводами, всеми делами фактически ворочают генуэзцы; чем больше они продают, тем богаче выручка, ведь они не платят там налоги, как мы здесь, в Италии. – Иньяцио разводит руками. – О нас-то никто не думает. Этим в Риме лишь бы карман набить. Налоги, налоги... Их не интересует, каким потом и кровью нам даются деньги... – тихо говорит он, стараясь обуздать свой гнев. Его слова как лезвие бритвы.

– Что же делать? – встревоженно спрашивает Карузо. Он не привык слышать такие речи хозяина.

Иньяцио расправляет плечи, смотрит на море, на тоннару.

– Здесь мы ничего сделать не сможем. Там... – он указывает кивком в сторону Севера. – Там нужно добиваться своего.

– В Риме? – понимающе переспрашивает Карузо.

– Не сразу и не в лоб. Нужно расшевелить министерства, представить им ситуацию с другой стороны. Устроить так, чтобы они играли в нашу пользу, но при этом не понимали, что это мы... руководим.

– Да, но чтобы добраться до министерских в Риме... – бормочет Карузо и обрывает фразу, потому что знает: Иньяцио умеет находить *нужных* людей для достижения своих целей. Он не раз говорил, что для решения проблем нужно искать *обходные* пути. Или совершенно *новые*.

– Вы и без меня прекрасно знаете, не одни мы занимаемся ловлей тунца. Тоннар вокруг много, возьмем хотя бы ближайшие: Бонаджа, Сан-Вито, Скопелло... И у всех одна проблема – система налогообложения, от которой страдают в Италии все владельцы рыболовецких промыслов. Убытки несем не только мы. Однако я не могу действовать открыто. Вы понимаете почему, не так ли?

Конечно, Гаэтано Карузо все понимает. С Флорио он работает не первый год и давно понял, что их богатство и слава идут рука об руку. А у богатых и влиятельных всегда есть враги, которые подобны червям: достаточно небольшой ранки, царапины, чтобы они отложили в ней личинки, которые миглом превратят здоровое тело в гнилую плоть.

– Для начала нужно встретиться с людьми из Трапани и Палермо, с журналистами прежде всего... – Иньяцио говорит негромко, обращаясь к Карузо. – Я уже говорил, нам самим не стоит

обращать внимание на проблемы. Пусть это сделают за нас другие. А кто справится лучше, чем газеты, которые пишут о торговле и судоходстве? Они начнут, и глядишь, люди подхватят тему. Главное, чтобы об этом заговорили, чтобы до правительства наконец дошло, насколько все серьезно. В Риме знают: здесь за них многие голосуют. Они побоятся обижать производителей соли и владельцев консервных заводов. – Иньяцио замолкает, глядя на море. – Да, газеты должны заговорить об этом первыми. Их нельзя обвинить в том, что они действуют предвзято, в личных целях или из корыстных побуждений... Если о чем-то пишут в газете, значит, есть жалобы, и министерствам придется обратить на это внимание.

Карузо хочет ответить, но замечает, что к ним подходит слуга, приехавший с семейством Флорио из Палермо.

– Прошу прощения. Хозяйка спрашивает, когда подавать ужин?

Слуга в ливрее стоит неподалеку и ждет ответа.

– Как обычно, – сухо отвечает Иньяцио, – скажи, что я скоро приду. – Он поворачивается к Карузо: – Вы ведь поужинаете с нами, не так ли?

– Сочту за честь.

– Хорошо. Вы свободны.

Иньяцио поворачивается и идет к саду.

Оставшись один, Иньяцио направляется к тоннаре. Ему не хочется сейчас идти в дом.

Сунув руки в карманы, он идет мимо строящейся церквушки к морю. Его сопровождает лишь шум волн. Вокруг песчаные дюны, камни, выброшенные на берег пучки высохшей морской травы.

Слева остаются хижины рыбаков, рядом с которыми играют босоногие дети. Кое-где близ домов стоят женщины, другие ушли готовить ужин: он видит их силуэты сквозь ветхие занавеси, заменяющие двери. Пахнет немудреной едой, слышится звук передвигаемых стульев.

– Бог в помощь, дон Иньяцио, – приветствует его старый рыбак. Он сидит почти у самой тоннары и чинит сети. Изредка поднимает их, чтобы посмотреть, есть ли еще дыры. На изборозженном глубокими морщинами лице впалые глаза. Иньяцио помнит его: когда-то он ловил тунца, а теперь стал слишком стар для маттанцы. Теперь его место заняли сын и зять.

– Бог в помощь вам, мастро Филиппо.

Иньяцио идет дальше, к зданию фабрики.

Четкие, чистые линии – как хотел Иньяцио и как спроектировал Дамиани Альмейда. Этот архитектор – наполовину неаполитанец, наполовину португалец – придал тоннаре новый облик, строгую торжественность греческого храма.

Храм у моря, думает Иньяцио. Он идет вдоль стены забора, сворачивает на тропинку, ведущую к форту Санта-Катерина; заключенные, как он и предполагал, оказались полезны для тяжелой работы на фабрике. Подъем крутой, но Иньяцио не пойдет вверх. Он останавливается на полпути, смотрит на гавань, на остров, затем переводит взгляд на ботинки – они покрыты туфовой пылью – и невольно улыбается.

Когда ему было четырнадцать лет, его покорило мягкое сияние этого материала, который, казалось, пропитан солнцем. Сейчас ему сорок, и он уверен, что им руководили не эмоции, а точный расчет. Укрепить власть Флорио.

И вот он здесь, то, о чем он мечтал, сбылось, и сейчас он может дать себе волю.

Иньяцио кричит что есть мочи.

Крик освобождения, уносимый прочь ветром.

Крик обладания, как будто весь остров стал его плотью, а море – его кровью. Как будто на его глазах замыкается круг жизни: диковинный Уроборос, змея, кусающая себя за хвост, открывает ему истинный смысл бытия.

Крик, стирающий сожаления о прошлом и страх перед будущим, дарящий счастье вечного настоящего.

Завтра, когда он проснется, он увидит освещенные солнцем каменоломни, чахлые кустарники, почувствует на губах соленый ветер, пробирающийся в комнаты сквозь занавески.

А сейчас он стоит неподвижно, в компании ветра и моря, и неважно, что его ждут, что он опоздает к ужину. Этот остров, источающий соль и песок, он знает точно – его настоящий дом.

* * *

После ужина Джованна первой удаляется в спальню на втором этаже. Мебель в неоготическом стиле для этой комнаты была заказана в Палермо.

Погруженный в свои мысли, Иньяцио желает жене спокойной ночи и, терзаемый, как обычно, бессонницей, идет к себе в кабинет, окна которого выходят на гавань.

Джованна надеется, что здесь, на острове, муж немного отдохнет.

Да, Фавиньяна – это работа. В том числе и работа, поправляет она себя с улыбкой, заплетая перед зеркалом волосы в косу. Будет время побыть вместе, поговорить обо всем. Вновь стать парой, хотя бы на несколько дней.

Она гасит свет. Из окна доносится плеск волн и дыхание ветра в переулках. Незаметно Джованна засыпает, но вдруг просыпается оттого, что в комнату входит Иньяцио. Жилет расстегнут, узел галстука ослаблен. Его лицо, лишенное привычных следов усталости, озаряет радость. Джованна давно не видела мужа таким, и сердце ее поет от счастья.

– Как тебе наш дом? – Иньяцио снимает пиджак.

– Чудесный! – кивает она. – Не жалеешь, что Нанни остался в Палермо? – Она указывает подбородком на его одежду.

Иньяцио тихо бормочет какую-то мелодию.

– Зачем мне Леонардо? – пожимает плечами он. – Здесь меньше формальностей, – добавляет он, присаживаясь на кровать, чтобы снять ботинки.

Джованна понимает, что Иньяцио счастлив. Здесь он чувствует себя иначе, здесь он свободен. Он другой.

Она обнимает его, кладет голову на его крепкое плечо.

Иньяцио удивлен. Он неловко поглаживает руки жены. Они похожи на диких кошек, которые ревниво оберегают свое жизненное пространство и редко ластятся друг к другу.

– Завтра прокатимся по острову в карете. Хочу показать тебе, какой он красивый. – Иньяцио поворачивается, улыбается одними глазами, ласково треплет жену по щеке.

Он смотрит на нее, думает о ней. Не о работе, не о *той, другой*, не о чем-то еще.

О ней. О Джованне.

Ее колотит дрожь, что-то сжимает внутренности, поднимается вверх, выше живота, в грудь, распирает ребра, заставляет сделать глубокий вдох. Кровь приливает к лицу, и Джованна как будто впервые за долгое время чувствует себя живой.

Всю жизнь она ждала, что такой момент настанет – хрупкий, драгоценный, – и теперь боится, что не готова. Ее глаза увлажняются.

– Что с тобой? – Иньяцио в замешательстве. – Тебе плохо?

– Нет... да... ничего страшного, – отвечает она дрожащими губами.

– Разве ты не хочешь прогуляться со мной?

Она кивает. Ей трудно говорить. Проводит рукой по волосам, как будто хочет распустить косу. Потом берет руку Иньяцио, лежащую на одеяле, прижимает к своей груди.

Когда ты счастлив, слова не нужны.

* * *

Утреннее солнце прикрыто вуалью низких облаков. На горизонте за морем виднеется побережье Трапани и приземистый силуэт Монте-Сан-Джулиано. Вода у берега сверкает так ослепительно, что больно глазам.

– Солончаки, – объясняет Иньяцио сидящей рядом Джованне.

Она жмурится от яркого солнца и трет глаза.

– Соленая вода испаряется, остается корка. Эту корку собирают, сушат и продают. Благодаря солончакам мы получаем рассол для консервирования тунца.

Он поднимает руку, указывая на едва различимую точку за поселком.

– В той бухте произошло важное морское сражение: римляне победили карфагенян. Битва при Эгадских островах положила конец Первой Пунической войне. До сих пор рыбаки время от времени находят фрагменты античных амфор... – Глаза Иньяцио блестят, он похож на счастливого ребенка.

Джованна под сенью небольшого зонтика всматривается вдаль: этот остров, суровый, сухой и пыльный, так не похож на привычный ей материковый пейзаж, что становится неуютно. Но вдруг она понимает. Словно Фавиньяна вручила ей наконец-то ключ к сердцу мужа. Она видит скрытую красоту этой земли, чувствует ее тишину.

– Ты так любишь его, этот остров, – тихо говорит она.

– Да, – отвечает Иньяцио. – Ты не представляешь, как он мне дорог.

Они замолкают. В прозрачном чистом воздухе слышен лишь скрип колес их небольшого экипажа, цокот лошадиных копыт да рев осла, на котором едет донна Чичча.

Иньяцио смотрит на жену: поля шляпы частично скрывают ее лицо, но морщины заметны, особенно на лбу, и складки возле носа. Следы усталости или напряжения, а впрочем, какая разница.

Так ведь и я постарел... – думает Иньяцио. Он не расстраивается из-за возраста, хоть время и прибавляет ему седых волос, серебрит бороду.

Интересно, а как выглядит сейчас она?

От этой мысли, молнией промелькнувшей у него в голове, внезапно становится не по себе.

Она.

Он представляет на ее вечно милом в его памяти лице первые морщины; ее медные волосы, тронутые сединой; чуть потускневшие голубые глаза, потяжелевшие веки.

Интересно, как бы они старели вместе?

Откуда эти вопросы? Неужели его дух так ослаб, что он допускает такие мысли? Он сердито отбрасывает их: не нужно ни о чем жалеть.

Иньяцио опускает глаза, как будто боится, что Джованна прочтет его мысли. Но образ *другой* продолжает его преследовать, колет острыми иголками сожаления.

Иньяцио стискивает зубы. *Не думать об этом*, приказывает он себе. И, чтобы отвлечься, подзывает Карузо, который скачет на своем коне чуть поодаль.

– Скажите-ка, пришла ли почта из Палермо?

– Ждете какое-то известие? – спрашивает тот. – Нет, почта будет только завтра.

– Должны прийти отчеты, – отвечает Иньяцио. – И сведения о закрытии ткацкой фабрики.

– Зря вы мечете бисер перед свиньями, дон Иньяцио, – качает головой Карузо. – Дали им жилье, образование, даже пекарню открыли, и где благодарность?

– Да... – Он натягивает поводья, притормаживая коляску.

Джованна, наклонив голову, прислушивается к разговору.

– Вышло нехорошо... – неохотно признает Иньяцио, не желая произносить слово «неудачно». Но это так.

Он поворачивается к жене:

– Мы с адвокатом Морвилло отремонтировали ткацкую фабрику, построили для рабочих дома, магазины, пекарню и школу. Мы даже думали о няньках, которые возьмут на себя заботу о новорожденных, пока их матери на работе...

Джованна слушает, нахмутив брови, тщательно скрывая свое удивление. Иньяцио никогда не посвящал ее в свои дела. Еще одно чудо Фавиньяны?

– Но ничего не вышло, ничего! – гневно продолжает Иньяцио. – Мужчины решили, что не стоит стараться, претендовать на большее, хотя с трудом сводили концы с концами. И женщины уперлись: не хотели оставлять детей нянькам, отправляли в школу только мальчиков. Девочки должны сидеть дома, зачем им школа? Так было, так есть и так будет всегда, – вздыхает он. – Хлеб у нас стоил на десять чентезимо меньше, чем в городе, но рабочие не хотели платить, поэтому пекарню пришлось закрыть... Хуже всего то, как рабочие относились к технике. Вместо того чтобы освоить станки, они сломали их и бросили. Лишь бы что-то урвать! Ткани воровали для перепродажи... Глупые, никчемные людишки!

Джованна легко касается его руки, кладет ладонь ему на колено. Так она высказывает свое одобрение.

– Ничего! Здесь, на Фавиньяне, все будет по-другому, дон Иньяцио. – Карузо настроен бодро, даже весело. – Только не требуйте от этих людей того, чего они не могут дать. Они привыкли трудиться в море, гнуть спину под солнцем – так трудились их отцы, так будут трудиться их дети.

– Я ничего и не требую. Но намерен вознаградить их за честность и трудолюбие.

Небольшая процессия из повозок и верховых движется на северо-восток острова. Теперь, когда Карузо отстал, Джованна сжимает руку Иньяцио.

Не глядя на жену, он накрывает ее руку своей ладонью.

– Ты все сделал правильно. Эти болваны, они ничего не поняли, – взволнованно говорит она.

Иньяцио кривит губы, не скрывая раздражения.

– Я думал создать современную фабрику, как в Англии, чтобы дать возможность рабочим и их семьям улучшить свое положение. Возможно, я поторопился. Впредь буду осторожен.

Джованна кладет голову ему на плечо, он не отстраняется. Из повозки, следующей за ними, доносятся голоса детей. Даже Винченцино, обычно спокойный, визжит от нетерпения.

– Далеко еще? – спрашивает Джованна.

– Уже близко. Это удивительная бухта: там в скалах щель, как колодец, выходящий в море. Я хотел вам показать.

Вообще-то мы объехали весь остров, думает Джованна, и улыбка освещает ее лицо. Иньяцио показал ей восход солнца в Красной бухте и пообещал, что закатом они будут любоваться в бухте Марасоло, под горой, рядом с рыбацкими хижинами.

Конечно, Иньяцио хотел бы навсегда поселиться на Фавиньяне. Здесь он отдыхает душой и телом. У него безмятежный вид, дети его не раздражают, и с ней он подолгу разговаривает обо всем. Джованна понимает, что остаться на острове невозможно. И поэтому прячет в глубине души этот свет и тепло: она согреется ими, когда наступят темные дни, когда ее снова станут одолевать мысли о проклятых письмах, когда она в сотый раз спросит себя про *ту женщину*. Когда они с Иньяцио отдалятся друг от друга, хоть и будут спать в одной постели.

* * *

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

Дерево гулко скребет по грубой штукатурке. Запах белых лилий не может перекрыть запах пыли и строительного раствора.

Джованна и Иньяцио прижались друг к другу. На бледные губы Джованны падает крупная капля. Следом за слезой катится другая.

Она не вытирает их.

Иньяцио – камень. Кажется, что он не дышит, а он и не хочет дышать. Что угодно, лишь бы не чувствовать этой боли. Даже если станут рвать его плоть руками, мучения будут куда меньше. Воздух царапает трахею, давит, требует выхода, и тогда Иньяцио чуть приоткрывает рот – освободить дыхание, которое – проклятие! – дает ему жизнь.

Джованна отшатнулась от него и оседает на землю – он едва успевает ее придержать. Она отстраняется, тянет руки, рыдания сотрясают ее тело.

– Нет, нет, подождите! – кричит она. – Не забирайте его у меня! Не надо его туда! Там холодно, он один, сыночек мой, сердце мое... – Она отталкивает руки мужа, цепляется за мужчин, которые собираются закрыть нишу. Обнимает гроб, стучит по нему кулаками, царапает крышку. – Винченцо! Мой Винченцино, сынок! Очнись! Вставай! Винченцино!

Донна Чичча, стоящая позади, рыдает в голос, ей вторят Иньяцидду и Джулия. Няня, глаза у которой блестят от слез, выводит малышку из семейного склепа.

Иньяцио делает шаг вперед, подхватывает Джованну, оттаскивает ее от гроба, поднимает на ноги.

– Перестань, ради всего святого! – тихо говорит он.

Но Джованна как будто не в себе: тянет руки к гробу, убранному гирляндами белых цветов, вырывается, падает на крышку гроба, обхватывает его руками, царапает дерево.

– Джованна, прекрати! – Иньяцио отрывает ее от гроба, подхватывает под руки, яростно трясет. Он сам на грани отчаяния; видеть обезумевшую от горя жену для него невыносимо. Еще немного, и он не выдержит. – Он мертв, ты понимаешь? Мертв! – кричит он Джованне в лицо.

Но она кричит еще громче:

– Вы ошибаетесь! Вы все! Он болен, да, но он не умер... Он не может умереть... Откройте его! А вдруг он еще дышит... – Она повторяет последнюю фразу уже тише, оглядываясь, как бы ища поддержки в глазах присутствующих.

Тогда Иньяцио обнимает ее, прижимает к себе так крепко, что не дает ее телу содрогаться от рыданий. Шляпа с черной вуалью падает на землю.

– У него был жар, Джованна, – шепчет он. – Он сгорел, как свеча. Ты всегда была рядом, ухаживала за ним до последней минуты, но потом Бог забрал его. Это судьба.

Она не слушает, ничего не слышит. Только плачет, измученная. Матери, потерявшей ребенка, остаются лишь слезы и желание умереть.

Подходит донна Чичча, берет Джованну под руку.

– Идемте со мной, – говорит она, мягко отстраняя Иньяцио. Делает знак няне Джулии, которая вернулась, чтобы забрать Иньяцидду. – Пойдемте подышим воздухом, пойдем, – бормочет она и вместе с няней выводит Джованну на улицу, к кипарисам, окружающим часовню Флорио на кладбище Санта-Мария ди Джезу. Стоит теплый, тихий сентябрь, так контрастирующий с горем и отчаянием.

Иньяцио кусает губы, смотрит на двери часовни. Невозможно поверить, что там, снаружи, жизнь идет своим чередом, а его сын – всего лишь ребенок! – умер.

Он поворачивается к ожидающим мужчинам. Замирает на мгновение и на одном вдохе приказывает:

– Закрывайте.

Позади слышится легкий звук шагов.

На пороге стоит Иньяцидду. Он сжимает в руке подкову: они нашли ее вместе, он и Винченцо, когда поднимались на гору Пеллегрино, к святилищу Святой Розалии, *Сантуццы*. Брат тогда сказал, что подкова приносит удачу.

Нужно было отдать ему, думает Иньяцидду.

Он смотрит на отца глазами, полными слез. Руки, сжатые в кулаки, спрятаны в карманы. Он ощущает пустоту, смешанную с другим, более глубоким чувством. Ранее неизведанным.

Это вина, которую испытывают живые по отношению к мертвым. Взрослое чувство, непостоянное для ребенка одиннадцати лет. Острое, разрушительное.

Как капля яда. Он жив, а его брат мертв, сломленный болезнью, которая разрушила его легкие в считанные дни.

Отец знаком подзывает Иньяцидду, тот подходит. Вместе они наблюдают за работой каменщиков.

Кирпичи ложатся в ряд, один за другим. Гроб с телом Винченцино постепенно исчезает из виду, вот-вот скроется совсем.

И тогда Иньяцио просит рабочих остановиться. Он протягивает руку, касается края гроба. Закрывает глаза.

Винченцино навсегда останется двенадцатилетним. Он не вырастет. Не будет путешествовать. Уже никогда ничему не научится.

Иньяцио не увидит, как Винченцо становится мужчиной. Не возьмет его с собой на пьядца Марина. Ему не суждено веселиться на свадьбе, радоваться рождению внука.

От Винченцо останутся забытые на пюпитре ноты, раскрытые на столе тетради, висящая в шкафу одежда, в том числе костюм мушкетера, который он так любил и который надел на последний маскарад, когда Иньяцио вызвал фотографа, чтобы запечатлеть своих детей, наряженных в костюмы дам и кавалеров.

Его сыну всегда будет двенадцать лет, и он, со всей своей властью, всем своим богатством, ничего не может с этим поделать.

* * *

Когда они возвращаются в Оливуццу, донна Чичча помогает Джованне выйти из кареты. Сделав пару неуверенных шагов, Джованна бежит к лестнице. Она сама не своя: как тень, проскользывает в двери, открытые заплаканной служанкой, бродит по комнатам, зовет Винченцино, словно он где-то прячется и ждет прихода матери.

Прислуга постаралась в их отсутствие. Как велел Иньяцио, исчезли игрушки, скрипка, разбросанные по дому книги. Но его комната – это место, где сосредоточилась боль.

Внезапно Джованна падает на пол перед дверью в комнату сына, не в силах открыть ее. Упирается лбом, тянется к дверной ручке, но не может ее повернуть. Здесь ее и находит донна Чичча. Осторожно поднимает хозяйку, ведет в спальню.

Джованна растерянно озирается по сторонам. Боль лишила ее сил и состарила лет на десять.

Иньяцио смотрит с порога, как донна Чичча наливает в стакан настойку черешни, добавляет сироп белого мака и лауданум. Поднимает голову Джованны, помогает ей выпить успокоительное. Джованна не сопротивляется. В ее глазах застыл беззвучный крик.

Успокоительное действует быстро, Джованна погружается в милосердный сон, продолжая что-то тихо бормотать. Донна Чичча садится в кресло рядом с кроватью, сжав в руках черные четки, и смотрит на Иньяцио, словно говоря: «Я никуда не уйду». Впрочем, она знает, что душа Винченцино все еще здесь, и неважно, что его игрушки исчезли, спрятана скрипка. Донна Чичча знает, что он останется в этих комнатах, хранимый воспоминаниями матери, тень

среди теней, и знает, что будет слышать его шаги в коридорах и молиться о том, чтобы его душа наконец-то обрела покой.

Иньяцио подходит к кровати, наклоняется и, затаив дыхание, целует жену в лоб. Затем решительно выходит из комнаты, идет по коридору.

Нужно пойти в кабинет. Нужно подумать о работе. Нужно подумать о судьбе дома Флорио.

Он проходит мимо спальни Джулии. Слышит ее всхлипывания, слышит, как няня пытается ее утешить.

Вдруг кто-то окликает его. Иньяцио оборачивается – в коридоре стоит Иньяцидду. Он услышал шаги отца и поспешил выйти из комнаты.

– Папа... – зовет он со слезами в голосе.

Иньяцио сжимает кулаки. Не подходит к сыну и не смотрит на него. Его взгляд упирается в рисунок ковра.

– Мужчины не плачут. Перестань, немедленно, – говорит он ледяным тоном.

– Как же я теперь без него? – Иньяцидду вытирает слезы, размазывает сопли рукавом черной рубашки, тянет руки к отцу. – Я один, я не могу в это поверить, папа!

– Так и есть. Он умер, придется с этим смириться. – Иньяцио говорит резко, сердито.

Почему это произошло?

Он смотрит на свои дрожащие руки.

Боль утраты в его душе расплзается все шире и шире, вспоминается смерть отца, матери, даже бабушки. Но не это опустошает его, разъедает изнутри. *Родители не должны хоронить своих детей*, думает он. *Природой задумано иначе*.

Но, возможно, еще не все потеряно. Он опускает глаза и говорит Иньяцидду:

– Его больше нет. Есть ты, тебе придется соответствовать имени, которое ты носишь.

Словно не замечая протянутые к нему руки сына, Иньяцио поворачивается и идет к себе в кабинет.

Ребенок остается один, слезы текут по его щекам. Что означают слова отца? Что он имел в виду? Кто он? Кем он должен стать?

В коридоре тишина.

* * *

Время не лечит. Оно лишь перемалывает боль, растасовывает ее, как колоду карт; эта фантомная боль преследует неотступно, как призрак. Проникает в легкие, чтобы каждый вздох напоминал о страдании.

Иньяцио думает об этом, закрывшись в рабочем кабинете на пяльца Марина. Ему тяжело находиться в Оливуцце, видеть окаменевшее от горя лицо жены, грустных, молчаливых детей. Среди визитных карточек с соболезнованиями Иньяцио видит телеграмму от Франческо Паоло Переса, министра народного просвещения, давнего хорошего друга, который ходатайствует по делам компании «Почтовое пароходство» перед министром общественных работ Альфредо Баккарини и сообщает новости.

Министерство общественных работ до сих пор не решило, что делать с Ионическо-Адриатическим судоходным путем: сначала его передали Флорио, но затем движение по нему было приостановлено в связи с предстоящей общей реорганизацией торговых путей. С этими реформами много непонятного, и теперь Иньяцио боится, что преимущества получают другие, к примеру, австро-венгерская судоходная компания «Австрийский Ллойд», которая предлагает очень выгодные условия как для торговых, так и для пассажирских перевозок. Даже французские судоходные компании «Валери» и «Трансатлантик» не остались в стороне. Сегодня борьба

за Средиземное море ведется не с помощью пушек, а посредством снижения торговых тарифов и предоставления субсидий транспортным компаниям.

Иньяцио пишет черновик ответной телеграммы. *Переживая огромное горе, я не оставляю мыслей о работе...* – добавляет он. Нужно найти в себе силы идти вперед.

Время не ждет. И работа не может ждать.

– Разрешите? – из-за приоткрытой двери раздается робкий голос.

Иньяцио не отвечает; возможно, он даже не слышит.

– Дон Иньяцио... – зовет человек за дверью.

Иньяцио поднимает глаза. Дверь распахивается, и в кабинет входит щеголеватый мужчина с копной тронутых сединой черных волос.

– Дон Джованни... Прошу вас! – восклицает Иньяцио, вставая с кресла.

Джованни Лагана – бывший ликвидатор «Тринакрии» и нынешний директор компании «Почтовое пароходство». Они знакомы с Иньяцио Флорио много лет. А сейчас он смотрит на Иньяцио и не может скрыть удивления. Перед ним очень бледный, исхудавший мужчина, чей изможденный вид не имеет ничего общего с усталостью физической.

– Я подумал, что не стоит приходить к вам домой. Вашей жене, должно быть, тяжело принимать визиты с соболезнованиями, – говорит Лагана.

– Спасибо, – бормочет Иньяцио, обнимая его. – Ты все верно понял, – добавляет он, переходя на «ты», предназначенное для неофициального общения.

Они садятся за стол друг напротив друга. У Джованни Лагана хитрый взгляд с прищуром, уверенные жесты.

– Как ты?

– Как видишь... – пожимает плечами Иньяцио.

– У тебя есть еще один сын, – тихо говорит Джованни Лагана. – Еще не все потеряно.

– Пожалуйста, давай сменим тему, – просит Иньяцио, отводя глаза.

Джованни кивает, словно соглашаясь с тем, что у каждого есть свой способ избыть боль и страдания. Вздыхнув, он достает из папки, которую принес с собой, какие-то бумаги и передает их Иньяцио. Тот бегло просматривает документы. Его бледное лицо оживает, брови хмурятся.

– Только предположения или переговоры действительно настолько продвинулись?

– А ты что об этом думаешь? – Тонкие губы Лагана становятся еще тоньше.

– Что французы из «Валери» хотят выбить из-под нас стул и что австрийцы из «Ллойда» хотят того же.

Он кладет бумаги на стол, встает и начинает ходить по комнате.

– Откуда у тебя эта информация?

– От одного из наших агентов в Марселе. Его кум работает в компании «Трансатлантик». А в Триесте есть друзья, они подтверждают слухи о «Ллойде»... – Лагана замолкает, постукивая пальцами по бумагам. – Не хотел расстраивать тебя в такой момент, но...

Иньяцио машет рукой, словно отмахиваясь от этой вежливой фразы.

– В Риме ничего не понимают. Не видят, что происходит. Не только здесь, в Палермо, но и в Генуе, в Неаполе, в Ливорно... Все порты испытывают сейчас трудности. Наше правительство медлит, в то время как Париж и Вена действуют, захватывая лучшие маршруты. Что ж... в таком случае мы бессильны... – Иньяцио прислоняется спиной к дверному косяку. Лоб у него нахмурен, руки скрещены на груди.

Джованни Лагана пристально смотрит на Иньяцио и, как ни странно, чувствует радость. Он вернулся, думает Лагана. *Боль и страдание не сломили его.*

– Я давно жду ответа о заключении договора на маршруты в Америку, – продолжает Иньяцио. – «Почтовое пароходство» испытывает трудности, ты знаешь это не хуже меня: мы едва сводим концы с концами, и то благодаря тому, что у нас есть завод «Оретеа» для ремонтных работ. А если придется поднять фрахтовые ставки, чтобы покрыть расходы? Мы неиз-

бежно потерпим фиаско, ведь у иностранных судов на том же маршруте тарифы намного ниже, а маршрутов у них больше. – Иньяцио потирает складку между бровями. – Они твердят нам о свободном рынке, тогда как французы получают гораздо больше субсидий, чем итальянцы, укрупняют свои компании. Но понимают ли это в Риме? Понимают ли, что от их решений больше вреда, чем пользы?

– Очевидно, не хотят понимать, – горько усмехается Лагана.

– Мне субсидируют линию из Анконы, которая больше не нужна, но не дают субсидий на маршруты в Америку. А что требует от меня правительство? Никому не нужную линию на греческие острова, где одни козы да оливковые рощи. Кому она нужна? Зачем? – Иньяцио подходит к столу, тычет пальцем в документы, пришедшие из Марселя. – Эти дельцы прокладывают новые маршруты в Америку, а куда ходят наши корабли? В Задар? На Корфу?

Иньяцио садится за стол, опускает голову на скрещенные руки. Он тяжело дышит, глаза его прикрыты – значит, думает.

– Трансокеанские маршруты – вот на чем можно богатеть, на всех этих бедолагах, которые стремятся в Америку на заработки. Я предложил два рейса в неделю, а англичане – три! Конкуренция! Нет, я не собираюсь сидеть сложа руки и ждать, пока у меня отнимут все, что мы с отцом построили. А эти в Риме болтают, что нужно собрать комиссию... изучить... все взвесить... Ослы!

– Единственное утешение в том, что Рубаттино смотрит на это так же, как ты. А вы с ним – главные итальянские судовладельцы. Помнишь, что он сказал, когда я был у него в Генуе? «Французы разделают нас под орех, а в Риме и пальцем не пошевелят». Он считает, что правительственная комиссия по реорганизации торговых путей – собрание бездельников, которые тратят время впустую. Нужно действовать самим, не то...

– Прекрасно, но, как бы там ни было, и он, и мы по-прежнему в глухом тупике. Нужно создать единую сильную судоходную компанию, которая будет пользоваться влиянием как в Генуе, так и в Палермо. Джованни, мы должны обратиться к министру Баккарини! Попробую сам, попрошу Франческо Паоло Переса поговорить с ним. Пора просыпаться! Не то наш хлеб отнимут. Наша цель – Америка, это очень выгодное предприятие, нельзя, чтобы французы и австрийцы нас обошли. Действовать нужно сейчас, завтра будет поздно. Это я, Иньяцио Флорио, тебе говорю!

* * *

– Выходит, они отменили линию Палермо – Мессина? Все письма, прошения, переговоры о том, чтобы маршрут был продлен до Нью-Йорка, были зря?

Иньяцио так разгневан, что Джованни Лагана невольно отступает назад. На дворе декабрь 1880-го. Больше года Иньяцио всячески старался спасти компанию «Почтовое пароходство», которая заметно сдала позиции под натиском французских и австрийских конкурентов. Делал все возможное: использовал свое влияние, свои политические связи, обещал и угрожал. Но, судя по всему, только зря потратил время. И это самое досадное.

– Как же так? – бормочет Лагана, подходя к столу.

– Читай сам. – Иньяцио бросает ему телеграмму, только что прибывшую из Рима. Он так рассержен, что не может говорить.

Лагана быстро пробегает телеграмму глазами. *Значит, они считают, что больше нет необходимости в этом морском пути, потому что появилась железная дорога, связывающая Палермо и Мессину. Поезд будет ходить чаще, чем ходят наши корабли. Вполне логично,* думает Лагана, но ничего не говорит, только поглядывает на Иньяцио.

– Конечно, я и сам вижу, что они правы, – говорит Иньяцио, словно прочитав мысли Джованни. Но ему обидно. – Для нас это означает банкротство. Прибыли практически нет,

а теперь я буду вынужден сообщить акционерам еще и об отмене линии. Вдобавок ко всему пришло известие из Франции от Джузеппе Орландо.

– Слияние компаний «Валери» и «Трансатлантик»? Советы директоров, к сожалению, одобрили это соглашение.

– Только на бумаге! Компании «Валери» фактически не существует. Это всем известно. Орландо упредил меня телеграммой. – Иньяцио стучит кулаком по столу. Портрет Винченцино в тяжелой серебряной раме, покачнувшись, кренится набок. Иньяцио поправляет его, затем продолжает, уже спокойнее тоном: – Рубаттино никуда не спешит, да и мы топчемся на одном месте. Ищешь помощи у тех, кто должен тебе помочь, а вместо этого натыкаешься на закрытые двери. Тем временем французы прокладывают новые маршруты, убирая нас с пути как конкурентов.

Лагана тяжело вздыхает:

– Ты уверен? Я имею в виду, они настроены решительно?

Иньяцио потирает виски. Гнев и ярость сжимают его голову.

– Да. Я лично написал Русье, нашему французскому представителю. Он все подтвердил. Следующим шагом «Трансатлантик» будет новый морской путь, сначала в Кальяри, а потом и в другие итальянские порты. А что же Рубаттино? Готов ли он дать отпор? Нет! Ничтожество!

Еще один удар кулаком по столу, бумаги разлетаются в разные стороны.

– Крупнейший судовладелец в Генуе, и для него французы – как кость поперек горла. Он должен кричать во весь голос, протестовать, просить Рим о защите, а он что делает? Ничего! Он ничего не делает! Потеря времени и неопределенность – вот что выводит меня из себя!

Джованни Лагана подбирает с пола бумаги.

– Ты все больше становишься похож на своего отца, – улыбается он.

Иньяцио поднимает голову, в глазах застыл немой вопрос. Замечание Джованни застало его врасплох.

– Голос, жесты, трудно сказать, что именно... Я мало его знал, но хорошо его помню в гневе. Тебя трудно прогневить, но злишься ты так же, как он, – объясняет Лагана.

– Отец поехал бы в Рим, чтобы встряхнуть их всех там хорошенько, – с досадой бормочет Иньяцио. – Я так не могу.

Он выпрямляет спину.

Свет, проникающий через окна, кажется, проходит сквозь древесные волокна обивки, скользит по книжным шкафам по обе стороны от двери. У массивного письменного стола стоят кожаные кресла, над столом люстра из богемского хрусталя.

Это контора солидной судоходной компании. А он – судовладелец, крупный итальянский судовладелец, и хочет, чтобы его в этом статусе уважали.

Он потирает нос, размышляет. Лагана молча ждет.

Иньяцио медленно подходит к окну, смотрит на пятачок Марина. *Осторожность*, думает он, вздыхая. *Осмотрительность и осторожность*.

День ветреный, как часто бывает зимой в Палермо. Иньяцио смотрит на площадь, на фасады домов из туфа, телеги, спешащих куда-то прохожих. Смотрит в сторону тюрьмы «Викария», за церковь Сан-Джузеппе деи Наполетани, скользит глазами по виа Кассаро, покуда хватает взгляда. Потом достает из жилетного кармана золотые часы и смотрит, который час.

– Хорошо. Если они не прислушаются к нам, августейшим министрам придется слушать другую музыку.

Он произносит это так тихо, что Лагана напрягает слух.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Общее собрание акционеров назначено на конец января. Я знаю, что королевская семья несколькими днями раньше собирается посетить Палермо, и я намерен встретиться с коро-

лем. – Иньяцио склоняет голову набок. Его лицо оказывается в тени, только контур очерчен дневным светом, проникающим через окно.

– Поговорю с ним. А если и этого будет недостаточно... – Иньяцио расхаживает по кабинету. – Когда у нас были трудности с тоннарой из-за того, что правительство не защищало местное производство, я кое-что предпринял и добился положительного результата. Пришло время сделать новый маневр, только теперь на более высоком уровне.

– Иньяцио, прости, но я не совсем тебя понимаю. – Лагана смущенно одергивает пиджак.

– Тогда я попросил кое-кого из друзей написать об этом в газетах. Нужно было обратить внимание на то, что наш тунцовый промысел нужно защищать, прежде всего с помощью правильной налоговой политики... Они написали об этом и о многом другом, и статьи вызвали волну общественных обсуждений по всей стране, чего я и добивался. Теперь можно сказать, что это была своего рода генеральная репетиция.

Директор «Почтового пароходства» не может скрыть изумления:

– Что это значит?

– Увидишь.

* * *

4 января 1881 года супружеская чета Савойя прибыла в Палермо. Город принарядился к празднику: Дамиани Альмейда спроектировал в порту «павильон для приема королевских особ». Рабочие привели город в порядок: подмели улицы, благоустроили цветники, починили разбитые хулиганами фонари на столбах. Рождественские украшения на балконах виа Кассаро уступили место триколорам; солдаты охраняют порядок, а народ ликует, все кричат, размахивают бумажными звездами с изображениями короля Умберто I и королевы Маргариты и знаменами, приветствуя королевскую чету.

Палермо сияет внутренним светом, как женщина, которая вновь ощущает себя прекрасной и выбирает, какое платье надеть на долгожданный прием.

Иначе и быть не может.

Город растет, ширясь по равнине вдоль моря. Новое поколение архитекторов проектирует улицы, сады, виллы, переосмысливает общественное пространство, смотрит за пределы острова, на материк. Современности не нужны кривые переулки и узкие улочки, бедняки снова загоняются в трущобы, а аристократы, даже самые консервативные, перенимают привычки у жителей материка, подстраиваясь под их вкусы.

Меняются даже запахи. В городе больше не воняет рыбой, гнилыми водорослями, мусором. Теперь здесь пахнет магнолиями и жасмином. Даже запах моря ощущается меньше, его перебивают запахи кофе и шоколада, доносящиеся из модных кофеен на центральных улицах нового города.

Сегодняшний Палермо – не провинциальная скромница, он конкурирует с Лондоном, Веной, Парижем. Мечтает о широких проспектах, желает избавиться от барочной тяжеловесности, пахнувшей стариной. Меняются и интерьеры: мебель приобретает новые формы и восточный колорит, исчезает парча, уступая место китайскому и индийскому шелку. В домах знати появляются японский фарфор и резные изделия из слоновой кости. Впрочем, и сицилийским вещичкам находится место: в моде серебряные и коралловые водосвятные чаши, столики из полудрагоценных камней, восковые фигурки для рождественских вертепов. Ярмарка тщеславия – у кого лучше, наряднее, изысканнее.

Душа Палермо из моря и камня, пропитанная соленым ветром, медленно, но верно меняется. И эта метаморфоза во многом связана с семейством Флорио. Шесть лет назад в городе появился прекрасный Театр Политеама, построенный по проекту Дамиани Альмейды. Будучи страстным поклонником классицизма, Альмейда задумал колоннаду и роспись наружных стен

в помпейском стиле. Но, кроме отсылок к прошлому, есть и определенное новшество: крыша. Изготовленная на литейном заводе «Оретеа», она напоминает большую линзу из металла и бронзы. Чуть дальше сооружается еще один театр – Театро Массимо. По правде говоря, его строительство застопорилось: первый камень был заложен шесть лет назад, в 1875 году, а когда завершатся работы – неизвестно. Автор проекта, архитектор Джован Баттиста Базиле, задумал создать храм музыки, такой красивый и монументальный, что он мог бы посоперничать с Гранд-опера́ в Париже.

Возможно, слишком монументальный для этого города, думает Иньяцио, сидящий в карете рядом с женой. Он опускает занавеску, переводит взгляд на свои скрещенные пальцы. Палермо становится краше, но, возможно, ему не помешало бы чуть больше прагматизма.

Карета подпрыгивает на брусчатке. Озябшая Джованна тянет на себя полог, шумно вздыхает. Иньяцио сжимает ее руку в перчатке.

– Все будет хорошо.

– Надеюсь, – отвечает она неуверенно.

– Я встречался с ним в Риме несколько лет назад. Он человек твердый, со своими принципами. Его жена – истинная аристократка и ведет себя соответственно. – Иньяцио касается подбородка жены, слегка приподнимает ее голову. – Как и ты, – говорит он, выгнув бровь.

Джованна кивает, но тревога не покидает ее. Муж снова погружается в задумчивость, а она принимается рассматривать свой наряд. Это платье ей сшили в Париже из шелка светло-серого цвета, в тон плащу, отороченному лисьим мехом. Со дня смерти сына прошло чуть больше года, можно снять траур, но она продолжает одеваться в черное. Даже украшения выбирает неброские, на ней жемчужные серьги, кольцо из оникса и перламутровая брошь – камея с профилем Винченцино, приколотая на груди, у сердца.

Иньяцио тоже не может отказаться от внешних атрибутов траура и продолжает носить черный галстук. *Его сын, плоть от плоти, и носил имя его отца, объяснила Джованне донна Чичча. В семье Флорио больше нет Винченцо. Вот почему он не может его отпустить.*

Все верно, думает Джованна. Но есть Иньяцидду и Джулия, нельзя о них забывать. Бывают дни, когда он к ним даже не подходит...

Карета, покачнувшись, останавливается во дворе королевского дворца.

Джованна привычным жестом давит рукой на живот. Обычно ей удается сдерживать позывы к рвоте, но сейчас она чувствует себя слабой. Испуганной. Она переводит взгляд на мужа. Ищет его взгляд, а вместе с ним поддержку, одобрение: сейчас, как никогда, ей нужна опора.

Смотрит на него и видит совсем другого Иньяцио.

Задумчивость на лице сменилась жестким, решительным выражением. На губах легкая улыбка, но глаза серьезные. Спина прямая, жесты уверенные, властные.

Иньяцио выходит из кареты, подает Джованне руку, сжимает ее ладонь в своей крепко, почти до боли.

И тогда она понимает.

Иньяцио готов идти в бой.

* * *

Джованна следует за фрейлинами королевы, Иньяцио проводят в обитый красной парчой кабинет, предоставленный государю для частных приемов. А вот и сам король Умберто: сутуловат, волосы на висках поседели, внушительные усы закрывают весь рот. Энергичные жесты, крупные руки и взгляд человека, привыкшего понимать все без слов.

– Прошу, – говорит он Иньяцио, указывая на кресло.

Иньяцио садится только после того, как садится король. Государь берет из коробки, протянутой адъютантом, сигару, потом предлагает гостю, закуривает и глубоко затягивается. Он изучает Иньяцио, словно пытаясь сопоставить сидящего перед ним человека с представлением о нем.

– Итак, – говорит он наконец, – я вас внимательно слушаю.

Иньяцио рассматривает свои руки, как бы подыскивая слова для речи, которую он, конечно же, приготовил заранее.

– Прежде всего хочу поблагодарить ваше величество за оказанную мне честь. Полагаю, что вы поймете, почему мы с женой не участвовали в торжествах по случаю вашего прибытия в Палермо.

Лицо Умберто освещает подобие улыбки. Взгляд скользит по черному галстуку Иньяцио.

– Я знаю, вы потеряли сына. Очень вам сочувствую.

– Спасибо, ваше величество.

Умберто кивает в ответ.

Иньяцио кладет на колени сцепленные руки.

– Я хочу обратиться к вам как гражданин, как владелец одной из крупнейших итальянских судоходных компаний и...

– Одной из? Крупнейшей. Не стоит скромничать, – нетерпеливо перебивает его король.

Иньяцио и бровью не ведет. Он знает, что король очень прямолинеен, если не сказать грубо. Результат военной муштры, в которой он рос с самого детства.

– Благодарю вас, это весьма лестно для меня, – Иньяцио кладет сигару в пепельницу. – Значит, вы понимаете, почему именно я должен рассказать вам о бедственном положении, в котором оказался итальянский флот.

– Над этим вопросом работает парламентская комиссия. Меня информируют о сложившейся ситуации.

– Простите, ваше величество, но, возможно, вас плохо информируют, поскольку правительство не предпринимает в этом направлении никаких действенных шагов.

– Снижайте цены на фрахт. – Король раздраженно ерзает в кресле. Пепел от сигары падает на пол. – Мне постоянно жалуются на то, что государство или заходит слишком далеко, или делает все неправильно. И у всех есть идеи, как сделать лучше! Ну так попробуйте, посмотрим, что из этого выйдет!

Иньяцио выдерживает небольшую паузу.

– Ваше величество, проблема не в том, кто и что делает, а в политике государства в целом, – говорит он спокойно, тихим голосом. – Десятки мелких судовладельцев едва выживают. Если не защитить итальянский флот от конкуренции французов и австрийцев, мы не только загубим свою торговлю, но попадем в полную зависимость от иностранных морских держав.

Он ненадолго замолкает, дает государю время осознать услышанное.

– Безусловно, это напрямую затронет меня и мою компанию, но не только: экономика Сицилии в целом окажется под угрозой. Компании Севера могут перевозить товары по железной дороге, но у тех, кто работает здесь, на Сицилии, нет другого пути, кроме морского.

– А вы хотите поправить положение Сицилии с помощью своих кораблей и тоннаж. – Король явно настроен скептически. – Ваши тарифы высоки до неприличия. Если компании предпочитают перевозить товары по железной дороге, значит, на это есть причины, не так ли? – Умберто откладывает сигару, звонит в колокольчик и просит адъютанта подать ликер.

Иньяцио, подавив внезапную вспышку гнева, переводит разговор в другое русло:

– Позвольте, ваше величество... Я хотел бы преподнести вам в дар несколько бутылок лучшей марсалы из моих погребов. Почту за большую честь, если ваше величество согласится попробовать ее.

Адъютант переводит взгляд на короля, тот дает утвердительный знак.

Иньяцио ждет, чтобы их оставили наедине, и продолжает:

– Проблема не только во фрахте и тарифах. Многие страны в Европе прибегают к политике протекционизма. Рано или поздно будут введены пошлины на наши товары, и это поставит нас на колени. Если позволите, ваше величество, на мой взгляд, проблема в другом, – решительно говорит Иньяцио, наклоняясь к королю. – Нужно понимать, что у Севера и Юга Италии разные потребности, и именно поэтому они должны работать вместе. То, что я предлагаю, выгодно Италии в целом. Я в Палермо и Рубаттино, чья компания в Генуе, мы думаем о том, что нужно следовать общей линии: только объединив усилия, мы сможем противостоять конкурентам.

Иньяцио выпрямляется, переводя дыхание.

– Если Италия хочет сохранить свое влияние в Средиземноморье, нужно учитывать сложившуюся ситуацию. Мы не справимся без поддержки государства.

– Я знаю, кто ваш адвокат, и знаю о ваших попытках договориться с Рубаттино. – Король смотрит на Иньяцио с недоверием. – Вы полагаете, нужно закрыть глаза на то, что вы используете дружеские отношения кое с кем из министров в личных целях?

– Адвокат Криспи – друг семьи. Что же касается личных отношений с министрами... это дружба, основанная на взаимном уважении. Знаете, как говорят у нас на Сицилии? «Если хочешь стать великим, то и одного врага много, а ста друзей мало».

Входит адъютант с серебряным подносом, на котором бутылка марсалы и два хрустальных бокала. Вино искрится янтарным цветом.

Умберто пьет марсалу маленькими глотками, прищелкивает языком совсем не по-королевски.

– Превосходно! Так что именно вам от меня нужно, синьор Флорио? – Король смотрит прямо в лицо Иньяцио.

– Чтобы государство не препятствовало слиянию моей компании с компанией Рубаттино. Чтобы нам были предоставлены льготные тарифы на почтовые услуги. Чтобы наша компания получила приоритет и нам были выделены государственные субсидии на перевозки.

– Вы просите слишком много. Вы, южане, только и делаете, что о чем-то просите.

– Возможно, так делают другие, ваше величество. Но это не относится ни ко мне, ни к моей семье. Мы с отцом работали не покладая рук, чтобы создать дом Флорио. Я прошу ваше величество лишь о поддержке моего предприятия.

* * *

Иньяцио ждет жену у подножия мраморной лестницы королевского дворца. Вид у него уставший. Джованна медленно спускается по лестнице, держась за перила; теперь, когда напряжение спало, она тоже чувствует усталость. Иньяцио торопит ее, помогает сесть в карету, затем садится сам и велит кучеру трогаться.

Джованна поправляет полог, касается пальцами камен с портретом Винченцино.

– Королева сразу заметила, – говорит она. – И сказала: «Даже представить себе не могу, каково вам». Она была очень растрогана.

Джованна заглядывает в лицо мужа, но Иньяцио лишь рассеянно кивает, а когда она накрывает его ладонь своей, тот с досадой высвобождает руку.

– Фрейлины разглядывали мой наряд, – продолжает она. – Им не давал покоя мех на плаще, и одна из них даже спросила шепотом другую, сколько он может стоить. – Джованна вздыхает: – Ах, королева, бедняжка! На ней было такое красивое жемчужное ожерелье... А знаешь, что говорят? Что король дарит ей ожерелье после каждой измены. И правда, она была такой грустной, что у меня сжалось сердце.

Иньяцио поворачивает голову и с негодованием смотрит на жену.

– Я пытался донести до короля мысль о том, что положение нашего флота катастрофическое, но столкнулся со стеной непонимания... а ты пересказываешь мне светские сплетни?

– Мне стало жаль ее, вот и все, – отвечает Джованна, задетая за живое. – Всем известно, что король...

– Королева сама виновата, – сухо отрезает Иньяцио. – Госпожа или прислуга, женщина должна знать, как удержать мужа. Кроме того, их брак заключен по расчету. Ничего удивительного в том, что он завел любовницу, и не одну. В таких случаях жене остается только смириться.

Воцаряется тягостная тишина.

Джованне холодно. Потом вдруг она чувствует в груди прилив тепла. Нет, она не может молчать. Она знает, что чувствует королева. Она не забыла о тех письмах, которые прятал ее муж. Старалась забыть, отодвигала в самый темный угол сознания, прятала в повседневных заботах, даже в боли от смерти Винченцино, но навязчивое желание узнать, кто *эта женщина*, никогда ее не оставляло. Ревность всю жизнь была рядом, угрожала, как затаившаяся дикая кошка, сверкая голодными желтыми глазами, готовая укусить. Пораженная этой мыслью, Джованна тихо произносит:

– Вот, значит, как это принято у вас, у мужчин... Искать удовольствий на стороне, пока жены сидят дома и смиренно молчат?

– Что ты несешь? – осаждает ее Иньяцио, отмахиваясь от этих слов, как от назойливых мух. – Что за чушь?

– Чушь? Женщина вкладывает в брак душу, и, по-твоему, она не чувствует унижения, если ей изменяют? Она должна знать свое место, помалкивать, и, может быть, даже радоваться... Неужели ты думаешь, что у женщины нет собственной гордости? Что ее сердце не болит?

Иньяцио с удивлением смотрит на жену. Это не та Джованна, которую он знает, уверенная в себе, собранная, уступчивая. Может, сказалось пережитое от встречи с королевой волнение?

Но видит слезы в глазах жены и все понимает: она говорит не о королеве, а о них двоих. Иньяцио складывает руки в умоляющем жесте.

– Джованна, пожалуйста, прекрати...

– Почему, разве это не так? – отвечает она, сжимая полы плаща.

– Есть вещи, которые происходят сами собой, и все. Человек так устроен, ты не можешь его изменить, и тем более не можешь изменить его прошлое. – Иньяцио говорит тихо, чтобы ее успокоить.

– Нет, нет, нет... – шепчет Джованна, опустив голову. Сжимает зубы, сдерживает слезы, поднимает голову и смотрит Иньяцио прямо в лицо; в неверном свете уличных фонарей ее глаза сверкают, как оникс. – Я знаю, – говорит она, – но ты не можешь заставить меня все забыть. Это причиняет мне боль, понимаешь? Всякий раз, когда я вспоминаю о тех письмах, у меня перехватывает дыхание. Мне тяжело от мысли, что ты никогда не был моим.

– Я тебе объяснил, что все это давно в прошлом! – Иньяцио не может скрыть раздражения. – И потом... сколько лет прошло? Девять, десять? А ты по-прежнему продолжаешь толочь воду в ступе!

Толочь воду в ступе, думает он, значит заниматься бесполезным делом, возвращаться к тому, что нельзя изменить. Колоссальные затраты энергии.

Джованна откидывается в угол кареты, и ее поглощает темнота.

– Тебе не понять, каково мне. Другая, может, привыкла бы, выбросила бы из головы. Но не я. Я так не могу. – Джованна бьет себя в грудь. – Не могу. Ты заперт здесь, ты не сможешь отсюда сбежать.

Ее голос затихает, превращаясь в облачко пара в холодной карете. Джованна опускает голову на грудь, закрывает глаза. Как будто сняла с сердца тяжкий груз, но вместо него появилось бремя осознания, которое еще тяжелей. Теперь безответную любовь – чувство, которое причиняет боль тому, кто любит, и не ценится тем, кто позволяет себя любить, – уже не скрыть под покровом покоя и безмятежности. Она останется меж ними в своей безжалостной наготе.

Возможно, впервые в жизни Иньяцио не знает, что сказать. Он злится на себя за то, что не понял душевного состояния жены, это он-то, который замечает любой нюанс, любое движение, любой подтекст в деловых отношениях. Он пытается убедить себя, что это просто женская истерика, которая проходит, как летняя гроза. Только когда карета останавливается перед воротами виллы в Оливуцце и кучер помогает Джованне выйти, оставшийся в темноте Иньяцио понимает, что чувствует его жена.

Он видит, как Джованна идет к дому, гордо вскинув голову. И стыд сжимает ему горло.

* * *

9 февраля 1881 года в газете «Джорнале ди Сичилия» опубликована первая часть подробного расследования о состоянии итальянского морского флота в целом и в Палермо в частности. Пламенные слова вызывают сначала возмущение, затем тревогу и, наконец, панику. Конечный адресат: итальянское правительство.

Лагана закрывает газету, уголки его губ приподнимаются в улыбке. Иньяцио сделал все, как надо, лучше не придумашь. Не секрет, что «Джорнале ди Сичилия» находится в руках семейства Флорио, но журналисты излагают факты, а факты – вещь упрямая.

Пришло время надавить на Раффаэле Рубаттино. Лагана напишет Джузеппе Орландо, управляющему компании «Почтовое пароходство» в Неаполе. Орландо знаком с генуэзцем не первый год и знает его слабые места.

Слияние.

Союз между двумя судоходными компаниями нужно заключить как можно скорее. Понятно, что это брак по расчету. Лагана так и пишет в письме к Орландо. И добавляет, что Рубаттино не мальчик, должен сам понимать и признавать необходимость этого брака, ведь если он откажется жениться, очень скоро его корабли исчезнут со Средиземного моря. Лагана напоминает, что катастрофа чуть не случилась в январе прошлого года, когда Рубаттино пытался торгаться с французами. Тогда Иньяцио проявил удивительную выдержку и терпение и не стал ссориться с генуэзцем, а спокойно объяснил ему, что в этом случае оба они – и он, и Рубаттино – попадут в рабство к компании «Трансатлантик».

Лагана не говорит, однако, что слияние жизненно необходимо «Почтовому пароходству» не только для сохранения господства на море, но и для защиты тех, кто трудится на суше: рабочих завода «Оретеа» и мастеровых в доке, перевозчиков и коммивояжеров, разбросанных по всему Средиземноморью. Если «Почтовое пароходство» не объединится с компанией Рубаттино, Палермо превратится в периферийный порт, а это отрицательно скажется не только на экономике города, но и всего острова.

– Этот генуэзец просто болван. Скорее бы заключить сделку у нотариуса, – бормочет Лагана, запечатывая конверт. Зовет слугу и приказывает немедленно отправить письмо.

Но ждать им придется до июня: сначала слияние одобрит собрание акционеров «Почтового пароходства», потом – наконец-то! – после изнурительных переговоров будет получено согласие Рубаттино. Не хватает лишь высокого «благословения» итальянского правительства. Тогда Иньяцио решает сам поехать в Рим.

Иньяцио принимает премьер-министр Агостино Депретис вместе с министром общественных работ Баккарини. Оба они стараются втолковать Иньяцио то, что ему давно известно: для слияния таких крупных компаний необходимо представить в парламент законопроект,

простого разрешения министерства будет недостаточно; в оба предприятия вложено много народных денег, потраченных в том числе и на компенсацию их расходов, вот почему нужно проявлять осторожность...

Иньяцио не спорит, напротив, кивает, словно говоря: «Конечно, а как иначе». Однако позже, вернувшись в отель, просматривает вечерние газеты, и то, что в них пишут, лишает его покоя и сна.

От Генуи до Венеции бастуют мелкие судовладельцы, осуществляющие перевозки на парусных судах: они кричат о катастрофе, обвиняют Министерство общественных работ в том, что оно покровительствует крупным компаниям, а флот как таковой никого не интересует. Два генуэзских судовладельца, Джованни Баттиста Лаварелло и Эразмо Пьяджо, даже подали в парламент петицию, в которой они выражают «обоснованные опасения в связи с созданием гигантского акционерного общества, ведь акции, которыми сегодня владеют итальянские граждане, завтра могут быть выкуплены иностранцами».

Да, слияние будет делом непростым.

* * *

4 июля 1881 года начинаются дебаты в палате депутатов. Законопроект принимается 5 июля, направляется в сенат и в тот же день ставится на голосование. Нужно спешить, чертовски спешить, чтобы закончить все как можно скорее.

Иньяцио ждет в отдельном кабинете сената. Он волнуется, но тщательно это скрывает. Просит принести чаю; напиток ему подают в элегантной фарфоровой чашке. Он на короткой ноге с министрами и сенаторами, а посему кто осмелится выступить против него? Руки у Иньяцио слегка подрагивают от напряжения. Он закуривает, наслаждается воцарившейся тишиной.

Министр Баккарини заходит рассказать Иньяцио о том, что происходит в палате. В сигарном дыму, вдыхая аромат поданного ему кофе, министр улыбается и торопливо шепчет:

– Не волнуйтесь, синьор Флорио. Парусники уходят в прошлое, хотя не все понимают, что их время закончилось. Будущее за пароходами. Пар и железо. Вы станете предвестником новой эры, одним из тех, кто поведет Италию в новый мир.

– Мой отец был уверен в этом, и я тоже уверен, даже больше, чем вы. – Иньяцио вальяжно сидит в кожаном кресле. – С момента открытия Суэцкого канала прошло двенадцать лет. Как и ожидалось, сегодня через него идет основной грузопоток. Парусники – это просто смешно. Нам нужны большие пароходы, чтобы бороздить океаны.

– А у вас они есть. Вот почему правительство вас поддержит.

Начинается подсчет голосов. Законопроект принят. Иньяцио чувствует, как свободно вздымается грудь, уходит давящая боль в подреберье.

– Нужно, чтобы вы и Рубаттино поставили свои подписи в присутствии нотариуса, – говорит подошедший Орландо и хлопает Иньяцио по плечу.

Подходит Франческо Паоло Перес, за ним служащий с бутылкой шампанского и бокалами.

– У нас все получилось! – Перес обнимает Иньяцио.

Иньяцио доволен, улыбается.

Его распирает гордость, кажется, она течет у него по венам вместо крови. Он спас «Почтовое пароходство» от обнищания, помог морякам и рабочим завода «Оретеа», обеспечил порту Палермо процветание на долгие годы. Он, владелец примерно сотни судов, фактически стал одним из властелинов Средиземноморья.

Но не только это составляет предмет его гордости. Иньяцио понял: в политике можно лавировать и добиваться своего. И не имеет значения, поддерживает ли тебя король.

Он понял, что деньги Флорио могут влиять на судьбу Италии.

Его отец, человек амбициозный, не мог даже помыслить такого.

* * *

Жара, охватившая Палермо в конце августа 1881 года, заполнила все комнаты виллы в Оливуцце, так что нечем дышать. Из окон, выходящих в сад, можно увидеть силуэт города, окутанный пылью, принесенной жарким сирокко. В мареве виднеются размытые контуры церковных куполов и крыш.

В зеленой гостиной донна Чичча наводит порядок в рабочей корзине, сматывая клубочки ниток для вышивания.

Джованна открывает дверь и останавливается на пороге. Она заметно взволнована. Лоб нахмурен, руки дрожат.

Донна Чичча сразу видит: что-то не так.

– Что случилось? Что с вами?

Джованна пожимает плечами, молча опускается в кресло.

– Рассказывайте, моя дорогая, что случилось? – настаивает донна Чичча.

– Я больше месяца как одна... муж уехал и теперь пишет, что и в этом месяце его не ждать.

– Святая Мария! Если дело только в этом, так и ничего. Ей-богу, вы словно маленькая девочка, словно Джулия, а не замужняя дама, – качает головой донна Чичча.

Джованна подносит руку к губам, как будто хочет остановить слова, и вдруг быстрым шепотом говорит:

– Он написал, из Генуи собирается в Марсель – проведать сестру. Раньше мы всегда ездили вместе, а теперь он один. Да, он поехал по делам, но он никогда не отсутствовал так долго, никогда!

– Ах, вон оно что! – донна Чичча картинно закатывает глаза. – Дон Иньяцио так давно не видел сестру, разве он не имеет права у нее погостить?

– Мы одна семья! – сердито кричит Джованна и стучит ладонями по подлокотнику кресла. – Разве малыши не хотят увидеть свою тетю?

– Вы столько лет замужем и до сих пор не знаете своего мужа? – Донна Чичча скрещивает руки на своей пышной груди. – Да он просто святой, не то что некоторые мужья, прости господи, бабники. Ради бога, перестаньте себя изводить пустыми мыслями и займитесь делом.

Донна Чичча берет льняную скатерть с начатой работой, протягивает Джованне. Та берет скатерть и, не заметив иглу, колет себе палец. Поднеся палец ко рту, бормочет:

– Есть вещи, о которых невозможно не думать... – Она отворачивается, желая скрыть свою боль.

Донна Чичча смотрит на Джованну с недоумением, но не решается спросить, что ее тревожит.

Этот брак кажется ей хрупким, как стекло, и если он до сих пор не рухнул, то лишь благодаря тому, что любовь Джованны, с одной стороны, и уважение Иньяцио – с другой, оберегают его от ударов судьбы. Но Джованна слишком много страдала – и телом, и духом, – поэтому донна Чичча боится, что теперь ее легко сломить. Что до Иньяцио, то в его надежности донна Чичча всегда была уверена, *всегда*! Вот почему она не допускает даже мысли о том, что он может изменить Джованне.

А Джованна, прочитав, что Иньяцио едет в Марсель, не находит себе покоя. Вновь пробудилась ревность, открыла свои желтые глаза. Джованна пытается ее прогнать, говорит себе, что там Джузеппина, Франсуа и маленький Луи Огюст. Но, возможно, там будет и *эта*...

Джованна встряхивает головой, отгоняя воспоминания о ссоре в карете, после аудиенции у короля. Как и после того дня, когда она нашла в шкатулке письма, они не возвращались к

болезненной теме, предоставив будням избыток превратности судьбы. Однако Джованна не может об этом не думать. Иногда ей удается убедить себя, что ее ревность беспочвенна и что Иньяцио, вероятно, прав: хватит толочь воду в ступе. Но достаточно одного его грубого жеста или сурового взгляда, чтобы рана открылась вновь. И тогда Джованна с новой силой ненавидит эту женщину, которая получила от Иньяцио все, включая самый драгоценный подарок, который может дать потерянная любовь, – сожаление. А ей осталась лишь пустота отвергнутой любви.

Однако в тот ужасный вечер она поняла и другое. Она прочитала это в его глазах, в его жестах и даже в его суровом обращении с ней. Для Иньяцио нет ничего важнее, чем дом Флорио. На первом месте не она и даже не дети – только дело, чувства не в счет. И другая женщина тоже не может быть важнее. Поэтому с некоторых пор, когда в Джованне просыпается ревность, она цепляется за эту мысль.

Она берет корзинку с работой. Ее темные волосы уложены в пучок.

– Я хорошо знаю своего мужа, – тихо говорит она, покачивая головой, избегая встречаться взглядом с донной Чиччей, и принимается вышивать.

* * *

Его встречает пыльный, грязный, суматошный город. Он помнит Марсель совсем другим. Но память, этот лживый хранитель счастья, умеет удерживать образы в вечном настоящем, в реальности невозможной, но оттого еще более реальной.

Так думает Иньяцио, испытывая легкую грусть и горечь от встречи с городом.

С Марселем связано слишком много воспоминаний. Конец сентября 1881 года, воздух пропитан влагой, а ветер, дующий с моря, пахнет свежестью и осенью. Здесь у Средиземного моря другие запахи, и цвет его темнее, как будто это другое море, не то, что омывает Сицилию.

На улицах, прилегающих к порту, множество телег и повозок. Подводы, запряженные тягловыми лошадьми, доставляют уголь на пароходы, стоящие на якоре между старым портом, который стал тесен, и новыми причалами. Иньяцио помнит, как тут было пятнадцать лет назад, когда причалы только строились.

Иньяцио медленно сходит на берег. Он приехал сюда инкогнито, на французском корабле, как обычный пассажир. На нем дорожное платье, борода коротко подстрижена, а скрытный характер у него от природы. Он хотел оценить качество услуг у конкурентов, и результат в целом его удовлетворил: неплохо, но не лучше, чем у его компании, по крайней мере, в обслуживании первого класса.

На набережной ждет экипаж. У кареты стоит Франсуа Мерле.

– Могу ли я обнять тебя или должен пасть на колени перед властелином Средиземноморья?

– Так и быть, позволю эту фамильярность. Но где, я спрашиваю, красная дорожка?

Зять смеется, раскрывая объятия.

– Как ты? – спрашивает Франсуа, открывая дверь кареты.

– Устал. Но раз уж оказался в Генуе, не мог не заехать к вам. Давно не видел сестру, к тому же дело наконец-то сделано.

– Должно быть, было нелегко.

– Расскажу!

Видно, что карета Франсуа знавала лучшие времена, но Иньяцио, кажется, этого не замечает. Он любуется городом, произошедшими переменами, рассматривает здания в популярном при Наполеоне III стиле ампира.

– Ты к нам надолго? – спрашивает Франсуа.

– На несколько дней. Нужно поскорее вернуться в Палермо. – Иньяцио поворачивается к шурину, глаза его смеются. – Завтра пойду на Биржевую площадь. Они меня не ждут. Посмотрю, что там с моей компанией.

– Ах да! Итальянская судоходная компания «Генеральное пароходство»! – Франсуа потирает руки в нетерпении. – Расскажи-ка, как все прошло в Генуе.

– Ну, если быть точным, следует добавить: «Объединенное общество Флорио и Рубаттино». После голосования в Риме все пошло как по маслу. Подписали нотариальный договор в доме сенатора Орсини, он лично выступил свидетелем. Адвокат Криспи тоже присутствовал.

Уголки рта у зятя в улыбке ползут вверх.

– Вызвал подкрепление?

– Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Оба смеются.

– Ты рад?

– Вполне. Конечно, пришлось привлечь к сделке банки... – Меж бровями у Иньяцио появляется складка. – А как иначе? «Кредито Мобильяре» финансировал Рубаттино, у него накопилось там много долгов. Нам пришлось включить его в сделку в последний момент.

– Если бы ты еще немного подождал, он сам упал бы тебе в руки.

Иньяцио качает головой:

– Да, но тогда мне досталась бы компания-банкрот, и было бы гораздо сложнее получить субсидии от государства. К тому же никто не заинтересован в том, чтобы Рубаттино обанкротился. На него работает слишком много людей.

Карета замедляет ход. Что-то случилось на перекрестке – телега завалилась на бок, по земле разлетелся товар. Франсуа опускает занавеску, тихо ругается по-французски.

Иньяцио подавляет зевоту, чувствует, как внезапно на него навалились всей тяжестью эти лихорадочные дни. Ему не хватает мягкой качки парохода, земля вызывает у него чувство усталости.

– Теперь у компании есть все: завод «Оретеа», пароходы, дома... Собственно, к этому я и стремился, да.

Карета едет дальше.

– А как восприняли новость в Палермо? Знаю, что люди там своеобразные...

– Как они могут воспринять? – пожимает плечами Иньяцио. – Все, начиная с моих рабочих, плевать хотели на новость. Ни строчки, ни комментария в газетах... будто это их не касается. Ну да, теперь у меня больше восьмидесяти пароходов. И что им с того? – В голосе Иньяцио плохо скрываемая горечь. – Важно, чтобы в их кармане звенели монеты, в остальном – хоть трава не расти...

Франсуа хочет что-то ответить, но в этот момент карета останавливается.

– Oh, je crois que nous sommes arrivés!³ – восклицает он и проворно выскакивает из кареты.

Иньяцио кивает, смотрит в окно. Перед ним двухэтажный особняк, неброский, но элегантный, с коваными балконами. Таким он его и помнит.

Из открытого окна летит возглас:

– Братец!

Иньяцио едва успевает выйти из кареты, как оказывается в объятиях Джузеппины. Сестра обнимает его так напористо, что они чуть не падают.

Джузеппина осталась прежней и в то же время изменилась. Формы округлились, волосы на висках поредели, как когда-то у бабушки, чье имя она носит. Но глаза такие же выразительные и лучатся добротой.

³ О, мы, наконец, приехали! (фр.) (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. перев.)

Она отстраняется от брата, смотрит на него, гладит по лицу.

– Родной мой! Как давно мы не виделись... – шепчет она одними губами. Притягивает к себе его лицо, осыпает поцелуями.

Иньяцио чувствует, как в груди разливается тепло. Объятия сестры – это возвращение домой. Это мир и покой. Мозаика жизни, сложившаяся вдруг в одну картину.

– Очень, очень давно! – Он крепко обнимает сестру.

На пороге появляется подросток, у него прямые светлые волосы. Он уже вошел в пору мужания, но лицо у него пока совсем детское. Это Луи Огюст, сын Франсуа и Джузеппины. Его племянник.

В памяти тут же возникает Винченцино. Он был бы сейчас чуть помладше, такой же нескладный, с недовольным видом.

Не смей об этом думать, приказывает себе Иньяцио.

– Проходи, проходи! – Джузеппина тащит его за рукав.

Они поднимаются по лестнице в небольшую гостиную, обитую синим дамастом, с бархатными креслами и низкими столиками из красного дерева. Гостиная не вычурная, обставлена со вкусом: статуэтки из слоновой кости; на столе, покрытом хорошим сукном, китайская ваза.

– У вас красиво.

– Чем богаты... – Франсуа разводит руками.

– Если я говорю, что красиво, значит, мне нравится! К чему приbedняться? – спрашивает, смеясь, Иньяцио.

Он устраивается на диване, приглашает сестру сесть рядом.

– Как Джованна? – спрашивает Джузеппина.

– Хорошо, спасибо. Я был так занят бумагами, нотариусами и адвокатами, что почти не виделся с ней. Она в Палермо, занимается домом, заботится о детях. В последнем письме, которое я от нее получил, мне показалось, что она... – он подбирает подходящее слово, – немного расстроена.

– Должно быть, ей обидно, что ты приехал сюда без нее, – наклоняет голову Джузеппина.

Иньяцио смущенно крутит на пальце дядино кольцо, надетое вместе с обручальным.

– Так получилось. Я никому не мог доверить это дело. Лагана и Орландо, конечно, много для меня сделали, но в Риме хотели видеть меня лично, и подписать договор в Генуе мог только я. А из Генуи решил заехать к вам.

– Да, ты правильно сделал, – соглашается сестра.

Франсуа сидит в кресле напротив зятя. Луи Огюст стоит неподалеку, у дверей в гостиную.

– Поди-ка сюда, – подзывает его кивком Иньяцио.

Мальчик в нерешительности смотрит на мать, неохотно подходит.

– Он говорит по-итальянски, но не очень хорошо. – Джузеппина как будто пытается оправдать сына.

– Конечно, ведь он живет в Марселе, – отвечает с улыбкой Иньяцио, глядя Луи Огюста по голове. – Вы бы почаще к нам приезжали!

– Ах, если бы это было так легко, Иньяцио, – тихо говорит Франсуа. – Конечно, я много езжу по делам, но для твоей сестры... запереть дом, поехать в Палермо... Это непросто.

Франсуа говорит, опустив глаза, и Иньяцио понимает, в чем истинная причина. Слишком много меж ними различий, и дело не только в богатстве.

– Я хотел сказать, – Иньяцио похлопывает себя по ноге, – мы будем очень вам рады. Помните, что есть дом, есть семья, где вас ждут.

Обращаясь к зятю, Иньяцио меняет тему разговора:

– А когда доставят багаж? Я кое-что вам привез, не терпится вручить подарки.

– Я думаю, после обеда, – отвечает Франсуа. – Но, если хочешь, я их потороплю.

– Нет, не стоит. – Иньяцио закрывает глаза, откидывает голову на спинку дивана.

– Я так рада, что ты здесь! – Джузеппина берет его руку. Ее тихий, мягкий голос наполнен искренностью, которая связывала их все эти годы.

Не открывая глаз, Иньяцио кивает, он тоже рад. Тяжелые дни позади, исчезло напряжение, из-за которого он не мог спать по ночам, он дышит легко и свободно, его клонит в сон.

Теперь он может расслабиться. Побывать просто Иньяцио, а не доном Иньяцио Флорио.

* * *

– Светский раут?

Утром, за завтраком, Джузеппина объявила, что вечером в форте Гантом намечается торжественный вечер, и она будет рада, если брат согласится пойти с ними.

– Скорее, кулуарная встреча городского купечества и офицеров армии и флота, – объяснила сестра, глядя на него поверх чашки с чаем. – Немного повеселиться, посплетничать.

– В конце концов, они защищают наши торговые караваны и заморские владения. С военными надо ладить, – добавил Франсуа, наливая Иньяцио кофе.

– Конечно, ты прав. Просто не хочу, чтобы мое присутствие истолковали превратно... Ты же понимаешь, теперь я главный конкурент французского флота. Люди видят то, что хотят видеть, и часто искаженно. Мне бы не хотелось, чтобы у вас из-за меня были неприятности.

– Брось, Иньяцио. Ты здесь с частным визитом. И потом, кому какое дело?

Так что вечером они втроем отправились в форт Гантом.

Джузеппина одета в голубое платье, удачно скрывающее ее погрузневшую фигуру. На шее жемчужное ожерелье, которое Иньяцио привез из Генуи. Франсуа не мог скрыть смущения, когда Иньяцио доставал подарки, и даже покраснел, когда шурин протянул ему золотые карманные часы с выгравированными на внутренней стороне инициалами.

– Ты просто красавица, моя дорогая! – говорит Иньяцио по-французски, глядя на сестру. – Франция пошла тебе на пользу, – улыбается он.

– Да, мой дом теперь здесь, – отвечает она, сжимая руку Франсуа и бросая на него полный нежности взгляд. – Но ты, братец, просто льстец: я уверена, мое платье не идет ни в какое сравнение с туалетами Джованны.

Они смеются, Иньяцио поворачивается к окну кареты, поднимает занавеску, делает вид, что интересуется архитектурой Марселя. Джузеппина права: Джованна ухаживает за собой, у нее красивые наряды и элегантные украшения... но в ней нет прозрачной ясности, какую он чувствует в сестре. Его жена играет роль. Джузеппина – нет. Но самое горькое, что он понимает свою ответственность за эту комедию положений. Ведь именно он хотел, чтобы их жизнь превратилась в спектакль, где персонажи неотличимы от играющих их актеров.

Экипаж Мерле останавливается. Перед ними выстроились в ожидании другие кареты. Джузеппина вздыхает, Франсуа сжимает ее руку.

Наконец адъютант открывает дверцу, помогает им выйти. Иньяцио с интересом рассматривает внушительный форт, выстроенный неподалеку от Старого порта. Форт Гантом – крепость, где царит армейская суровость. Однако в этот вечер здесь горят огни, оркестр настраивает инструменты, и кажется, оборонительное сооружение скинуло с себя строгость и облачилось в легкомыслие.

– Он похож на замок Каstellамаре в Палермо, – говорит Иньяцио.

– Представь, наш мог повторить его судьбу! Хорошо, вовремя поняли, что сносить его – чистое безумие. Стратегический объект, важный для обороны города. – Франсуа хлопает шурина по плечу. – Идем, я познакомлю тебя с офицерами. К купцам не пойдем, а то будут осаждать тебя вопросами о фрахтах...

Адъютанты и официанты в ливреях ведут гостей к залу, откуда доносятся звуки настраиваемых инструментов.

Иньяцио беседует на французском с офицерами. Он чувствует на себе их любопытные взгляды. Возможно, они удивлены тем, что новый повелитель итальянского флота – человек любезный и учтивый. Некоторые изучают его с явной неприязнью. Пожилой адмирал с пышными усами смотрит на него даже враждебно.

– Разве вы не понимаете, какой ущерб нанесет Франции *ваше* слияние?

– Кстати, а что вы здесь делаете? – спрашивает другой офицер с большим шрамом на щеке.

– Он приехал навестить сестру и племянника, – отвечает за Иньяцио Франсуа спокойно, но твердо. – Не одной торговлей жив человек. Месье Флорио – *мой гость*.

– Каждый получает те несчастья, которые заслуживает, – насмешливо комментирует адмирал.

– Можно найти способ их избежать, но я не жалуюсь, – улыбается Франсуа.

Все смеются, официант приносит шампанское. Женщины ходят под арками портика во внутреннем дворе, рассматривают оружейный зал, устроенный под балконный. Наконец первые звуки оркестра перекрывают гул голосов.

Франсуа догоняет жену, берет ее под руку. Иньяцио берет Джузеппину под руку с другой стороны. Втроем они входят в зал.

– Что случилось? – спрашивает Джузеппина брата, заметив его нахмуренное лицо.

– Конечно, я не ожидал, что меня примут с фанфарами, но...

– Всякому дню своя забота, – шепчет она ему на сицилийском с французским акцентом, и он не может сдержать улыбку. Так говорила их бабушка, когда хотела сказать, что не стоит зря беспокоиться.

Дабы зрительно увеличить пространство, зал украсили большими зеркалами и драпировкой. По углам в бронзовых вазах стоят ирисы, гвоздики, розы и жимолость, гирлянды цветов обвивают колонны со светильниками, от которых здесь светло как днем.

В центр зала уже вышли несколько пар. Франсуа легким поклоном приглашает жену на танец. Она кивает, поворачивается к брату.

– Ты не сердись, правда? – легким вздохом вылетает вопрос.

Муж увлекает за собой Джузеппину, и они, смеясь, танцуют контрданс.

Иньяцио чувствует легкую зависть, читая на лицах Франсуа и Джузеппины радость оттого, что они вместе. Между ним и Джованной нет подобного единения. У них прочный брак, они решили поддерживать имидж безупречной во всех отношениях семьи, но в их отношениях нет легкости, естественности, жизнерадостности. И все же сейчас ему бы хотелось, чтобы она была рядом, чтобы ее улыбка заполнила пустоту, которую он ощущает. Вот бы прогнать – хоть на один вечер – печаль, застилающую все его мысли.

Иньяцио берет еще бокал шампанского, равнодушно смотрит по сторонам, понимая, что он – объект всеобщего внимания. Наблюдает за офицерами в парадных мундирах, за купцами, болтающими слишком громко, за местными судовладельцами, поглядывающими в его сторону. Все ему безразлично, все проходит мимо него.

Пока не случается нечто.

* * *

Светлые вьющиеся волосы с рыжеватым оттенком. Длинная белая шея. Бежевое платье. Белые перчатки до локтя. В руках веер из перьев.

По спине Иньяцио бежит холодок. Он вдруг понимает, что стены кладовой, где он прятал свои воспоминания, тонкие, как бумага, и могут в любой момент порваться. А внутри – его душа, обнаженная, хрупкая.

Он ничего не слышит, в ушах какой-то шум. Все плывет, как в тумане.

Он видит вдалеке ее головку, слегка склоненную вбок, и губы, из которых вылетают неслышные слова и которые вот-вот раскроются в улыбке.

Да, с ним она смеялась.

И плакала.

Когда-то отец сказал, что главное правило в жизни очень простое: слушай голову, а не сердце. Если идешь на поводу страстей вопреки голосу разума, неизбежно потерпишь неудачу. Он говорил о работе, однако Иньяцио следовал этому правилу не только в делах, но и в частной жизни. Невозмутимость и самоконтроль были его верными союзниками как при заключении сделки, так и в воспитании детей.

Но теперь, возможно впервые, Иньяцио слушает свое сердце. И ему становится страшно, в нем говорит инстинкт самосохранения.

Он должен уйти. Немедленно.

Скажется больным, вернется домой, сестра не будет возражать. *Она* не должна его видеть, нельзя встречаться *с ней*, говорить *с ней*. Иньяцио идет в глубь зала. *На этом все закончится.*

Но поздно.

Камилла Мартен, вдова Дарбон, в замужестве Клермон, раскланивается с собеседницей, поворачивается к другой даме, затянутой в бордовое платье, – и замечает его.

Веер падает у нее из рук. Перья взлетают и опускаются на пол.

Они встречаются взглядом, рот у нее приоткрыт; кажется, она испугана, она не верит своим глазам. Краска заливает ее лицо, так что пожилая синьора, проходящая мимо, интересуется, все ли с ней в порядке. Она встряхивает головой, наклоняется, чтобы поднять веер, сжимает его в руках и смущенно улыбается, как бы извиняясь.

Вобрав глазами эту улыбку, Иньяцио поворачивается и быстрыми шагами идет к выходу.

Какой же он глупец!

Почему он не предвидел? Камилла замужем за адмиралом или кем-то в этом роде. Как же он забыл?! Он не должен был сюда приходить. Конечно, по прошествии стольких лет Джузеппина и представить себе не могла, что он...

Иньяцио переходит на быстрый шаг. *Вернусь домой, думает он, карету отправлю обратно. Да, именно так и сделаю.*

Любезно уворачивается от пытающихся заговорить с ним французских торговцев. Останавливает адъютанта и просит передать супругам Мерле, что воспользуется их экипажем.

Вот он уже под арками портика, задыхается, как от бега. Осталось пересечь двор.

Он бежит. Он, Иньяцио Флорио, самый могущественный во всем Средиземноморье человек. Он, который никого не боится. Он повторяет себе, что поступает правильно, потому что прошлое вдруг объявило ему войну, из которой, увы, нельзя выйти победителем. Если этот призрак воплотится, рухнет реальность, которую он старательно выкраивал по своему образу и подобию. Рухнет все, что имело для него ценность.

– Иньяцио!

Он останавливается.

Не оборачивайся!

Звук шагов.

Не смотри на нее!

Он закрывает глаза. Слышит ее голос:

– Иньяцио!

Платье шуршит по брусчатке.

Вот она, прямо перед ним.

Лицо похудело. Вокруг голубых глаз небольшие морщинки. Губы тоже, кажется, стали тоньше, а в светлых волосах появились серебряные нити. Но глаза – пронзительные, живые, умные – остались прежними.

– Камилла...

Она что-то хочет сказать, но не решается.

– Не думал, что ты будешь здесь...

Она молчит, поднимает руку в перчатке, вытянутые пальцы висят на мгновение в воздухе... затем обеими руками сжимает веер так крепко, что слышен скрип.

– Ты хорошо выглядишь, – произносит она наконец.

– Скажешь тоже! – Иньяцио разводит руками и горько улыбается. – Я постарел, потолок. А вот ты... ты осталась такой, какой я тебя помню.

Она склоняет голову набок, ее губы приоткрываются в легкой улыбке, которую Иньяцио так хорошо помнит и которая причиняет ему боль.

– Обманщик! Я тоже постарела. – В ее голосе нет печали, скорее снисходительность, как будто бег времени – это дар, который нужно принимать с благодарностью. Она делает шаг вперед. Подол ее платья задевает носок его туфли.

– Знаешь, а я не выпускала тебя из виду. Читала газеты... Конечно, говорила о тебе с Джузеппиной... – Она замолкает. – Знаю о твоём сыне. *Toutes mes condoléances*⁴.

Воспоминание о Винченцино – как пощечина.

У него есть семья, есть жена. Прошло больше двадцати лет, почему он разговаривает сейчас с *этой* женщиной?

Потому что любил ее больше всего на свете.

Иньяцио отступает назад и... чувствует аромат духов Камиллы – свежий, настойчивый аромат гвоздики, который навсегда связался с ней.

От этого аромата кружится голова, он неумолимо затягивает Иньяцио в прошлое.

– Камилла? Что происходит? – От аркады к ним направляется дама в бордовом платье, недоуменно разглядывает их обоих. – Я испугалась, что тебе стало плохо. Нигде не могла тебя найти...

Камилла качает головой. Она краснеет, руки ее заметно дрожат, а перья веера нервно трепещут.

Он знает, что она ищет оправдание. Удивительно, но он помнит все ее жесты.

– Я встретила старого друга, и мы разговорились, – наконец говорит Камилла, натужно улыбаясь. – Мадам Брюн, позвольте представить вам месье Флорио, брат моей подруги Джузеппины Мерле. Мадам Брюн – жена адмирала Брюна, сослуживца моего мужа.

Иньяцио кланяется и целует руку мадам Брюн.

Мой старый друг...

– Вернемся, вы не против? – Мадам Брюн машет в сторону бального зала. – Здесь так холодно...

Только тогда Иньяцио замечает, что Камилла дрожит. Машинально он предлагает ей руку.

– Да, давайте вернемся, – твердо говорит он.

Поколебавшись, Камилла берет Иньяцио под руку. Ее пальцы скользят по ткани его сюртука, как будто нашли свое место, свой привычный дом.

Вместе они входят в бальный зал. В зале жарко, воздух тяжелый от запаха пота, смешанного с ароматом цветов и одеколона гостей.

Маленький оркестр играет вальс.

Иньяцио сжимает запястье Камиллы, смотрит ей в глаза. И в блеске ее глаз вновь видит то, о чем совсем забыл: желание чувствовать себя живым и ничего никому не доказывать.

– Идем.

– Но...

⁴ Прими мои глубокие соболезнования (*фр.*).

– Идем.

Тон Иньяцио не допускает возражений. Это голос человека, привыкшего повелевать. Камилла, опустив глаза, следует за ним, растерянная и покоренная.

Иньяцио крепко держит ее в танце. Расстояние между ними не нарушает светских условностей.

– Я не права. Ты изменился, – тихо говорит Камилла. – Раньше ты не был таким решительным.

– Я был совсем мальчишкой.

Каким же глупцом я тогда был! – добавляет он про себя.

– Ты не нес на себе столько ответственности, как сейчас. У тебя яркая жизнь, она приносит тебе удовлетворение. Хороший брак.

Камилла замолкает. Он кружит ее в вальсе, слегка прижимая к себе. Их тела вспоминают друг друга, узнают друг друга. Она опускает глаза.

– И все же тебе было очень нелегко, *p'est-ce-pas?*⁵ И я не... Единственное, что я могла, это написать тебе. Но у меня не хватило смелости это сделать... когда ты потерял сына.

Иньяцио вдруг вспоминает.

Джованна. Их ссора.

Он едва не сбивается с ритма, гнев теснится у него в груди.

– Да, я получил твои письма. Они были для меня большим утешением.

Иньяцио чувствует, как хрупка реальность, как прошлое теснит настоящее. Каждая фраза, каждая минута, каждая капля чувства, разделенного с той женщиной, поднимается в нем яростью, которая может разрушить все.

Еще один круг. Он снова прижимает Камиллу к себе, на этот раз крепче. Теперь их тела соприкасаются.

– Иньяцио... – Камилла пытается отстраниться.

Он прикрывает глаза, как от боли, и, кажется, ему и вправду больно. Она это понимает, потому что чувствует то же напряжение, тот же страх.

– Ничего не говори... – Его дыхание касается ее уха.

Под броней одежды струйки пота скапливаются меж лопаток, стекают по спине.

Последние такты вальса. Они кружатся все быстрее и быстрее, все теснее прижимаясь друг к другу, наконец Камилла откидывает голову назад, платье закручивается вокруг ног. Ее глаза закрыты, на лице – отрешенность, как в те моменты, о которых он прекрасно помнит, отчего его сердце трепещет.

Слеза, повисшая меж ресниц, скатывается по ее щеке. Никто этого не видит. Никто, кроме него.

Музыка стихает.

Они стоят в толпе танцующих, прижавшись друг к другу.

Гул голосов возвращает их в реальность.

Они резко отстраняются друг от друга, отступают назад. Кожа и руки горят. Их глаза не могут расстаться.

Первым приходит в себя Иньяцио.

– Идем. Я провожу тебя к мадам Брюн.

Церемонно поцеловав дамам ручки, Иньяцио прощается.

Он уходит, а Камилла все смотрит ему вслед.

⁵ Не так ли? (*фр.*)

* * *

Как не похож Марсель на Палермо, думает Иньяцио. Он быстро привык к пыли и хаосу, ему нравится в этом городе новизна, биение жизни, изобилие. Народы, голоса, языки – все здесь перемешивается, вьется по улицам и переулкам, варится в одном плавильном котле.

– За эти годы город сильно изменился, – замечает он.

– Деньги из колоний и стремление к новизне совершили здесь революцию, – кивает Франсуа. – Новые доки уже построены, но, говорят, порт будет дальше расширяться. Да, в этом городе есть то, чего не хватает Палермо... – вздыхает он.

– Желание перемен, – кивает Иньяцио.

Величественное здание марсельской биржи с большими колоннами напоминает греческий храм. Оно находится рядом с Канебьер, главной торговой улицей города.

В конторе все на удивление исправно. Должно быть, кто-то видел Иньяцио накануне, потому что кругом чистота, все клерки на рабочих местах. Иньяцио разговаривает с ними, знакомится с управляющим, кратко объясняет цели и задачи компании теперь, после слияния Флорио и Рубаттино.

Однако мысли его неотступно возвращаются к вчерашнему вечеру.

Он рассказывает о новых линиях, на которых будет работать компания, – это маршруты из Марселя в Америку.

В какой-то момент к нему подходит Франсуа, он заметно нервничает.

– Извини, мне придется уйти: только что сообщили, что на таможне проблемы, якобы какие-то счета остались неоплаченными. Нужно проверить.

– Такое случается сплошь и рядом! Проклятая бюрократия. – Иньяцио похлопывает зятя по плечу. – Конечно, ступай!

– Хорошо, что таможня близко. Оставлю тебе экипаж. Как справишься, сможешь на нем вернуться домой.

– Я потом пришлю его к тебе.

– Не волнуйся. Думаю, денек сегодня будет не из легких...

Иньяцио провожает взглядом Франсуа и возвращается к разговору с управляющим. Потом подходит к клеркам, знакомится. Просит принести из ближайшей кондитерской пирожные и ликер. Он знает, что за едой люди становятся разговорчивей.

После полудня он выходит из конторы, одариваемый теплыми напутствиями и широкими улыбками.

Ворота закрываются за его спиной, и вдруг он понимает, что – впервые за много лет – у него нет никаких планов о том, как провести остаток дня. Иньяцио смущен и растерян. Вокруг суета портового города: велосипеды, лошади, кареты, мужчины в черных котелках, горничные с корзинами для покупок, элегантные дамы с зонтиками. Им всем, кажется, есть чем заняться, куда пойти...

А я? – думает Иньяцио. *Куда я могу пойти?* Он вспоминает, что Франсуа восторженно рассказывал об одном кафе на виа Канебьер, там есть фонтан и большие зеркала, в которых отражаются посетители. Неплохо было бы также прогуляться к порту...

Или пойти к ней.

– Нет, – бормочет он, качая головой. – Не нужно совершать глупостей.

Иньяцио идет вперед, потом останавливается, возвращается назад. Случайный прохожий бросает на него недоуменный взгляд.

Все, хватит! – говорит он себе.

Он подходит к ожидающей его карете и велит кучеру везти его домой. Скрестив руки на коленях, смотрит на город невидящим взглядом. *Выброси из головы эту блажь*, говорит он себе, *Джузеппина будет счастлива поболтать с тобой о том о сем*.

Выйдя из кареты, он спрашивает кучера, не знает ли тот, где живут мадам Луиза Брюн и мадам Камилла Клермон, затем спрашивает, нет ли у мадам Мерле знакомого цветочника, тем самым давая понять, что хочет послать цветы этим дамам. Кучер – худой, с глубокими шрамами на лице – отвечает, что да, конечно, он знает, где живут эти дамы, подруги мадам Мерле. И, сказав ему адреса, объясняет, что рядом есть цветочная лавка, одна из лучших в Марселе...

– Отвезти вас туда?

– Спасибо, не нужно, я хотел бы пройтись пешком. Поезжай-ка, дружище, за своим хозяином, – говорит Иньяцио и дает кучеру на чай.

Экипаж трогается с места. Слышен лишь стук колес по мостовой.

Иньяцио поднимает голову, смотрит на балкон дома Джузеппины. Ставни закрыты. Похоже, дома никого нет.

Он тянет руку к колокольчику у двери. Отводит руку, отступает назад.

* * *

Иньяцио плохо ориентируется в городе, но знает, как пройти на виа Канебьер. Там он берет извозчика и просит отвезти его к дому Камиллы.

Дом Клермон расположен в тихом переулке неподалеку от форта Гантом. Элегантные белые особняки, кажется, сверкают на солнце. Из окон свисают флаги, на многих мужчинах армейские мундиры. Иньяцио понимает, что здесь живут семьи военных.

Он выходит и отпускает экипаж. Подходит к двери, втайне надеясь, что Камиллы нет дома.

Второй раз за эти два дня он нарушает *завет* отца: слушать голову, а не сердце.

Стучит в двери, делает шаг назад, ждет.

Еще не поздно уйти, думает он, и в этот момент пожилая горничная в сером платье открывает дверь.

– Мадам Клермон дома? – спрашивает Иньяцио, снимая шляпу.

Сверху доносится веселый женский голос. Звуки шагов по лестнице.

– *Que se passe-t-il, Agnès?*⁶

На ступенях лестницы стоит Камилла. На ней домашнее платье в цветочек, волосы распущены по плечам – значит, она заканчивала прическу.

Улыбка медленно сходит с ее лица.

Он опускает глаза. У крыльца высеченная из мрамора собака, кажется, готова укусить его за лодыжку.

– *Pardonne-moi d'être venu sans te prévenir*⁷. – Голос у него тихий, даже робкий.

Камилла качает головой, проводит ладонью по губам.

Горничная растерянно переводит взгляд с хозяйки на гостя и обратно.

Иньяцио отступает на шаг.

– Извини, – смущенно произносит он. – Вижу, ты занята. Всего хорошего!

Иньяцио надевает шляпу.

– Подожди! – Камилла бросается по ступенькам вниз, протягивает руку, желая его удержать. – Ты застал меня врасплох... Проходи.

⁶ Что происходит, Агнесса? (фр.)

⁷ Прости, что я без предупреждения (фр.).

Горничная отходит в сторону, пропуская Иньяцио. Камилла что-то говорит ей шепотом, и женщина поспешно уходит.

– Проходи. Пойдем в гостиную.

В просторной светлой гостиной стоят обитые темным бархатом диваны, стены украшены натюрмортами и морскими пейзажами. Есть здесь и экзотические предметы, очевидно, привезенные хозяином дома: резной бивень, египетская статуэтка, изящные шкатулки из дерева и перламутра и даже из бронзы арабской работы. Пока Иньяцио их рассматривает, горничная ставит на столик из красного дерева поднос с двумя кофейными чашками и вазочку с печеньем.

– Мерси, – говорит Камилла. – Ступай домой, Агнесса. Придешь позже.

Горничная уходит с легким поклоном. Камилла поворачивается к Иньяцио.

– У нее сегодня родился внук, нужно помочь дочери, – объясняет она. – Похоже, были трудные роды.

На лицо Камиллы набегает тень, внезапная грусть с оттенком горечи.

– Бедная девушка сейчас одна. Ее муж в море, и неизвестно, когда вернется... Он с моим мужем на корабле «Альхесирас»...

Камилла садится, разливает кофе, затем кладет ложку сахара себе в чашку. Поднимает голову:

– Тебе две, верно?

Иньяцио стоит у окна. Кивает.

Наконец садится напротив Камиллы. Пристально смотрит на нее. Свет, проникающий сквозь гардины, пляшет в ее волосах красноватыми бликами.

Кофе пьют молча. Поставив чашку на блюдце, Камилла поднимает на Иньяцио глаза:

– Зачем ты пришел?

Ее голос звучит так твердо, что Иньяцио теряется. Эта суровость его настораживает. *Она защищает, думает он. От меня? От прошлого?*

– Поговорить с тобой, – признается он. С ней быть честным легко, именно благодаря Камилле он узнал себя. Когда-то он без труда понимал ее душевное состояние, ведь она была с ним всегда откровенна.

А сейчас?

Они расстались после того, как Иньяцио признался, что у него не хватает смелости изменить свою жизнь, он не может обмануть ожидания отца. Он – наследник дома Флорио, ничто не в силах изменить его судьбу. Брак по расчету был простым и неизбежным следствием этого выбора. *Слушай голову, а не сердце.*

Долгое время после расставания Иньяцио не мог читать ее письма, избегал спрашивать о ней. Успех, власть и богатство, словно невидимые гири, утянули в глубину его души страдания, раскаяние за обман любимой женщины, сожаление о том, что все могло бы сложиться иначе. Время от времени воспоминания, как приливы, захлестывали его, и он в какой-то степени даже благодарен им за боль, которую они причиняли, потому что в ней соединялась горечь не до конца угасшего чувства и наслаждение от обладания тайной: эти воспоминания, эта непрожитая жизнь принадлежали ему и только ему.

Но Камилла? Как сложилась ее судьба?

Он ничего не знал. Он *решил*, что ничего не хочет знать. Как она жила все это время? Была ли она счастлива? У него есть дело, его бремя и благословение, а чем занята она?

– Я знаю, мне не следовало приходить, это может вызвать пересуды. Но сегодня...

– Сегодня – что? – Она ставит чашку на поднос, смотрит ему прямо в глаза. – Что тебе нужно от меня, Иньяцио?

Твердый взгляд, решительный тон. Где та Камилла, какую он помнит, со слезами смотрящая ему вслед? Слова застревают у него в горле. Что скрывается за этими упреками? Обида – безусловно. Но, возможно, и *страсть*? Внезапно он понимает, что разучился чувствовать ее

состояние, что перед ним совсем не та Камилла, которая умоляла не бросать ее. И дело не только в том, что прошло много лет.

Есть ошибки, которые не исправить. Они замуровывают вход в прошлое.

Слова даются Иньяцио с большим трудом. Он внезапно понимает, зачем ему нужно было встретиться с Камиллой еще раз.

– Но сегодня я пришел, потому что хотел... извиниться за то, что случилось тогда. Из-за меня.

– *По твоей вине*, – уточняет она, и ее голубые глаза темнеют. – Истинная причина в другом, а *вина* – твоя.

Иньяцио ставит чашку на поднос, кофе выплескивается на блюдце.

– Из-за меня или по моей вине, какая разница? – не скрывая раздражения, говорит он, задетый за живое. – Да, я мог бы поступить иначе, но у меня были и есть обязательства. Тогда – по отношению к отцу. Сегодня – по отношению к семье.

Камилла встает, подходит к окну. Руки скрещены на груди.

– Знаешь, вчера вечером я кое-что поняла. – Она говорит торопливо, отрывисто. – Власть – вот чего ты жаждал больше всего на свете, Иньяцио. Власть и признание в обществе. Ты не выбирал между родителями и нами: ты просто выбрал себя.

Камилла поправляет прядь волос. Голос ее дрожит.

– Вчера я наблюдала за тобой: уверенность в словах, в жестах... И тогда я поняла: тот мальчик, которым ты был, – это тот мужчина, которым ты стал. Глупо, что я думала иначе. Поверила, что нужна тебе. Ты никогда не нуждался ни в чем, кроме дома Флорио.

У Иньяцио заныло в груди, как от тяжелой утраты. *Нет*, думает он, *это не она. Она не может говорить мне такие слова.*

Он энергично встряхивает головой:

– Неправда, черт возьми. Нет! – Он вскакивает на ноги, хватая Камиллу за плечи, будто хочет ее встряхнуть. В ее взгляде испуг. Тогда он опускает руки, принимается ходить по комнате большими кругами, проводя руками по волосам.

– Мне пришлось так поступить, у меня не было выбора. Я не мог иначе. Ты знаешь, кто я на Сицилии, в Италии, кто я для моего народа? Ты знаешь, что значит быть Флорио? Мой отец создал наш дом, но это я сделал его великим, я.

Камилла дает ему выговориться, затем подходит к нему, гладит по щеке. В ее глазах печаль, такая глубокая, что в ней мгновенно тонет ярость Иньяцио.

– У тебя не было выбора? Ты просто *не хотел* выбирать. Ты сделал дом Флорио великим? Да, но какой ценой, *mon aimé*?⁸

Какой ценой?

Внезапно вся жизнь проносится у него перед глазами, как тогда, когда он тонул. Вот он идет с отцом в контору. Вот рабочие завода «Оретеа» слушают его. Вот он встречается Джованну, не слишком красивую, не богатую, но умную, решительную, а главное, дворянских кровей, – именно о такой партии для него они с отцом мечтали. Вот его дети, растущие в поистине королевском дворце. Его вес в политике, министры, которые хвалятся дружбой с ним. Художники, писатели, желающие попасть в Оливуццу.

Корабли. Деньги. Власть.

И вдруг – темнота. В свете хрустальных люстр и блеске столового серебра Иньяцио видит лишь собственное отражение, деформированное, как в кривом зеркале, – словно одиночество, пронизывающее все его существование, вырвалось наружу. Он знает, что не обладает ничем, кроме денег, вещей, людей.

⁸ Моя любовь (фр.)

Обладать. У него нет ничего своего, того, что действительно принадлежало бы только ему. Кроме воспоминаний о ней.

Камилла берет его руки в свои, пальцы их ладоней переплетаются.

– Мне больше нечего сказать тебе, Иньяцио. Я рада, что ты здоров, богат и знаменит, как ты всегда хотел. Но мы... от нас ничего не осталось.

Иньяцио смотрит на их сплетенные руки.

– Нет, это не так. Есть ты. – Голос у него глухой, хриплый. – Все, чего я добился в жизни, я сделал во многом благодаря и тебе... памяти о тебе. Памяти о нас.

Он поднимает голову, ищет ее взгляд. Теперь он совсем беззащитен.

– Я думал, этого хватит на всю жизнь, но нет... Прости меня, я причинил тебе столько боли. Вчера вечером ты увидела мужчину, каким я стал. Теперь я вижу, какой стала ты, да что там, всегда была: сильной, смелой. Способной меня простить.

– Я не могу тебя простить.

– Почему?

– Ты прекрасно знаешь, что это невозможно.

Иньяцио смотрит на нее, не в силах ответить. Он обрек их на одиночество. Свое одиночество он облачил в золото и авторитет. Но она? Снова этот мучительный вопрос, безграничное, безмерное чувство вины перед ней.

– А ты... – наконец-то смог выговорить он. – Как ты нашла в себе силы жить дальше?..

Камилла смотрит на него с горькой улыбкой.

– Как после кораблекрушения. После того, что произошло... я долго выздоравливала, но так до конца и не оправилась. Через два года встретила Мориса, своего будущего мужа, но к тому моменту я была уже лишь наполовину женщиной.

Иньяцио отступает назад. *Выздоровливала?*

Он тихо спрашивает, чувствует, как внутри него все дрожит, он чего-то не знает, чего-то не понимает.

Камилла наклоняет голову вбок. Все прошедшие годы пробегают по ее лицу.

– Я потеряла ребенка, – говорит она на одном дыхании.

– Ребенка? – Руки Иньяцио опускаются. Ощущение, будто он получил пощечину. – Ты была...

Камилла снова садится на диван. Бледная, она закрывает лицо руками.

– Я писала тебе, рассказывала обо всем. Ты не отвечал. Сначала я думала, что ты не хочешь, а потом решила, что кто-то, может быть, твой отец, прячет мои письма...

Письма.

Письма, черт возьми, те самые письма, которые он не решался открыть, потому что не хотел чувствовать боль, не хотел слышать ее упреки, ведь все закончилось, какой смысл рвать себе душу? Зачем *толочь воду в ступе*?

Ноги подкашиваются. Нужно сесть. Все воспоминания – вот они вместе, их тела тесно прижаты друг к другу, она улыбается, смотрит на него влюбленными глазами – рассыпались в одно мгновение. У него мог бы быть ребенок, *ее ребенок*, но...

– Я поняла, что беременна, и через несколько дней потеряла ребенка. Не успела осмыслить, как все кончилось. Я не знаю, почему это произошло, может, от горя, может, судьба... как знать. Когда началось кровотечение, я была в Провансе, далеко от города. Что я могла поделать?.. – Она говорит тихо, не глядя на него, на лице застыла гримаса боли. – Удивительно, как я сама выжила.

Камилла решительно встает, поворачивается к Иньяцио.

– Позже мне сказали, что еще одна беременность сведет меня в могилу. У меня никогда не будет детей. Вот что ты наделал, Иньяцио.

Иньяцио боится посмотреть на нее. Камилла наклоняется, берет его за подбородок, как делала раньше, когда хотела поцеловать.

– Ты забрал у меня все.

– Я не знал... Я не мог. Я... – Иньяцио трудно дышать. Ему вдруг становится ужасно неприятен запах кофе, остывшего в чашках, и запах женщины. Они кажутся ему тошнотворными.

– Я гнал прочь все мысли о том, что произошло меж нами, и так и не открыл твои письма. Я хранил их, и сейчас храню, нераспечатанными. Расставание с тобой было болью.

Но как ничтожна моя боль сейчас, как незначительна. Как бесполезны мои извинения...

Она качает головой. На мгновение кажется, будто лицо ее смягчается прощением, но Иньяцио понимает, что это горечь. Разочарование.

– Теперь уже неважно. Даже если бы ты узнал о том, что произошло, сомневаюсь, что ты вернулся бы. Твои слова лишь подтверждают то, что я давно поняла... – Она вздыхает. – Ты просто трус.

Иньяцио в отчаянии обхватывает голову руками.

Пустота. Все, что он хранил в своей памяти, превратилось в ничто. Его тайная, воображаемая жизнь, его мечты и желания – грудa обгоревших костей, руины, на которые плеснули негашеной известью.

Слабый, разбитый, опустошенный чувством вины. Таким Иньяцио себя ощущает. Он поднимает голову, встает. Тошнота сжимает горло, в груди жжет. Комната потемнела, поблекла, и даже Камилла, кажется, внезапно постарела.

Он хотел бы сказать ей, что любил ее так, как любят несбыточные мечты. Он хотел бы сохранить хоть что-то из своей иллюзии.

– Прости меня. Я...

Она не дает ему договорить. Прикладывает палец к его губам, гладит его ладонью по лицу, и в этом жесте и нежность, и злость.

– Ты. Ну да, всегда ты, только ты.

Камилла отводит руку, указывает на дверь:

– Уходи, Иньяцио.

* * *

Иньяцио не помнит, где и сколько времени он бродил после того, как ушел из дома Камиллы. Помнит только, что внезапно увидел мачты и дымовые трубы, сложенные паруса и телеги, груженные товаром.

Старый порт.

Он озирается по сторонам, будто только что проснулся.

Крутит на пальце золотое отцовское кольцо, надетое вместе с обручальным, думает, что оно значит. Ловит себя на мысли, что хочет избавиться от него, выбросить в море, далеко в море, больше не чувствовать эту тяжесть на безымянном пальце. Бросить все, отказаться от всего.

Но как? Это кольцо принадлежит его семье. Оно – часть истории Флорио. Как и обручальное кольцо, свидетельство его выбора.

Он идет к дому Франсуа и Джузеппины. Хватит, пора возвращаться в Палермо.

Он – Иньяцио Флорио, но и он не может исправить свое прошлое, изменить судьбу. Даже боги не обладают такой силой. Он просчитался, он побежден и теперь выплачивает огромную контрибуцию.

Он не думает ни о Джованне, ни о детях.

У него мог быть еще один ребенок, другая жизнь, другая судьба.

Размышляя так, он подходит к дому Мерле.

Поднимается на крыльцо, стучится в дверь. Джузеппина открывает, целует брата.

– Что-то ты поздно. Все в порядке на place de la Bourse?⁹ – Она хмурит лоб.

Недавние события кажутся ему очень далекими.

– Да, – лаконично отвечает Иньяцио. – Франсуа вернулся? Я знаю, у него были проблемы...

Сестра пожимает плечами, словно говоря: ничего особенного. Смотрит на Иньяцио и замечает, что тот расстроен. Ей хочется узнать почему, но она удерживается от расспросов. Пусть брат сам все расскажет.

Иньяцио идет за ней в гостиную. Джузеппина бегло просматривает письма, лежащие на столе, выбирает некоторые конверты и передает брату.

– Пришли для тебя утром из Палермо вместе с телеграммой от Лагана.

Иньяцио находит среди конвертов письмо от Джованны и письмо от Джулии.

Он опускается в кресло, раскрывает конверты.

Жена пишет о доме, о детях. Пишет, что Иньяцидду ведет себя хорошо, он стал более ответственным. Они недолго пожили на вилле у холмов, где воздух свежее, и в гости приезжал Антонино Лето. И Альмейда с женой тоже навестили. Жизнь идет спокойно, но без него дом кажется пустым. «Надеюсь, ты скоро вернешься», – заканчивает письмо Джованна. В ее скромности и целомудрии – отстраненность, позволяющая скрывать сильные чувства, любовь, которую она дает ему, ничего не прося взамен.

У Иньяцио сжимается в горле.

А вот и письмо от Джулии, его *мальшики*.

Робким детским почерком дочь пишет, что хочет показать ему, как она научилась рисовать: на обратной стороне листа рисунок карандашом – пуделек, одна из их собачек в Оливуцце. Пишет, что мама и донна Чичча учат ее вышивать, но без особых успехов. Ей нравится наблюдать, как рисует Антонино Лето, и она следует за ним по пятам, когда он рисует у них в парке. В конце пишет, что мама без него скучает. «И я тоже жду не дожусь, когда ты приедешь».

Обычное письмо маленькой девочки отцу, которого она обожает и которого не видела уже давно.

В душе у Иньяцио происходит беззвучная катастрофа.

Он чувствует на себе пристальный взгляд сестры.

– Все в порядке там, в Палермо? – спрашивает она.

Он молча кивает. Потом встряхивает головой, словно просыпаясь ото сна.

– На следующей неделе поеду домой, – говорит он. – Они ждут меня. Я нужен моей семье.

– И правильно, – вздыхает Джузеппина, поджав губы.

⁹ Биржевой площади (*фр.*).

Олива

Декабрь 1883 – ноябрь 1891

Любящее сердце далеко видит.

Сицилийская пословица

18 октября 1882 года на банкете, устроенном избирателями городка Страделла в Ломбардии, депутат от этого округа, глава кабинета министров Агостино Депретис произнес речь, в которой подчеркнул возвращение к политике трансформизма. Впервые об этом он заявил в той же Страделле восемь лет назад. Исчезает разделение на правых и левых, на смену которому приходит, по словам историка Артуро Коломбо, «поглощение, расчетливое и искусное, персонажей и идей, принадлежавших к различным оппозиционным течениям». Успех этой программы проявился уже на выборах «с расширенным избирательным правом» (2 миллиона человек из более чем 29 миллионов получили право голоса), состоявшихся 29 октября: левые Депретиса победили, а в палату депутатов были избраны 173 «министерских» депутата, то есть формально не связанных с какой-либо партией. Начинается период, когда итальянская политика опирается не столько на идеологию, а балансирует между потребностями, содействием и уступками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.